

В.А. МАУ

СОЧИНЕНИЯ

Том 5
Книга 1

Владимир Мау

**Сочинения. Том 5. Экономическая
история и экономическая
политика. Статьи. Книга 1**

«РАНХиГС»

2010

УДК 338(470)(08)
ББК 65.9(2Рос)я44

May B. A.

Сочинения. Том 5. Экономическая история и экономическая политика. Статьи. Книга 1 / В. А. Мау — «РАНХиГС», 2010 — (Государство и экономика. Опыт экономической политики)

В первой книге пятого тома представлены статьи по различным аспектам экономической истории и экономической политики, ставшие результатом тридцати лет исследований, выполнявшихся автором в Институте экономики АН СССР, Институте экономической политики, Рабочем центре экономических реформ при Правительстве РФ и в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Статьи сгруппированы по тематическим разделам: история советской экономики, ее становление, попытки реформирования и кризисы; теория революционной трансформации; анализ отдельных аспектов социально-экономического развития России в условиях радикальных посткоммунистических преобразований.

УДК 338(470)(08)
ББК 65.9(2Рос)я44

© Мау В. А., 2010
© РАНХиГС, 2010

Содержание

Предисловие	6
Раздел I	8
Экономика. Исторический очерк[1]	8
Модернизация	8
Советская хозяйственная система и ее реформирование	9
Советская система в 1985–1991 годах	13
Посткоммунистическая трансформация	15
Библиография	19
Противоречия социалистической доктрины	21
Марксово учение о планомерности и вопросы непрерывности планирования в работах Г.М. Кржижановского И В.В. Куйбышева[26]	38
На полпути к «военному коммунизму»[54]	45
Нэп в контексте российской революции[65]	55
Нэп и планирование[74]	64
Первые залпы на плановом фронте: Госплан и Наркомфин в 1922–1925 годах[96]	73
У истоков товарного дефицита[108]	82
Бюрократизм и плановое хозяйство: исследования первого послереволюционного десятилетия[127]	90
В.А. Базаров[157]	101
Концепции народнохозяйственного планирования[173]	105
Вопросы планомерности социалистической экономики в экономической литературе (1936–1954 годы)[197]	114
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Владимир Александрович Мау
Экономическая история
и экономическая
политика. Статьи. Книга 1

Научный редактор

канд. филос. наук Антонова Е. В.

Предисловие

Настоящий том предлагает вниманию читателя статьи по различным аспектам экономической истории и экономической политики. Это результат тридцати лет исследований, выполнявшихся преимущественно в Институте экономики АН СССР (1981–1990 годы) и в Институте экономической политики, который носит ныне имя Е.Т. Гайдара (в 1993–2009 годах назывался Институт экономики переходного периода), а также в Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации.

Разумеется, на ход и результаты исследований большое влияние оказала работа автора в Правительстве Российской Федерации – как в Аппарате Правительства, так и в Рабочем центре экономических реформ. Вовлеченность в практику экономических реформ и революций, при всей сложности этой работы, является несомненным подарком для экономиста. Особенно ценен этот опыт для исследователя экономической истории. При всей неоднозначности политической оценки периода краха СССР и формирования рыночной экономики России ни у кого не может вызывать сомнений, что страна проходила тогда через поистине исторические преобразования.

Статьи в настоящем томе сгруппированы по тематическим разделам, отражающим основные сферы интересов автора.

Первый раздел посвящен истории советской экономики, ее становлению, попыткам реформирования и кризису. Особый интерес представляет опыт экономических реформ периода нэпа (1920-е годы) и хозяйственной реформы 1965 года. В ряде статей рассматриваются вопросы развития советской экономической мысли – весьма специфического направления мировой экономической науки XX века.

Второй раздел предлагает анализ теории революционной трансформации – как общие принципы этого типа трансформации, так и применимость их к российским реалиям 1980-1990-х годов. (Более подробно эти вопросы рассматриваются в книге «Великие революции. От Кромвеля до Путина», составляющей том 3 настоящего издания.)

Третий раздел содержит статьи по проблемам посткоммунистической трансформации. В отличие от годовых обзоров, помещенных в томе 4, здесь анализируются отдельные аспекты социально-экономического развития России в условиях радикальной посткоммунистической трансформации 1990-х годов.

Четвертый раздел включает работы по различным аспектам социально-экономического развития современной России – от ее национально-государственных интересов до вопросов стратегического планирования в новом, посткоммунистическом, варианте.

Пятый раздел посвящен работам в области региональной экономики. Региональный аспект является одним из важнейших для федеративного государства вообще и для столь обширного государства, каким является Россия, в особенности.

Шестой раздел содержит статьи по проблеме, которая остается актуальной в России на протяжении последних трехсот лет. Речь здесь идет о модернизации, и особенно о догоняющей модернизации в условиях постиндустриальных вызовов.

Седьмой раздел посвящен урокам глобального кризиса, с которым мир столкнулся в 2008 году и который будет оставаться еще на протяжении ряда лет одним из определяющих факторов мирового экономического развития. Автор анализирует современный кризис в исторической ретроспективе, прежде всего сопоставляя его с глобальными кризисами 1930-х и 1970-х годов.

Восьмой раздел предлагает статьи по проблемам профессионального образования. Эта тема не могла пройти мимо внимания автора, в 2002 году возглавившего высшее учебное заведение. С учетом специфики Российской академии народного хозяйства и государствен-

ной службы при Президенте Российской Федерации особое внимание уделяется проблемам высшего образования и бизнес-образования в современном мире.

Девятый раздел включает статьи памяти Е.Т. Гайдара— выдающегося экономиста и государственного деятеля. А главное – мужественного человека, взявшего на себя ответственность за страну в момент наивысшей точки кризиса и заложившего основы того благосостояния, к которому Россия пришла к настоящему времени.

Раздел I

Советская экономика: становление и развитие

Экономика. Исторический очерк¹

Модернизация

Реформы Петра I. На рубеже XVII–XVIII веков перед правительством России встала задача модернизации экономики, которая оставалась натуральной со слабо развитой промышленностью. В то время как в большинстве стран Европы уже преобладал денежный оброк, что способствовало повышению личной заинтересованности крестьян и росту производительности труда, в России продолжался процесс закрепощения крестьян, а производительность труда оставалась в 1,5–2 раза ниже. При отсутствии регулярных выходов к морю экономика страны носила черты автаркии. Проблемы усугубляла громоздкая система государственного управления. Это порождало трудности как политического, так и военного характера: отсталая экономика и неэффективная армия в перспективе ставили под угрозу существование России как независимого государства. Политика, провозглашенная Петром I, должна была сопровождаться формированием конкурентоспособной по отношению к европейским странам социально-экономической системы. В конце XVII – первой четверти XVIII века реформирование затронуло почти все стороны государственной и общественной жизни: налоговая реформа (введение подушной подати), денежная реформа, реформы местного, центрального и высшего государственного управления, строительство мануфактур, поворот к меркантилизму во внешней торговле, военная реформа (переход к регулярной армии и флоту). Усилия Петра I привели к развитию промышленности, торговли, капиталистических элементов хозяйства при господстве крепостного строя. Уже тогда проявилась одна из важнейших особенностей модернизации российской экономики: в условиях низкой нормы национальных сбережений государство играло особую роль – оно инициировало реформы, определяя приоритетные направления развития и способы аккумулирования ресурсов. Так, из 205 мануфактур, существовавших в середине 1720-х годов, 115 были частными, 90 – казенными.

После смерти Петра I реформы пошли на спад. Не появилось социальных групп, заинтересованных в продолжении преобразований, не было создано механизма самовоспроизведения реформ. Экономическая политика преемников Петра I на российском престоле была направлена на консервацию крепостничества и сохранение дворянства как опоры трона, несмотря на потери в конкурентоспособности на мировой арене.

Политические и экономические реформы 1861–1911 годов. Реформы Александра II, начавшиеся в 1861 году с отмены крепостного права, охватили ключевые сектора политической и хозяйственной жизни: местное самоуправление (формирование земств), судебную систему (обеспечение независимости судов), военную организацию (переход от рекрутского набора к воинской обязанности).

Реформы продолжались и при Александре III и при Николае II с акцентом на оздоровление и укрепление финансовой системы. В оздоровлении государственного бюджета, пре-

¹ Опубликовано в: Большая Российская энциклопедия. В 30 т. Том «Россия». М.: Большая Российская энциклопедия, 2004.

вращении рубля в одну из самых надежных валют, а также в жестком протекционизме во внешней торговле реформаторы того времени (С.Ю. Витте, В.Н. Коковцов) видели необходимые условия подъема национальной промышленности. Инициированная П.А. Столыпиным аграрная реформа (1906 год) была направлена на разрушение общинной системы землевладения и землепользования и стимулирование развития частных крестьянских хозяйств. Эти реформы привели к заметному ускорению социально-экономического развития в 1890-х годах, а также в 1909–1913 годах.

Индустриализация конца XIX – начала XX века. Россия оставалась аграрной страной – сельским хозяйством было занято 80 % населения; в этой сфере производилось две трети ВВП. Преодоление разрыва с развитыми странами требовало превращения российской промышленности в доминирующий сектор экономики. Российская индустриализация имела ряд важных особенностей. Во-первых, государство должно было обеспечить концентрацию ресурсов в передовых отраслях – посредством налоговой системы, государственного спроса (прежде всего на продукцию военной промышленности и железные дороги), а также путем создания государственных институтов, гарантирующих сохранность частного капитала (например, госбанков для аккумуляции капитала традиционных сословий – дворянства и крестьянства). Во-вторых, необходимо было активное привлечение иностранного капитала в форме государственных займов и прямых инвестиций. В-третьих, важным источником капитала для индустриализации были доходы от экспорта сельскохозяйственной продукции. В-четвертых, основой промышленного роста России стало формирование крупных монополистических объединений.

Существенную роль в индустриализации играло железнодорожное строительство, стимулировавшее развитие многих сопряженных отраслей. За 1861–1891 годы протяженность железных дорог возросла с 1,5 до 28 тыс. верст, а в 1899 году составила уже 58 тыс. верст. В 1890-е годы

Россия смогла отказаться от импорта паровозов. Появились и начали быстро развиваться такие отрасли, как нефтедобыча и нефтепереработка, машиностроение, химическое производство и др. В годы нового подъема (1909–1913) по темпам среднегодового прироста стоимости фабрично-заводской продукции, составлявшим 10,1 %, Россия опередила не только Великобританию и Францию, но и Германию и США. Продукция промышленности покрывала 80 % внутреннего спроса. В 1887–1900 годы промышленное производство увеличилось в 2,5 раза, тогда как численность промышленных рабочих – только в 1,8 раза, что свидетельствовало о росте производительности труда. Индустриальный бум позволил России заметно сократить отставание от ведущих западноевропейских стран и США по общему уровню промышленного развития.

Однако это было только начало модернизации. Хотя Россия и занимала пятое место в мире и четвертое – в Европе по объему промышленного производства, две трети продукции экономики создавались в сельском хозяйстве, не было собственного станкостроения, тракторостроения и т. д., слабо была развита химическая промышленность.

Советская хозяйственная система и ее реформирование

Россия после военно-революционного периода. Тяжелейшим периодом для России были 1914–1921 годы. Во время Первой мировой и Гражданской войн ее экономика оказалась разрушенной. Последствия войн, интервенции, прежде всего людские и материальные потери, физический и моральный износ оборудования еще более осложнили ситуацию. ВВП сократился почти на 80 %.

С началом мирного времени перед страной встала двуединая задача: восстановить разрушенное хозяйство и возобновить движение по пути ускоренной индустриализации. Пер-

вая задача была решена к 1926–1927 годам, и основное внимание политиков и экономистов вновь сосредоточилось на проблеме коренной модернизации народного хозяйства.

Во главу угла встал вопрос о социально-экономическом механизме, способном обеспечить индустриальный рывок.

За первое десятилетие существования коммунистической системы были применены два диаметрально противоположных экономических механизма: «военный коммунизм», предусматривавший полный отказ от каких-либо элементов рынка и кредитно-денежных отношений, и новая экономическая политика (нэп), сочетавшая государственный контроль над ключевыми секторами экономики с развитием частнопредпринимательской инициативы и рыночных отношений. Политика «военного коммунизма» оказалась чреватой не только полным параличом экономической системы, но и нарастанием политического кризиса в стране. Нэп обеспечил быстрое послевоенное восстановление экономики, а также открыл определенные возможности для проявления частной инициативы. В то же время крупная промышленность оставалась под жестким контролем государства, а иностранный капитал предпочитал отрасли добывающей промышленности.

Ускоренная индустриализация. В конце 1920-х годов правительство пошло на беспрецедентные силовые решения, направленные на резкое повышение темпов индустриализации, что мотивировалось внешними и внутренними угрозами. Основные элементы индустриализации 1930-х годов: концентрация в руках государства всех материальных и финансовых ресурсов и их централизованное перераспределение; сверхэксплуатация сельского хозяйства, из которого на цели индустриализации изымался не только основной, но и необходимый продукт (это привело к широкомасштабному голоду 1932–1933 годов на Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге, Украине и в Казахстане и к гибели нескольких миллионов человек); инфляционное финансирование бюджетных расходов; широкое использование принудительного труда крестьянства и заключенных. Рост инфляции привел к отказу от финансового планирования уже в годы второй пятилетки (1933–1937 годы). В потребительской сфере в условиях государственного контроля над ценами инфляция выразилась в карточной системе распределения продуктов (до 1935 года) и перманентном жесточайшем товарном дефиците. В преддверии индустриализации окончательно сформировалась система государственного планирования как инструмент централизованного руководства народным хозяйством, основанная на сочетании и взаимодополнении годового и пятилетнего планов. Первый пятилетний план был рассчитан на 1928/1929–1932 годы.

Жесткий политический контроль, исключавший любые формы несанкционированной общественной активности, выразился, например, в том, что одним из первых актов индустриализации стал арест представителей экономической и инженерной элиты, выражавших сомнения в эффективности и целесообразности курса на ускоренную индустриализацию.

Закрытая экономика. Экономическая политика 1930-х годов исторически была первым примером последовательной импортозамещающей индустриализации, предполагающей налаживание производства всех необходимых продуктов внутри страны, несмотря на очевидные потери в эффективности. Выбор, сделанный большевиками, означал форсированное создание тяжелой индустрии, которая послужила основой советского ВПК. Ради индустриализации была проведена и коллективизация, обескровившая сельское хозяйство. В результате стала быстро развиваться промышленность, особенно тяжелая. Фактические среднегодовые темпы роста промышленного производства в 1928–1932 годы составили 15 %, в 1933–1937 – 17,1 %; по группе А в обоих случаях этот показатель превысил 30 %. К концу 1930-х годов СССР вошел в число немногих стран, способных производить полную номенклатуру промышленной продукции. Гипертрофированное развитие получила промышленность группы А (производство средств производства), особенно промышленность, ориентированная на военные нужды; там же сосредоточивались и основные научные

исследования. Потребительский сектор (промышленность группы Б, сельское хозяйство, услуги для населения) существенно отставал в развитии, получая от государства финансирование «по остаточному принципу». Тяжелый кризис переживало сельское хозяйство – уровень 1928 года был достигнут им только в середине 1950-х годов.

Советская хозяйственная система – новая экономическая реальность, сложившаяся в основном к середине 1930-х годов и основанная на монополии в политической сфере коммунистической партии. Она характеризовалась следующими особенностями: абсолютным доминированием государственной собственности на средства производства и ликвидацией отделенной от власти легитимной частной собственности; отрицанием рынка и конкуренции; закрытостью экономики, проявлявшейся в монополии внешней торговли и государственном ценообразовании; товарным дефицитом; эгалитаризмом; низкой эффективностью производства, развивающегося вне конкуренции; вторичностью денежно-финансовых инструментов, предназначенных лишь для обслуживания материальных потоков; масштабным использованием дешевых ресурсов (бесплатный труд крестьян и заключенных в 1930-1940-е годы, энергетические ресурсы в 1970-е годы).

Полное огосударствление экономики и тотальный политический контроль обусловили формирование предельно высокой и долгосрочно устойчивой нормы национальных сбережений и как результат – резкий количественный и качественный скачок в экономике. Среднегодовые темпы прироста промышленного производства в 1929–1966 годы составили в СССР 11,2 %, тогда как в США – 4,3 %, а в Великобритании и Франции – 2,5 %.

Пороки системы проявились, прежде всего, в расхождении траекторий развития промышленности и сельского хозяйства, тяжелой и легкой промышленности. Советская хозяйственная система основывалась на тенденциях развития индустриального общества (в том виде, в каком они обнаружили себя в конце XIX века), характеризовавшегося концентрацией производства и капитала, ростом крупных монополистических форм хозяйствования.

Эффективность советской модели. Советская хозяйственная система обладала огромным мобилизационным потенциалом, но оказалась неэффективной в условиях мирного времени. Главной проблемой было отсутствие внутренних экономических стимулов к росту производства и эффективности. Не стимулировались инновационная деятельность, обновление производства и повышение качества продукции. Основной задачей было не повышение производительности труда, а выполнение и перевыполнение централизованных плановых заданий. Так, если по валовым капиталовложениям СССР превзошел США в начале 1970-х годов, то уровень производительности труда в промышленности СССР составлял в 1970 году 53 %, а в 1975 году – 55 % соответствующего показателя США. При этом официальные расходы на оборону не превышали 7 % государственного бюджета. Однако с учетом косвенных расходов эта цифра в 1980-е годы достигала, по некоторым оценкам, 50 %.

Экономические агенты (предприятия) не были внутренне заинтересованы в сбережении и инвестировании ресурсов. Рост обеспечивался за счет внеэкономических методов принуждения, включая насилие. Товарный дефицит и вторичная роль денег существенно ограничивали заинтересованность граждан в более эффективном труде и получении более высоких доходов. В результате темпы роста промышленного производства постепенно снижались – с 16,5 % в год в 1930-1940-е годы до менее 1 % в начале 1980-х годов.

«Реформа Косыгина». К концу 1950-х годов стало очевидным исчерпание дешевых ресурсов – руководство страны отказалось от практики массовых репрессий, а сельское хозяйство было низкоэффективным. Россия стала нетто-импортером зерна. Самой масштабной из попыток придания динамизма советской экономике была реформа 1965 года – «реформа Косыгина» (по имени одного из ее инициаторов, председателя Совета мини-

стров СССР в 1964–1980 годах). В разработке основных идей реформы участвовали ведущие советские экономисты (В.С. Немчинов, В.В. Новожилов, Е.Г. Либерман, А.М. Бирман и др.).

Реформа предполагала расширение самостоятельности предприятий, сокращение числа устанавливаемых им сверху плановых показателей, переориентацию системы стимулирования с показателей выполнения плана, подталкивающих к занижению заданий и завышению потребностей в ресурсах, на конечные показатели деятельности – прибыль и объем реализации. Наиболее радикальные проекты предполагали стимулирование конкуренции и возможность банкротств социалистических предприятий, однако при абсолютном доминировании государственной собственности на средства производства и централизованном ценообразовании.

Результаты хозяйственной реформы были двойственны: экономический рост в 1965–1970 годы составлял около 8 % в год против менее 5 % в предыдущее пятилетие. Однако он во многом имел инфляционную природу: большую свободу предприятия использовали прежде всего для формальной смены ассортимента и повышения цен на новую продукцию, а в конечном счете – для расширения потребления, что было естественно при отсутствии реального собственника, заинтересованного в принятии стратегических инвестиционных решений. Политический кризис в Чехословакии (1968 год) продемонстрировал, что последовательное осуществление рыночных реформ может привести к размыванию монополии коммунистической партии на власть. К концу 1960-х годов экономические реформы были свернуты. Советская система явно демонстрировала признаки исчерпания своего потенциала. Необходимо было найти механизм ее постепенной, эволюционной трансформации применительно к новому времени. Движение по пути экономических реформ давало шанс начать этот процесс трансформации. Остановка реформы 1965 год означала постепенное втягивание страны в системный кризис.

Экспорт нефти и развитие экономики. С 1970-х годов открылись новые возможности для поддержки экономического роста при помощи дешевых ресурсов. В эксплуатацию были введены огромные запасы нефти и газа. Одновременно цены этого сырья на мировом рынке возросли в 3–5 раз. В 1982 году цены на нефть, экспортируемую из СССР, превысили уровень 1973 года в 9 раз, а рост экспорта нефти увеличился более чем на 60 %. На страну обрушился поток нефтедолларов, что оказало двойственное влияние на экономику страны. С одной стороны, был получен дополнительный источник роста еще на десятилетие, когда удавалось поддерживать военно-стратегический паритет с США и оставаться одной из двух мировых сверхдержав. С другой стороны, нефтедоллары стали фактором дестабилизации советской системы. В стране проявились признаки «голландской болезни» – одностороннего развития экспортного сектора при ослаблении внимания к внутреннему производству, за исключением ВПК. Получаемые от экспорта энергоресурсов финансовые средства использовались на дальнейшее наращивание военного потенциала и энергетического сектора, а также на импорт товаров традиционных секторов (сельское хозяйство, легкая промышленность). Показатели среднедушевого ВВП и уровня жизни населения достигли такого значения, какого советская система не могла бы обеспечить, опираясь только на внутренние ресурсы. Тем самым нефтедоллары привели к углублению зависимости советской системы от мирового рынка, а следовательно, к ее нестабильности. Это проявилось, в частности, в быстром росте советского внешнего долга по мере снижения доходов от экспорта энергоносителей: сальдо расходов по обслуживанию внешнего долга составило 4,4 млрд долл, в 1981 году, 5,9 млрд долл, в 1984 году, 15,1 млрд долл, в 1986 году.

Советская система в 1985–1991 годах

Социально-экономический кризис. Новый этап развития экономики начался в 1985 году с приходом к руководству страной М.С. Горбачева. Внешним толчком явилось начало падения мировых цен на нефть. Поддерживать сложившуюся систему экономических и политических отношений оказалось невозможным. К середине 1980-х годов среднедушевой ВВП в СССР составлял лишь 37 % уровня США, при этом энерго- и материалоемкость продукции советской промышленности в 1,5–2 раза превышала соответствующие показатели развитых стран; значительно отставала страна и по производительности труда. Уровень военных и социальных расходов, расходов на поддержку дружественных режимов соответствовал статусу одной из двух мировых сверхдержав, но значительно превосходил реальные возможности советской экономики. Первоначально предполагалось обеспечить ускорение экономического роста за счет структурного маневра – увеличения доли ресурсов, направляемых на инвестиции, прежде всего в машиностроение. Темпы роста машиностроения должны были возрасти в 1,5–2 раза. Однако подобные шаги необходимо было дополнить преобразованиями экономического механизма. В 1986–1987 годах объем производства несколько возрос – в промышленности до 4–5% против 1–2% в предыдущие годы, но добиться перелома в эффективности не удалось. Дальнейшее наращивание инвестиций без внедрения новых стимулов заводило страну в тупик. Начатая в 1985 году антиалкогольная кампания привела, как и падение цен на нефть, к снижению доходов госбюджета.

Перестройка. Совершенствование экономического механизма предполагалось осуществить с учетом опыта НЭПа и хозяйственной реформы 1965 года. Ключевой вклад в разработку реформы второй половины 1980-х годов внесли, в частности, Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, А.И. Анчишкин, Н.Я. Петраков, С.Д. Шаталов, Е.Г. Ясин. В соответствии с их идеями основными элементами экономической политики перестройки стало значительное расширение самостоятельности предприятий, а также допущение частнопредпринимательской деятельности в форме кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности. В 1987–1988 годы были приняты соответствующие нормативные акты. Позднее к этим мерам добавились: развитие арендных отношений вплоть до возможности передачи арендованного имущества в частные руки, разгосударствление (приватизация) предприятий, создание частных банков.

Меры по экономическому реформированию страны подкреплялись политической реформой, включавшей распространение гласности, демократизацию политической системы, свободные выборы в законодательные органы власти всех уровней и отказ от однопартийной политической системы.

Реформа предприятий предполагала значительное расширение их независимости от центральных органов управления. Ее гарантией считалась выборность директорского корпуса трудовым коллективом, лишавшая вышестоящие инстанции главного инструмента давления на предприятия.

Расширение самостоятельности предприятий касалось и формирования системы оплаты труда, что создавало порочный круг расширения потребления за счет накопления: трудовой коллектив избирал директора, которому предоставлялась полная свобода действий при готовности направлять больше ресурсов на оплату труда. Фактически руководители предприятий получили все права собственника без ответственности за эффективность принимаемых решений. В отсутствие частной собственности не оставалось механизма, побуждающего фирмы к инвестированию в противовес потреблению.

Новые рыночные институты. Кооперативы, по сути, превратились в частные предприятия. В дефицитной экономике их деятельность ориентировалась не столько на производство товаров и услуг, сколько на перераспределение товарных и денежных потоков из

государственного сектора в рыночный, тем более что власть поначалу рекомендовала создавать кооперативы при государственных предприятиях. В то же время кооперативы наполняли отечественный рынок импортными товарами по «договорным ценам». Новыми институтами рыночной экономики стали товарные биржи и негосударственные банки.

Новые рыночные институты формировались при сохранении государственного ценообразования на основную номенклатуру товаров и услуг и доминировании государственной собственности на средства производства. Результатом такой политики стало быстрое углубление социально-экономического кризиса. Демократизация вытаскала «стержень принуждения», а новых механизмов создано не было.

С 1988 года начался спад производства в сельском хозяйстве, с 1990 года – в промышленности. Продолжала разрушаться финансовая система. Дефицит бюджета в 1989 году составил 11 % ВВП, в 1991 —уже 16 %. Внешний долг превысил 80 млрд долл. Резко выросли темпы инфляции: если в 1990 году инфляция составила 10 %, то в конце 1991 года она достигла 25 % в неделю. Нарастал товарный дефицит. Оборот теневого сектора, по минимальным оценкам, составил 90 млрд руб. (в ценах 1988 года). Золотой запас в 1985–1991 годах сократился в 10 раз и составил в конце 1991 года всего 240 тонн.

Масштабы экономического спада были обусловлены наложением нескольких кризисов, таких как экономико-политический кризис позднего социализма, макроэкономический кризис, структурный кризис индустриальной системы. Ошибки правительства (в первую очередь политика популизма) только усугубили ситуацию. Высокообразованное советское общество требовало быстрого перехода к демократическим принципам организации государственной власти. Однако соответствующие этим политическим принципам институты рыночной экономики не могли формироваться быстро, требовалось значительное время для создания новой системы институтов.

Ситуация на рубеже 1980-1990-х годов. Кризис приобрел системный характер, охватив не только экономическую, но и социально-политическую сферу. Быстро оформлялись разнообразные группы интересов; возникло несколько конкурирующих друг с другом центров власти. Ужесточалась конкуренция между институтами власти (прежде всего союзными и республиканскими) за контроль над социально-политическими процессами.

Экономика оказалась заложницей политического противостояния. Началась «война за бюджет»: союзные республики отказывались перечислять налоги в федеральное казначейство, настаивая на переходе к одноканальной системе сбора налогов при усилении собственного контроля над расходами руководства СССР. Острой оказалась борьба за налоговую базу, т. е. за подконтрольность предприятий союзному или республиканскому руководству. Дефицит бюджета составлял 11 % ВВП; поступления в бюджет в реальном выражении неуклонно снижались.

Программы реформирования экономики. В конце 1980-х годов началась также «война программ» экономических реформ и выхода из кризиса. Существовало три основных варианта антикризисных мероприятий: (1) Консервативный вариант («административная стабилизация») предполагал остановку и поворот вспять процессов политической демократизации, повышение уровня управляемости народным хозяйством и на этой основе – медленное реформирование и модернизацию советской экономики. (2) Рыночно-либеральный вариант предусматривал приватизацию собственности и либерализацию цен. В русле этого подхода разрабатывалась программа «500 дней» С.С. Шаталина и Г.А. Явлинского (осень 1990 года), а также программа Е.Т. Гайдара (осень 1991 года). (3) Умеренный вариант правительства СССР («программа Н.И. Рыжкова – Л.И. Абалкина»), содержавший набор компромиссных мероприятий, не нашел политической поддержки. Консервативную стабилизацию намеревались реализовать инициаторы провалившегося государственного переворота (август 1991 года). Таким образом, осенью 1991 года сложились условия для прак-

тической реализации либерально-рыночного варианта реформ. Кроме того, после августа 1991 года государственные институты СССР оказались разрушенными и у правительства не осталось административных ресурсов для осуществления иной модели экономической политики, кроме либеральной.

Посткоммунистическая трансформация

Политико-экономический кризис. Ситуация в стране с конца 1991 года была катастрофической: за 1991 год национальный доход снизился более чем на 11 %, ВВП – на 13 %. Внешний долг увеличился до 83,4 млрд долл., внутренний валютный долг – до 5,6 млрд долл. Золотовалютные резервы резко сократились: на 1 января 1992 года золотой запас составил менее 300 тонн. Дефицит госбюджета достиг, по оценкам Мирового банка, 30,9 % ВВП. Государство утратило контроль над финансовыми процессами и денежным обращением. Началось бегство от рубля, вытеснение товарно-денежных отношений бартером; росли административные ограничения межрегионального товарообмена. Сельскохозяйственные предприятия значительно уменьшили поставки продукции государству: при сокращении валового сбора зерна на 24 % его государственные закупки уменьшились на 34 %, причем в стране не было альтернативной (частной) системы снабжения населения продовольствием. К концу 1991 года запасов продовольствия в крупнейших индустриальных центрах страны оставалось на 6–7 дней.

СССР как единое государство разрушался: экономические и политические ориентиры республик все более расходились, а попытки воссоздать союзные структуры путем создания Межреспубликанского экономического комитета оказались безрезультатными. В союзных республиках были созданы собственные эмиссионные центры (нацбанки), готовые приступить к бесконтрольному выпуску рублей.

6 ноября 1991 года было сформировано новое правительство России. Функции премьера взял на себя президент Б.Н. Ельцин, а его заместителями стали Г.Э. Бурбулис, Е.Т. Гайдар и А.Н. Шохин. Гайдар был идеологом и руководителем рыночной трансформации российской экономики.

Программа посткоммунистических преобразований включала: либерализацию экономики (прежде всего цен и внешнеэкономической деятельности), макроэкономическую стабилизацию (бюджетную и денежную), приватизацию как важнейшую институциональную задачу. Предстояло заново создать систему рыночной экономики, начиная с налоговой системы и заканчивая системой социальной поддержки наименее обеспеченных слоев населения.

Первичным звеном стабилизационных и реформаторских усилий стала финансово-денежная сфера. Либерализация цен (январь 1992 года) позволила: уменьшить финансовую несбалансированность экономики; быстро ликвидировать «денежный навес», обусловленный инфляционной денежно-кредитной политикой предыдущих лет; создать предпосылки для более эффективного распределения производственных ресурсов; ввести конкурентные начала в поведение и взаимодействие предприятий. Наполнился потребительский рынок, товарный дефицит исчез, домашние хозяйства вследствие резкого и значительного падения доходов уменьшили ажиотажный спрос. Вместе с тем либерализация валютной политики, сопровождаемая введением внутренней конвертируемости рубля (лето 1992 года), привела к уменьшению импортных субсидий предприятиям.

Макроэкономическая нестабильность. Попытки проводить стабилизационную политику в 1992 году оказались безуспешными. Макроэкономическая нестабильность была обусловлена многими факторами: отсутствием конституционных основ взаимодействия исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, а также подчиненностью Цен-

трального банка РФ (ЦБ РФ) парламенту; коалиционным характером исполнительной власти, в состав которой входили представители различных групп; неразвитостью рыночных институтов; неурегулированностью отношений с республиками бывшего СССР, отсутствием четких таможенных границ и сохранением в 1992–1993 годах единого рублевого пространства, что не позволяло правительству в полной мере контролировать денежное предложение.

С мая по август 1992 года было принято примерно двадцать законов РФ, указов президента и постановлений правительства о направлении на социальные цели дополнительного финансирования, составившего около 2,5 % годового ВВП. Вопросы поддержки отечественной промышленности, сельского хозяйства и других отраслей, а также преодоления кризиса неплатежей решались путем расширения объемов кредитов ЦБ РФ. Всего за июль–сентябрь 1992 года таких кредитов было выдано в объеме 9 % годового ВВП. Кредиты предоставлялись по ставке ниже уровня инфляции, т. е. фактически с выплатой заемщику премии. В результате индекс инфляции в 1992 году равнялся 2500 %. Дефицит бюджета за первую половину 1992 года составил 6,6 % ВВП и продолжал нарастать. Подобная ситуация была в значительной мере результатом слабости политических позиций правительства, что делало его уязвимым перед лоббистами.

Курс на стабилизацию. Принятие новой Конституции России (1993 года) способствовало налаживанию экономической жизни, в том числе экономической стабилизации. Были упорядочены процедуры принятия экономических (прежде всего бюджетных) решений. ЦБ РФ стал независимым институтом. Постепенно изменялось поведение экономических агентов, формировалась финансовая инфраструктура, позволившая обеспечивать неэмиссионное финансирование дефицита госбюджета за счет заимствований на финансовых рынках. В 1995 году была осуществлена денежная стабилизация, уровень инфляции снизился до 131 % годовых.

Бюджетный кризис. В 1990-х годах расходы государства устойчиво превышали его доходы. Эта проблема могла быть решена либо стабилизацией доходов бюджета путем проведения налоговой реформы, либо сокращением бюджетных расходов и их реструктуризацией, для чего требовалась структурная реформа отраслей бюджетного сектора (включая военную реформу, а также реформы гос-управления, жилищно-коммунальной сферы и др.). Однако политические ограничения не позволяли правительству ни сократить бюджетные обязательства, ни получать доходы, соответствующие уровню принимаемых им обязательств. Особенно острой была проблема накопления задолженности по поступлению налогов в федеральный бюджет. При этом всплески налоговых неплатежей наблюдались в периоды ослабления власти федерального центра, прежде всего накануне выборов.

На пути к финансовому кризису 1998 года. Стабилизация экономики была проведена непоследовательно, поскольку денежная стабилизация не дополнялась бюджетной. Сохранение дефицита госбюджета привело к наращиванию государственного долга (краткосрочного внутреннего в виде государственных ценных бумаг ГКО и долгосрочного валютного) и накоплению бюджетной задолженности перед получателями средств. Результатом стали: рост налоговой задолженности перед бюджетом, задержки в выплате зарплаты и пенсий, бартеризация экономики.

Продолжающийся спад производства, неспособность государства решить проблемы бюджета, возрастающая зависимость экономики страны от ситуации на финансовых рынках – все эти факторы способствовали поддержанию нестабильности. В условиях азиатского финансового кризиса и ухудшения мировой конъюнктуры на рынке энергоносителей нестабильность реализовалась в августе 1998 года полномасштабным кризисом финансовой системы.

Государственный долг. Массовое бегство капиталов с российского рынка и не поддающийся обузданию рост стоимости доступных России заимствований вынудили правительство пойти одновременно на дефолт выплат по внутреннему долгу и резкую девальвацию рубля. Дефолт означал отказ от продолжения выплат по внутреннему долгу. Номинированные в рублях ценные бумаги (ГКО-ОФЗ) со сроками погашения до 31 декабря 1999 года переоформлялись в новые ценные бумаги, причем курсовой риск должны были нести сами инвесторы. Был объявлен 90-дневный мораторий на возврат банками кредитов нерезидентам, на выплату страховых платежей по кредитам, обеспеченным залогом ценных бумаг. Наконец, денежные власти перешли к плавающему курсу рубля. За 1998 год ВВП упал на 6 %, инфляция составила 84 %, реальные располагаемые доходы населения сократились на треть. Банковская система и финансовые рынки вступили в полосу кризиса.

Однако удалось избежать сползания в гиперинфляцию и сохранить достижения стабилизации. Дефолт и обесценение внутреннего долга, обесценение в реальном выражении социальных обязательств государства (зарплат и пенсий) облегчили тяжесть бюджетной проблемы. Скачок цен обернулся повышением номинальных доходов бюджета (прежде всего через НДС). В этих условиях правительство Е.М. Примакова проводило жесткую бюджетную политику.

Девальвация рубля повысила конкурентоспособность российских товаров на внутреннем рынке и дала толчок импортозамещающему росту на базе имеющихся мощностей. Увеличение экспорта в условиях улучшившейся в конце 1999 года конъюнктуры рынка энергоресурсов и расширения возможностей экспортных отраслей стимулировало вторую волну роста (осень 1999 – лето 2000 года). В 1999 году ВВП увеличился на 5,2 %, а в 2000-м – на 8,3 %; инвестиции возросли соответственно на 5 и 17,5 %; к концу 2000 года показатели уровня жизни почти достигли докризисного уровня.

Приватизация прошла ряд этапов: 1991–1992 годы – подготовка концепции и нормативно-правовой базы; 1993–1995 годы – массовая приватизация в чековой (ваучерной) форме; 1995–1996 годы – передача в частные руки крупных и потенциально привлекательных объектов через «залоговые аукционы»; с 1997 года – переход к преимущественно денежной приватизации, ориентированной на пополнение государственного бюджета и стимулирование инвестиционной активности.

Выбор чековой формы массовой приватизации был обусловлен отсутствием достаточного платежеспособного спроса населения, низким интересом иностранных инвесторов к приватизации в условиях нараставшей политической и экономической нестабильности, отсутствием достаточного административного ресурса у государства для проведения приватизации по индивидуальным схемам – вместо них применялись типовые процедуры. Кроме того, выбор этой формы приватизации был связан с необходимостью решительного ограничения и отмены субсидирования предприятий со стороны госбюджета, решения задачи по формированию социальной базы стабилизационной политики, а также обеспечения политических предпосылок укрепления рыночной демократии.

В 1992–1994 годах чековая приватизация проводилась как передача фактического контроля: (1) менеджменту, (2) трудовому коллективу, (3) группе потенциальных инвесторов. Часть пакетов акций предприятий закреплялась в государственной собственности с последующей продажей на чековых аукционах или позднее на торгах за реальные деньги.

В 1995–1996 годах правительство пошло на передачу в частные руки ряда крупных предприятий нефтедобычи и металлургии. После 1997 года государство начало продавать пакеты акций и целые предприятия на торгах (см. табл. 1 и 2). Процедура приватизации стала регламентироваться Федеральным законом о приватизации государственного и муниципального имущества (2001).

Таблица 1

Структура приватизированного государственного и муниципального имущества по формам собственности и формам приватизации, 1993–1997 годы

	1993	1994	1995	1996	1997
Число приватизированных государственных и муниципальных унитарных предприятий, организаций, всего	42924	21905	10152	4997	2743
В том числе по формам собственности*:					
федеральной	7063	5685	1875	928	374
субъектов Российской Федерации	9521	5112	1317	715	548
муниципальной	26340	11108	6960	3354	1821
Структура приватизированного государственного и муниципального имущества по способам приватизации (% к итогу):	100	100	100	100	100
акционирование	31,1	44,8	27,7	22,5	18,1
продажа на аукционах	6,3	4,4	4,2	3,9	5,5
коммерческий конкурс	30,4	24,0	15,9	8,9	9,6
инвестиционный конкурс	1,3	1,2	1,1	0,7	0,5
выкуп арендованного имущества	29,5	20,8	29,8	32,1	14,6
продажа имущества ликвидируемых, ликвидированных предприятий и не завершенных строительством объемов	0,4	1,5	4,2	5,7	9,1
продажа недвижимости	–	–	15,4	22,9	38,5
продажа земли	–	–	0,6	1,5	2,6
прочие	1,0	3,3	1,1	1,8	1,5

* По состоянию на дату приватизации.

Таблица 2

Структура приватизированного государственного и муниципального имущества по формам собственности и формам приватизации, 1998–2001 годы

	1998	1999	2000	2001
Число приватизированных государственных и муниципальных унитарных предприятий, организаций, всего	2129	1536	2274	2287
В том числе по формам собственности*:				
федеральной	264	104	170	125
субъектов Российской Федерации	321	298	274	231
муниципальной	1544	1134	1830	1931
Структура приватизированного государственного и муниципального имущества по способам приватизации (%)	100	100	100	100
продажа государственного и муниципального имущества на аукционе и коммерческом конкурсе	76,1	74,6	73,0	73,9
из нее продажа:				
имущества ликвидируемых и ликвидированных предприятий	6,0	5,2	5,0	3,6
недвижимости	47,6	47,7	56,7	59,1
земельных участков в составе имущественного комплекса приватизированных предприятий	4,0	2,3	3,4	4,9
выкуп государственного и муниципального имущества, сданного в аренду:				
арендаторам в соответствии с договором об аренде	6,8	8,3	18,0	20,0
посредством преобразования в открытое акционерное общество с правом первоочередного приобретения акций арендатором	0,3	–	–	–
продажа акций открытых акционерных обществ, созданных в процессе приватизации:				
работникам общества	9,6	12,0	3,7	3,2
на специализированном аукционе	1,6	1,9	2,0	0,4
на аукционе и коммерческом конкурсе	4,6	2,2	2,8	1,3
преобразование государственных и муниципальных унитарных предприятий в открытые акционерные общества с закреплением 100% акций в государственной или муниципальной собственности	0,9	0,7	0,3	0,5
внесение государственного или муниципального имущества в качестве вклада в уставные капиталы хозяйственных обществ	0,1	0,3	0,1	0,7
отчуждение находящихся в государственной или муниципальной собственности акций открытых акционерных обществ, созданных в процессе приватизации, владельцам государственных или муниципальных ценных бумаг, удостоверяющих право приобретения таких акций	0,0	–	0,1	–

* Всего в 1998–2001 годах изменили форму собственности 137,8 тыс. государственных и муниципальных унитарных предприятий и организаций.

По состоянию на дату приватизации.

Библиография

Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. М., 1997.

Дроздов В.В. Экономические реформы в СССР (1953–1985 гг.). М., 1998.

Корнай Я. Дефицит. М., 1990.

Мау В. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М., 1999.

Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. М., 1995.

Стародубровская К, Мау В. Великие революции от Кромвеля до Путина. М., 2001.

Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991–1997. М., 1998.

Ясин Е.Г. Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2003.

Противоречия социалистической доктрины (исторический очерк)²

Социализм – это учение о будущем справедливом общественном устройстве. Принципиальной особенностью любой социалистической концепции является ее прогностический характер. Если концепция претендует на нечто большее, чем оставаться фантазией породившего ее автора, она должна содержать в себе более или менее четкое обоснование прогноза.

Вопрос о критерии, позволяющем оценивать направленность социально-экономических преобразований, продвижение к новому строю весьма актуален в социалистической доктрине. И тут важно отделять главное от второстепенного, существо социально-экономического прогресса от тех или иных форм общественной жизни. Иначе доктрина сводится к более или менее подробному перечислению некоторых признаков, которые якобы и являются свидетельствами социальной справедливости. Без решения проблемы критерия прогрессивности преобразований бессмысленны рассуждения о социализме, что подтверждается и историческим опытом развития как социалистической теории, так и «реального социализма».

Я не ставлю перед собой цель дать в настоящей работе какие-то точные определения, сформулировать конкретные критерии «социалистичности». Такие попытки время от времени предпринимаются обществоведами, а с началом перестройки они по вполне понятным причинам участились. Мне они видятся бесперспективными практически и не обоснованными теоретически уже по одной той причине, что сами представления о социализме находятся в тесной зависимости, по крайней мере, от двух факторов – характера эпохи и социальных сил. Понятно, что взгляды на справедливое общественное устройство сегодня отличаются от представлений не только столетней, но и тридцатилетней давности. Понятно также, что идеал справедливости по-разному видится различным социальным силам, даже если они все считают себя борцами за коммунизм. Советское общество первых лет перестройки продемонстрировало это с потрясающей наглядностью: мы все за социализм, мы все за перестройку, мы все по одну сторону баррикад и готовы стрелять друг в друга, чтобы отстоять «свой» социализм (благо, находясь по одну сторону баррикад, это делать удобнее).

* * *

История социалистических учений предстает как развитие и противоборство двух начал, вытекающих из противоречия между основными принципами социальной справедливости – свободой и равенством.

Представления, возникшие еще на ранних стадиях цивилизации, основывались на уравнилельно-тоталитарной интерпретации существа справедливого строя. В этой доктрине социальная справедливость полностью отождествлялась с равенством, по отношению к которому все остальные проблемы функционирования общества выступают как производные. В работах Г. Бабефа такой взгляд получил, пожалуй, наиболее полное воплощение и завершение. Он писал: «Счастье... может быть лишь следствием уравнения: уравнение способствует совершенству и уничтожает лишь то, что разрушительно»³.

² Опубликовано в: Противоречия социалистической доктрины. Исторический очерк // Известия АН СССР: Серия экономическая. 1990. № 3.

³ Бабеф Г. Письмо Дюбуа де Фоссе. Июнь 1786 г. // Утопический социализм. Хрестоматия / Отв. ред. А.И. Володин. М.: Политиздат, 1982. С. 178.

Довольно низкое развитие производительных сил, чрезвычайно медленное их совершенствование легли в основу данной модели и обусловили представления об относительной простоте хозяйственных взаимосвязей, очевидности и безальтернативности желательного пути дальнейшего движения общества, усложняемого и запутываемого неразумностью сложившихся форм хозяйствования, раздираемого классовыми противоречиями. Идея упрощения социально-экономической системы проявлялась по-разному.

Во-первых, в представлении системы потребностей как довольно ограниченной по составу и устойчивой во времени совокупности в основном вещных потребностей, которые даны самой природой и в равной мере (как по структуре, так и по интенсивности) присущи всем людям. Во-вторых, в представлении об очевидности целей функционирования общества – поддержании равного благополучия всех граждан в условиях сложившейся системы производительных сил. Иными словами, технический прогресс выводился как бы за рамки социального бытия, а движение должно было осуществляться в установленных формах, воспроизводя данную техническую базу, растущую лишь количественно. В-третьих, в представлении о слиянии интересов различных субъектов в единый интерес ассоциации (общины, государства). Этот вывод объяснялся обычно тем, что в условиях равного удовлетворения потребностей появляется заинтересованность во всеобщем труде друг для друга.

Догмы о простоте потребностей, очевидности целей и единстве интересов составляли основу представлений о социально-экономическом механизме функционирования будущего общества. Названные исходные постулаты снимали вопрос о трудовой мотивации, ограничивая его, с одной стороны, уверенностью во всеобщей заинтересованности в труде в условиях равного пользования его плодами, а с другой стороны, обязанностью всех трудиться и суровым наказанием за попытки уклониться от этой священной обязанности.

Тезис о единстве интересов так или иначе обуславливал их персонификацию – в вожде (или центральном органе), который является выразителем этого единства и потому занимает особое положение в системе «абсолютного равенства». Тем самым предполагалось сохранение общественной иерархии, жесткого разделения на управляющих (самых умных и справедливых, знающих, что нужно для всеобщего счастья) и управляемых, обязанных точно выполнять ту работу, которая им предписана законом и должностными лицами. Ради высших целей подавлялись и нивелировались интересы людей⁴.

Иных, внутренних факторов сохранения и воспроизводства системы «всеобщего равенства» просто не существовало в социальном анализе утопистов вплоть до XIX века. Историческая практика свидетельствовала об одном: любые изменения в организации производства и обмена способны лишь усилить или модифицировать неравенство, порождать новые несправедливости. И только следование установленному порядку могло обеспечить равное счастье для всех.

Истории известно немало уравнилельно-тоталитарных моделей социализма. Если неразвитые производительные силы составляли материальную основу подобных концепций, то их социальную базу формировал предпролетариат – разорявшиеся мелкие собственники (крестьяне, ремесленники), уже утратившие собственность, но сохранявшие тягу к уравнилельной справедливости под мудрым руководством сеньора, превращающегося в Единое Государство. Коренной порок всех этих систем состоял в том, что в них сохранялось

⁴ Видя основную задачу будущего справедливого общественного устройства в том, чтобы обеспечить каждому человеку «достаток и ничего, кроме достатка», Бабёф так описывал соответствующую этой цели хозяйственную систему: «Установить *общее управление*; уничтожить частную собственность, прикрепить каждого человека, соответственно его дарованию, к мастерству, которое он знает; *обязать* его сдавать в натуре плоды своего труда на общий склад и *создать простую администрацию* распределения, администрацию продовольствия, которая, ведя учет всех сограждан и всех изделий, распределит последние на основе строжайшего равенства и распорядится доставить их по месту жительства каждого гражданина» (курсив мой. – В.М.). См.: Бабёф Г. Манифест плебеев // Утопический социализм. Хрестоматия. С. 205.

и воспроизводилось отчуждение работников от средств производства и в конечном счете от активного участия в социальном процессе.

Капитализм с его бурным прогрессом науки и техники, с идеей потенциальной безграничности человеческих возможностей создал принципиально новую ситуацию. Личная свобода и инициатива индивида становятся одной из фундаментальных основ прогрессивного развития общества. Свобода личности теперь не просто возможна, но является необходимым фактором функционирования социальной системы. Этот акцент очень важен для характеристики новых условий существования общества вообще и развития социалистической идеологии в частности; он не может быть принижен ссылками на ограниченность демократических свобод на ранних стадиях развития капитализма.

Вместе с тем свобода явно вела к новой дифференциации общества, углублению социального неравенства, усилению противостояния богатых и бедных. Противоречие между социальным и экономическим прогрессом, по сути, явилось модификацией общей проблемы – соотношения равенства и свободы. Именно в этот исторический период активно формируется принципиально новая парадигма учения о социализме. В ее основе – проблема создания необходимых условий для свободного и всестороннего развития личности как предпосылки свободного развития всей ассоциации. В центре внимания находится творческая деятельность как неотъемлемая черта человека, его первая жизненная потребность. Общество должно не подавлять личность, не подчинять ее себе, а создавать адекватные формы преодоления противоречий между интересами всей ассоциации и отдельных ее членов. Равенство является не предпосылкой, а результатом свободы и понимается как доступность для каждого высших благ цивилизации. Последнее вполне понятно: новая, более высокая ступень в развитии производительных сил позволяет уже отказаться от представления о равенстве как об уравнительности в распределении.

Принципиально меняется роль самих производительных сил в обосновании возможности, а затем и необходимости социалистических преобразований. При всей важности тех или иных конкретных форм организации жизни общества (внимание к подробностям у социалистов XIX века отнюдь не ослабевает) именно на характер, тенденции и стимулы развития производства все чаще обращают внимание мыслители, которых принято называть «патриархами социализма». Разумеется, нельзя утверждать, что их предшественники были противниками прогресса производительных сил. Более того, бабувисты, которые ближе всего стояли к идеям XIX века, даже специально замечали, что в «обществе равных» будут широко применяться и совершенствоваться машины, облегчающие труд человека. Но в логике всех более ранних утопий проблема эта была вторичной: прогресс производительных сил не рассматривался как фактор, определяющий само существование социализма.

Поворот намечается у А. де Сен-Симона и Ш. Фурье. С их точки зрения, прогресс производительных сил – необходимое условие утверждения нового строя. На этом строится и их социально-экономический анализ.

Коллективная организация производства, свободный и привлекательный труд, отрицание наемного труда – таковы, по мысли Ш. Фурье, важнейшие черты справедливого общественного устройства. Но требуется и соответствующий механизм, стимулы прогресса. Свою модель автор как раз и стремится построить на фундаменте реальных экономических отношений, связать их с развитием, а не с подавлением разнообразных интересов субъектов хозяйственной жизни. Идея сочетания интересов вообще является важнейшим принципом экономической системы социализма Ш. Фурье и, безусловно, его выдающимся теоретическим достижением. Им была поставлена задача создания такой социальной системы, в которой бы «каждый отдельный человек, следуя только своему личному интересу, служил постоянным интересам массы». Именно с поиском более конкретного механизма реализации этого принципа связаны и некоторые выводы Ш. Фурье, которые обычно недооцениваются

или тракуются как не вполне социалистические. Ш. Фурье настойчиво искал такую модель экономики, которая обеспечивала бы действенную внутреннюю хозяйственную мотивацию членов ассоциации и не воспроизводила наемный труд в какой бы то ни было форме. Отсюда и стремление не «обобществлять имущества», но сделать всех собственниками, для чего надо сохранить частную собственность в форме, аналогичной акционерной, а распределение дохода осуществлять по труду, таланту и капиталу. Отсюда и идеи производственной демократии, предполагающей право каждого работника участвовать в управлении производством, включая выборность руководителей, коллективную разработку и принятие планов. Отсюда и беспрецедентный для социалистических теоретиков вывод о возможности сохранения конкурентных начал в будущем обществе, и это притом, что Ш. Фурье был одним из самых ярких и резких критиков конкуренции при капитализме.

* * *

Вопрос о согласовании социального и экономического прогресса имеет принципиальное значение для понимания социалистической доктрины К. Маркса и его последователей.

Проводя социально-экономическое исследование современного им буржуазного общества, К. Маркс и Ф. Энгельс опирались на вполне отчетливо наблюдавшуюся в середине XIX века разнонаправленность экономического (выражавшегося в бурном росте производительных сил) и социального (усиление социальной дифференциации, абсолютное и относительное обнищание пролетариата и т. д.) процессов. Однако стихийный характер капиталистической экономики ведет к потерям не только социальным, но и собственно экономическим, наглядно проявляющимся во время периодических кризисов. Объективная тенденция к централизации производительных сил и усиление эксплуатации трудящихся обуславливают необходимость коренного переустройства общества на коммунистических (социалистических) началах.

В учении К. Маркса прослеживается двойственность при объяснении неизбежности нового общественного строя и потребности его достижения. Во-первых, это создание благоприятных условий для дальнейшего поступательного развития производительных сил. Во-вторых, преодоление эксплуатации человека человеком. Фактически это означало предложение двух критериев общественного прогресса; и признание их совпадения с точки зрения исторической перспективы (даже если считать такое совпадение аксиомой) вовсе не означает отсутствия конфликтов и противоречий между ними в текущей политической практике.

Если развитие производительных сил позволяло судить о степени общественного прогресса, то преодоление эксплуатации не имело и не могло иметь четкого выражения. Поскольку она (эксплуатация) наиболее наглядно раскрывается именно как совокупность определенных форм организации хозяйственного процесса, то и ее отрицание сопровождается выдвиганием форм, противоположных тем, которые существуют при капитализме. Абсолютное, «зряшное» отрицание одних форм и замена их другими, прямо противоположными, станет в будущем причиной удивительной схожести целого ряда признаков, провозглашаемых «подлинно коммунистическими», с чертами, характерными для докапиталистических формаций, с их более дикими формами эксплуатации, прямым принуждением к труду, отношениями личной зависимости индивидов. И это неудивительно, поскольку в представлении основоположников марксизма прямой антитезой капитализму (отношениям вещной зависимости) являются общества, основанные на зависимости личной. Об отрицании же системы как ее диалектическом «снятии» не могло быть и речи, раз отрицание ограничивалось совокупностью форм. Впрочем, такие повороты отчетливо проявятся позднее, в деятельности последователей К. Маркса и Ф. Энгельса.

Однако противоречие между содержательной и формальной характеристиками общественного прогресса не сводится лишь к противоречию между развитием производительных сил и преодолением существующих форм эксплуатации, социальной несправедливости. Марксова концепция является гораздо более сложной идеологической и научной системой и, естественно, содержит в себе тонкую сеть противоречий, отражающих сложность объекта исследования – реальной социальной практики. Дело в том, что в самой трактовке обоих критериев движения к социализму есть определенная двойственность.

Так, в интерпретации социалистического идеала К. Маркс и Ф. Энгельс всячески стремились избегать указаний и предсказаний относительно каких бы то ни было конкретных форм, которые означали бы преодоление эксплуатации⁵. Не достижение конкретных форм организации производства и распределения является, по Марксу, критерием антиэксплуататорской направленности тех или иных преобразований, но реальная (хотя и трудноидентифицируемая) тенденция к преодолению отчуждения, к «реальному гуманизму» – обществу, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁶. Даже к такому, столь очевидному для всех коммунистов акту, как ликвидация частной собственности, К. Маркс подходил весьма осторожно, делая акцент не на формальной, а на содержательной стороне. Он предостерегал против сведения проблемы преодоления эксплуатации к юридическому факту отмены частной собственности, точнее, к отмене господствующих в данных условиях форм частной собственности. К. Маркс резко критиковал такие представления о коммунизме, в которых собственность полностью сосредоточивается в руках государства и «категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей». Он видел в такой системе не отмену частной собственности, а ее «обобщение и завершение». Этому он противопоставлял задачу «положительного упразднения» частной собственности, «подлинного освоения ее», являющегося следствием преодоления отчуждения и означающего гармонизацию интересов индивидов, превращение всех трудящихся в активных субъектов осуществления социального процесса⁷.

Вместе с тем в ряде случаев в работах основоположников научного социализма делается бесспорный акцент именно на преодолении формальных признаков эксплуатации (или социальной несправедливости), естественным следствием чего являются и некоторые уравнивательные идеи. Чаще всего это проступает в документах, написанных в пропагандистских целях, в отличие от собственно научных исследований.

Двойственность прослеживается и в анализе проблемы прогресса производительных сил. Абсолютизация характерной для XIX века тенденции к обобществлению в форме централизации производства и управления предопределила сохранение в концепции К. Маркса и Ф. Энгельса некоторых черт «идеологии упрощения». Преодолев догмы об упрощении потребностей и целей членов коммунистического общества, они сохранили ее в рассуждениях о механизме функционирования нового строя, что нашло концентрированное выражение и в известном тезисе о «прозрачности» будущих производственных отношений, и в отсутствии сколько-нибудь отчетливых представлений о трудовой мотивации в коммунистической системе. В понимании этих вопросов существенного шага вперед по сравнению с «патриархами социализма» сделано не было. Именно это, по-видимому, явилось важным основанием для вывода о ликвидации с победой пролетарской революции товарно-денеж-

⁵ Ф. Энгельс в этой связи писал: «утопия возникает лишь тогда, когда пытаются, „исходя из существующих отношений“, предугадать форму, в которой должна быть разрешена та или иная противоположность, присущая существующему обществу» (Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1961. С. 277).

⁶ Маркс К. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 447.

⁷ См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 114–117.

ных отношений и сохранении на первой фазе коммунизма «рабочих квитанций», регулирующих соотношение между мерой труда и мерой потребления. Иными словами, налицо было явное противоречие между усложнением личностных характеристик новой формации и упрощением экономических принципов ее функционирования. Используемое как-то К. Марксом сравнение социалистического производства с единой фабрикой⁸ вряд ли поэтому можно отнести исключительно к разряду фигуральных.

Дальнейшее развитие учения К. Маркса и Ф. Энгельса осуществлялось видными теоретиками европейской социал-демократии в обстановке острой идейной борьбы, характерной чертой которой было не только отстаивание «чистоты принципов» по отношению к другим доктринам, но и известное взаимопроникновение разных концепций социализма. Творческое развитие марксизма, стремление ответить в его рамках на новые вопросы, выдвигавшиеся ходом истории, сочетались с такими постановками, которые по сути своей означали упрощение первоначальной концепции, вульгаризацию ее внутренней логики и гуманистического идеала. Определенную роль играло и положение марксизма не только как теоретической доктрины, но и как революционной идеологии, нуждавшейся в пропаганде и распространении среди самых широких и разнородных слоев трудящихся. Пропагандистский аспект занял в конце XIX века центральное положение в деятельности многих ведущих теоретиков западноевропейской социал-демократии, среди которых были А. Бебель, Ж. Гед, П. Лафарг. При всей важности подобной деятельности она не могла не привести к определенному побочному результату.

Так, в работах многих социал-демократов видное место начинают занимать темы: «Государство будущего», «Общество будущего», «Конечные цели социал-демократов» и т. п.⁹ Все чаще будущее предстает в виде совокупности конкретных форм организации общественной жизни, труда и быта граждан. Существенное влияние на это оказывают представления об упрощении социально-экономических и технических принципов организации народного хозяйства по мере развития производительных сил. Дело доходит до крайностей. Например, Ж. Гед и П. Лафарг видят «интеллектуальную подготовку коллективной формы собственности» в превращении всех занятых на капиталистической фабрике («от рабочего до директора») в более или менее однородные винтики огромной производственной машины, которая ими всеми управляет. Развитие же производительных сил трактовалось лишь как процесс упрощения труда, снижения потребности в квалифицированной рабочей силе по мере появления новых машин.

Специфические условия России рубежа XIX–XX веков оказали своеобразное влияние на теоретические позиции ее социал-демократии. В стране были довольно распространены уравнилельные, «упрощенческие» представления о справедливости, для которых имела широкая социальная база – пролетаризировавшееся крестьянство. Подобные взгляды и настроения получали соответствующее концептуальное оформление в платформах политических организаций, выражающих интересы этих социальных сил (анархистов, части эсеров). Потенциально способными последовательно отстаивать гуманистический, демократический идеал социализма оказались в тех условиях социал-демократы. Именно на неразрывность гуманистической сущности нового строя и рациональности его хозяйственной организации делали они упор в полемике с представителями других течений социализма.

О проблемах взаимосвязи экономического и социального прогресса в современном мире вообще и в условиях только развивающегося, «полудикого» российского капитализма

⁸ См.: Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 153.

⁹ См., например: Бебель А. Наши цели. Одесса: Изд-во М. С. Козмана, 1905; Бебель А. Общество будущего. Пг.: Госизд-во, 1919; Гед Ж., Лафарг П. Чего хотят социал-демократы. М., 1917.

в частности, пишет и В.И. Ленин в одной из самых ранних своих работ – «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Еще сильнее звучит у него эта идея применительно к социализму, что проявилось, например, в дискуссии при разработке первой программы РСДРП. Соотношение экономического и социального прогресса, проблема сочетания централизованного регулирования хозяйственной жизни с расцветом гуманизма и индивидуального творчества занимали в тот период и других социал-демократов. Специальный анализ был предпринят и В.А. Базаровым – в дальнейшем известным философом и экономистом, автором одного из лучших переводов на русский язык «Капитала». Его взгляды представляют безусловный интерес: они принадлежат большевику-интеллектуалу и в значительной мере отражают понимание названных проблем российскими марксистами.

В.А. Базаров ищет ответ на принципиальный вопрос: сможет ли общество, обеспечивающее социальную справедливость для своих граждан, и если сможет, то при каких условиях, создать механизм, более благоприятный для развития производительных сил, чем это делает современный капитализм. Иными словами, при каких условиях возможна экономическая победа социализма? В.А. Базаров не строит никаких иллюзий относительно того, сколь сложна будет победа, – ведь существующая система производственных отношений в отличие от всех предыдущих снимает практически любые ограничения (сословные, организационные, национальные, идеологические и др.) в поступательном развитии науки, техники, производства.

Что же может противопоставить этому коллективистский строй, кроме всеобщего братства? Остаются ли ему какие-нибудь надежды? Автор выделяет два принципиальных момента, без которых ответ на последний вопрос может быть только отрицательным. Во-первых, социализм может победить, лишь обеспечив преобразование всей хозяйственной системы по единому плану. Постепенное внедрение «зачатков социализма» (что предлагали, например, анархисты) – дело совершенно невозможное. Во-вторых, социализм победит только в том случае, если будет «совершенно свободен от каких бы то ни было норм, ограничивающих развитие производительных сил». Ни одна социальная форма, замечал В.А. Базаров в полемике с Н.Н. Михайловским, сама по себе не может быть априорно признана социалистической, из каких бы соображений морального порядка она не исходила. «Повышение производительности труда должно теперь стать единственным критерием, определяющим собой размеры и формы общественного производства», – писал он¹⁰.

Вместе с тем в исследовании В.А. Базарова воспроизводятся традиционные для марксизма подходы, сочетающие гуманистический характер будущего строя, его нацеленность на удовлетворение многообразных потребностей индивидов с упрощением механизма функционирования хозяйственной системы. Однако автор в данном случае не ограничивается простой констатацией черт социалистического общества, но предпринимает попытку раскрыть внутреннюю связь между ними, которая позволила бы разрешить возникающие противоречия. Естественно, это не удастся. С одной стороны, утверждается, что социализм должен учитывать безусловную неоднородность потребностей индивидов как с количественной, так и с качественной точки зрения. С другой стороны, согласование интересов (а разнообразие потребностей неотделимо от разнообразия интересов) автор считает возможным легко обеспечить проведением соответствующих математических расчетов, однозначно и убедительно показывающих гражданам наилучший для всех вариант развития производства. «Полное единогласие само обеспечивается общезначимостью математических аксиом»¹¹, а потому лишается смысла проблема «издержек централизации», связанных с установлением авторитарного (или деспотического) режима руководства обществом.

¹⁰ Базаров В.А. Анархический коммунизм и марксизм. СПб.: Тип. Т-ва «Народная польза», 1906. С. 88–89.

¹¹ Там же. С. 166.

Математически эта логика понятна. Поскольку имеется целевая функция, описывающая желательное состояние системы по данному критерию, постольку можно найти решение поставленной задачи для каждой данной точки траектории. Однако нетрудно заметить и коренной порок подобных рассуждений, вытекающий из идеи абсолютной детерминированности и безальтернативности социально-экономического оптимума. Но ведь развитие общества альтернативно, причем сама целевая функция (от формулировки которой зависит и решение оптимизационной задачи, т. е., в нашем случае, нахождение точки согласования интересов) зависит от соотношения социальных сил, интересов и множества других факторов, далеко не всегда учитываемых в принципе.

Не останавливаясь подробнее на многочисленных теоретических изысканиях социал-демократов начала нашего столетия, подведем некоторые итоги. Противоречивость критерия социально-экономического прогресса проявилась к этому времени в различных формах и аспектах: между свободой и равенством, между социальной и экономической динамикой и т. д. В конечном же счете это было противоречие между существом, общей основой прогресса и вероятными формами организации хозяйственной жизни, которые могут складываться под влиянием разнообразных факторов, не последнее место среди которых занимают и факторы идеологические, доктринальные – стремление осуществить всеобщее равенство (в том или ином его понимании), освободить народ от эксплуатации (разумеется, в современных ее формах), сделать всех счастливыми и т. д.

Впрочем, пока социализм оставался теорией, противоречие это носило лишь теоретический характер. Но уже совершенно по-иному встал вопрос с победой Октябрьской революции в России, когда задача перехода к новому строю переместилась непосредственно в область конкретной политики.

* * *

Революция, нацеленная на построение коммунизма и победившая (если понимать под победой сам акт захвата политической власти) в стране с абсолютным преобладанием мелкобуржуазности в экономике и в массовом сознании, с довольно низкой общей культурой населения, естественно, стала развиваться преимущественно по пути замены одних хозяйственно-политических форм другими. Путь национализации, конфискации, экспроприации явился не только и даже не столько результатом определенных программных установок, он был самым простым и понятным способом разрушения старого мира – отвоевания страны у эксплуататоров, у богатых для бедных.

Руководство большевистской партии в основном отдавало себе отчет в формальном характере всех этих мероприятий. Широко известны размышления в начале 1918 года В.И. Ленина, противопоставлявшего формальное обобществление (захват рабочими заводов и фабрик) «обобществлению на деле»¹². Высшие органы республики пытались поставить национализацию в какие-то рамки, принимали на этот счет специальные постановления. Однако мне представляется, что, несмотря на более осторожную позицию правительства, по существу целевые установки верхов и низов совпадали. Низы стремились скорее сбросить «цепи эксплуатации», которые для пролетариев ассоциировались с частной собственностью хозяев. Верхи же видели в подобном изменении форм хозяйственной жизни не только освобождение народа от эксплуатации, но и создание предпосылок для будущего быстрого развития производительных сил и все более полного удовлетворения потребностей трудящихся.

В конечном итоге все это привело к утверждению хозяйственного и политического режима, получившего название «военный коммунизм». Его характерные черты и противо-

¹² Ленин В.И. Очередные задачи советской власти II Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 171.

речия хорошо известны. Однако утверждение военного коммунизма объясняется, как правило, суровой обстановкой гражданской войны, чрезвычайной разрухой, в которую уже к тому времени было повергнуто народное хозяйство России. Между тем, каковы бы ни были непосредственные предпосылки этого, сам военный коммунизм рассматривался основной массой революционеров как торжество именно тех форм, ради которых и совершалась пролетарская революция. Зигзаги истории привели к тому, что на определенном этапе требования военной необходимости и идеологической доктрины совпали. Разве не должна была доктрина праздновать победу?! Действительно, в стране проведена практически полная национализация основной массы средств производства. Государственный банк, поначалу преобразованный в «Народный», был затем и вовсе закрыт. Не за горами и ликвидация системы финансов. С частной торговлей ведется решительная борьба. Разрабатывается единый хозяйственный план, который свяжет все хозяйство в целостный организм, крупный комбинат, где сотни миллионов людей будут работать так же четко, как часовой механизм. Словом, налицо все основные предпосылки нового строя: централизация управления, натурализация хозяйственных связей. Не хватает, правда, планомерности (хаос, неразбериха даже усиливаются), но это вполне может быть объяснено и оправдано военной обстановкой.

Характернейшей чертой идеологической базы военного коммунизма было убеждение в том, что к подобным формам организации общественной жизнедеятельности ведет сама объективная тенденция развития производительных сил. Из этого непосредственно выводились формы хозяйства, политики, психологии, быта. Прогресс производительных сил, повышение производительности труда в условиях современного крупного машинного производства (а ведь за ним будущее!) немислимы без железной дисциплины, работы всех по единому, централизованно установленному плану-расписанию. «Планомерное общественное хозяйство – это единое предприятие, – рассуждал, например, Л.Н. Крицман. – И потому, что оно гигантски велико и сложно, особенно необходимо внимание к железной логике его движения. В царстве труда нет места свободе, в нем царствует необходимость»¹³. В такой системе нет места свободе ни для рабочих, ни для производственных коллективов.

Эта позиция вовсе не была каким-то крайним, экстремистским выражением идеологии военного коммунизма. Представления об абсолютной тенденции производительных сил к укрупнению и централизации и ее влиянии на все другие аспекты жизни человека были доведены до логического конца А.К. Гастевым. Он утверждал, что победа крупного машинного производства неизбежно ведет к стандартизации (или нормализации) других общественных отношений, не только производственных, но и интеллектуальных, семейных, бытовых, к нивелированию психики и интимной жизни¹⁴.

Подчеркнем еще раз, что подобные выводы были в значительной мере следствием и доведением в теории до логического конца определенной тенденции движения производительных сил; тенденции, на анализ которой опирался в свое время К. Маркс и которая в начале XX века проявилась еще более ярко и многим могла казаться решающей, обеспечивающей наивысший рост производительности труда (подтверждением чему на Западе были успехи Форда и Тейлора) или даже единственно возможной. Это заблуждение, впрочем, не было в те годы «привилегией» одних только марксистов (аналогичные идеи получили широкое распространение, о чем свидетельствует появление тогда же антиутопий Е.И. Замятина, О. Хаксли и других писателей).

Однако при всей «идеологической чистоте» и «производственной детерминированности» рассмотренных представлений их практическая реализация вскоре показала, что предлагаемая модель коммунизма на самом деле была далека от его гуманистической сущности

¹³ Крицман Л.Н. О едином хозяйственном плане. М.: Госиздат, 1921. С. 10, 11, 17.

¹⁴ См.: Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9-10. С. 43-45.

и раскрытия экономического потенциала. Все свелось к насаждению форм, якобы соответствующих коммунизму. Об этом свидетельствовало влияние военно-коммунистических принципов и на динамику производительных сил, и на характер складывающихся производственных отношений, прежде всего отношений собственности, если рассматривать проблему с содержательной, а не с формальной точки зрения.

Производительные силы страны погружались в хаос, который не мог быть объяснен лишь обстановкой многолетней войны. Усиливающиеся деформации производства, нарушение устоявшихся хозяйственных связей в значительной мере были порождены порочностью самой системы бюрократического административного централизованного управления, отсутствием реальных стимулов к труду, к рационализации производственного процесса.

Единый хозяйственный план, на который возлагались столь большие надежды и разработка которого поначалу казалась делом относительно несложным, оставался объектом политических мечтаний и деклараций. Даже последовательные идеологи военного коммунизма признавали отсутствие какого бы то ни было намека на реальную планомерность. «Отсутствие планомерности, следовательно, отсутствие предвидения, означало непрерывные противоречия между многочисленными хозяйственными органами; но в то время как в условиях товарного хозяйства эти противоречия принимают форму рыночной конкуренции, в условиях пролетарско-натурального хозяйства, которое является своего рода федерацией ведомств и главков, они делают необходимыми соглашения (пресловутые «согласования») между соответственными органами, – писал позднее Л.Н. Крицман. – В соответствии с тенденцией пролетарско-натурального хозяйства к рационализации, к уничтожению фетишизма, анархический хаос товарных отношений кристаллизуется в форме комиссий, становится явным, не переставая из-за этого быть хаосом»¹⁵.

Основные сложности, однако, были связаны с тем, что победившая революция не смогла дать позитивного, содержательного решения проблемы собственности. Частная собственность отвергалась однозначно и бесповоротно. Но что приходит на смену? До Октября 1917 года этот вопрос не вызывал особых сомнений – рабочие становятся собственниками и как таковые участвуют в организации производства. На практике все оказалось значительно сложнее. Ведь задача ликвидации частной собственности, понимаемая не с формально-юридической точки зрения, а по существу, предполагает формирование таких субъектов собственности, которые имели бы значительно более мощные стимулы к социально-экономическому прогрессу, росту производительности труда, чем при капитализме. Поскольку же последний не имеет и не может иметь никаких пределов для своего роста, кроме, как представлялось тогда, отсутствия действенного механизма согласования интересов хозяйствующих субъектов, постольку собственность, приходящая на смену частной, могла быть более эффективной лишь при условии формирования реального носителя стратегических интересов в национальном (или даже в мировом, поскольку коммунизм иначе не мыслился) масштабе. Предпринимавшиеся в 1917–1920 годах попытки решения этой задачи терпели полный провал.

Первоначально большие надежды связывались с рабочим контролем, органы которого, формируясь снизу вверх, должны были участвовать в организации «своего» производства, а на верхнее звено этой пирамиды предполагалось возложить функции планомерного руководства всем народным хозяйством. Утопичность подобного проекта выявилась в течение нескольких месяцев. Жизнь показала, что органы рабочего контроля выражают интересы, во-первых, локальные, во-вторых, текущие, в-третьих, по преимуществу потребительские.

Не удалось решить проблему собственности и на путях создания единого центра. Образованный с этой целью ВСНХ вскоре превратился в обычное министерство промышлен-

¹⁵ Крицман Л. Героический период Великой русской революции. М., 1925. С. 148.

ности, раздираемое к тому же противоречиями между составляющими его вертикальными структурами – главками и центрами. В дальнейшем функции единого центра попытался взять на себя Совет труда и обороны, но и из этого не получилось ничего, кроме создания очередной, хотя и высшей, планово-распределительной междуведомственной комиссии.

Процветавший в государственном и хозяйственном аппарате бюрократизм и неуклонно снижающаяся эффективность общественного производства не оставляли никаких иллюзий относительно наличия хозяйской мотивации у трудящихся. Энтузиазм участников первых субботников не может опровергнуть того, что в годы военного коммунизма воспроизводилось отчуждение работника от активного участия в социально-экономическом процессе, а именно в этом состоит важнейшая содержательная характеристика наличия или отсутствия общественной собственности. Ярче всего реальность отчуждения проявлялась, пожалуй, в признании высшим политическим руководством страны допустимости использования в широких масштабах внеэкономического принуждения к труду, трудовых армий и трудовых мобилизаций в качестве нормального инструмента решения хозяйственных задач.

Между тем без позитивного решения проблемы собственности революция не может достичь своих созидательных целей. Отрицая господствующие отношения собственности, можно разрушить старый общественный строй с присущими ему формами организации экономической жизни, но нельзя построить новый. Для этого нужны хозяйствующие субъекты, имеющие мотивацию собственника. Практика же военного коммунизма свидетельствовала о потребительском характере этого строя. Он мог в определенной мере обеспечивать перераспределение уже имеющихся ресурсов, но, не формируя адекватной мотивации, являлся тормозом на пути прогрессивного развития производительных сил. Необходим был коренной поворот в идеологической доктрине социализма (или, поначалу, в понимании путей к нему), перемещающий акцент с формальных критериев социалистичности к сущностной стороне общественного прогресса, к созданию экономических, социальных, политических и иных условий, наиболее благоприятных для роста производительных сил. Известный ленинский афоризм «Производительность труда – это, в последнем счете, самое главное для победы нового общественного строя» должен был наполниться реальным социально-экономическим содержанием. Такой поворот и нес с собой нэп – не только как хозяйственная практика, но и как предпосылка (первоначально только предпосылка) нового шага в теоретической модели социализма.

* * *

Создание социально-экономического механизма, стимулов динамичного развития производительных сил – в этом состояла важнейшая задача нэпа. Ее решение требовало активизации хозяйской мотивации субъектов производственных отношений во всех секторах (укладах) советской экономики. Отказ от формальной интерпретации пути к социализму в отношении как организации производительных сил, так и самого экономического механизма – такова фундаментальная идея, на которой основываются работы Н.И. Бухарина и Г.Я. Сокольникова, В.А. Базарова и А.М. Гинзбурга, А.М. Кактыня и В.Н. Сарабьянова, а также других авторов 1920-х годов.

Для решения социально-экономических задач, стоявших перед советским обществом, необходимо было перейти, как писал, например, А.М. Кактынь, от грубых, административных методов управления к экономическим, присущим не только современному капитализму, но и социализму на его развитых стадиях. По мнению названных авторов, эффективное хозяйствование предполагает отказ от тотального централизованного регулирования всех параметров экономического процесса, расширение самостоятельности предприятий, преодоление ведомственности в планировании и управлении и даже возможность полного пере-

хода в будущем от директивного планирования к рекомендательному. Наконец, обращает на себя внимание содержащееся в ряде выступлений предостережение от монополистических тенденций в советском хозяйстве и признание необходимости использования в нем элементов конкуренции как важного условия, позволяющего обеспечить прогресс производительных сил, не допустить их застоя. Подчеркивая противоположность военного коммунизма и нэпа прежде всего с точки зрения проблемы мотивации, В.Н. Сарабьянов писал: «Там – принуждение, здесь – добровольчество; там – навязывание продуктов, здесь – поставка их по согласованию с местными органами; там – централизм, созданный сверху, здесь – выросший из низов»¹⁶.

Однако заложенные в основу новой экономической политики принципы так и не были последовательно проведены в жизнь. Стимулы, давшие в начале 1920-х годов мощный толчок росту производительных сил и обеспечившие быстрое восстановление народного хозяйства, не были доведены до объективно необходимого результата: так и не удалось превратить всех трудящихся в реальных собственников средств производства. Несмотря на многочисленные декларации, работники государственных предприятий оставались наемными, положение крестьянства также было весьма нестабильным из-за господства уравнилельных представлений о социализме как среди основной массы самих же крестьян, так и в политическом руководстве страны. Административное воздействие на хозяйственные процессы не прекращалось и не ослабевало, и это было, безусловно, одной из важных причин того, что экономика развивалась неровно, фактически двигаясь от кризиса к кризису.

Ситуация обострялась и несогласованностью концепций экономического и политического обновления. Нэп не был дополнен политической реформой. Более того, собственно политические решения X съезда партии, провозгласившего поворот в экономике, и ряд последующих документов 1921–1923 годов только ужесточали сложившийся в период военного коммунизма политический режим в стране и партии. Положение дел осложнялось весьма своеобразной ситуацией в среде видных большевистских деятелей: как показывают материалы XI съезда РКП(б), сторонники последовательного развертывания нэпа, как правило, выступали против демократизации политической системы и внутрипартийной жизни, а активные сторонники последнего зачастую весьма прохладно относились к принципам нэпа.

Словом, годы нэпа были противоречивым периодом в истории нашей страны. Вопреки широко бытующему убеждению это было время не только и даже не столько господства хозрасчета, здравого смысла, хозяйской мотивации, сколько перегруппировки и постепенного укрепления позиций тех, кого один из публицистов тех лет образно назвал «рольандами неистовыми военного коммунизма».

Не выдержав открытого и содержательного сопоставления с нэпом (который, несмотря на все противоречия, создал значительные стимулы для развития производительных сил), идеологи военного коммунизма перешли в 1920-е годы к открытой апологии определенных хозяйственных форм. Если раньше (в 1918–1920 годах) речь шла по преимуществу о том, что производительные силы требуют соответствующих форм организации народного хозяйства (жесткой централизации, плана-расписания и т. д.), то теперь сам «критерий социалистичности» был перенесен непосредственно в область хозяйственных форм, достижение которых и означало бы победу нового строя, во-первых, и, во-вторых, создало бы (хотя, возможно, и не сразу) лучшие условия для роста производства.

В теории и на практике утверждение военно-коммунистической «формулы прогресса» в рамках нэпа проявлялось по-разному.

¹⁶ Сарабьянов Вл. Является ли нэп отступлением? М.; Л., 1926. С. 25.

Прежде всего надо отметить представление об априорной прогрессивности государственной формы собственности по отношению ко всем другим. В принципе, так рассуждали и многие большевики – последовательные сторонники нэпа; однако, по их мнению (представленному, в частности, в докладе В.И. Ленина на XI съезде партии, в работах Н.И. Бухарина 1924–1926 годов), государственная собственность может и должна доказывать свое историческое преимущество в конкурентной борьбе с частным капиталом на внутреннем и внешнем рынках. Развивая эти идеи, председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский обращал внимание на целесообразность развертывания конкуренции и между государственными трестами, требовал не допускать использования синдикатской формы для монополизации рынка, ведущей к росту цен и игнорированию запросов потребителей.

На практике, однако, все обстояло иначе. По сути дела, реализовывались идеи одного из ведущих левых теоретиков-экономистов – Е.А. Преображенского. Он резко возражал против конкуренции государства с частником, поскольку, по его мнению, более высокая эффективность (рентабельность, выгодность) капиталистического предприятия по сравнению с социалистическим не может играть критериальной роли. Имеет значение лишь большая прогрессивность всей социалистической системы по сравнению с капиталистической, порождающей кризисы, войны и другие потрясения¹⁷. Такой подход лежал и в основе требований ряда экономистов проявлять революционную бдительность при проведении в жизнь принципов нэпа, быть чрезвычайно осторожными при переводе предприятий на хозрасчет и даже отвечать «коммунистической реакцией» (термин Ю. Ларина) на чересчур активные действия в этом направлении. Задача вытеснения чуждого новому строю частного капитала при помощи административных мер естественно вытекала из подобной логики. Эффективное частное хозяйствование оказывалось опасным для социализма и уже потому уголовно наказуемым¹⁸.

Практическая реализация этой линии оказывала негативное влияние на возможности динамичного развития производительных сил. Прежде всего, это отражалось на положении дел в аграрном секторе – важнейшем тогда в экономике страны как по количеству занятых, так и по его экспортной роли. Любой вырывающийся вперед крестьянин, способный достичь более высокой производительности труда, получать повышенные доходы и, следовательно, способный увеличивать фонд накопления (покупать удобрения, технику и т. д.), а не только свое личное потребление, автоматически записывался в кулаки со всеми вытекающими отсюда последствиями (отменой государственных льгот, предоставлявшихся беднякам и середнякам, ухудшением условий снабжения, что было особенно болезненно в обстановке нарастающего товарного голода, поражением в политических правах). Регулярные переделы земли также не способствовали формированию психологии рачительного хозяина.

Соответствующие военно-коммунистической доктрине идеи развивались и многими «аграрниками-марксистами»: велись интенсивные дискуссии о том, по каким критериям может быть правильно прослежена дифференциация деревни, кого относить к кулакам и т. п. Словом, вопрос, кого считать эксплуататором, чрезвычайно заботил этих экономистов, будучи для них гораздо важнее того, какое хозяйство и почему функционирует эффективнее. В поиске эксплуататора иной раз доходили до выводов курьезных, хотя и имевших весьма

¹⁷ См.: Преображенский Е. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. 1924. Кн. VIII.

¹⁸ Подобное понимание проблем отнюдь не является атрибутом далекого прошлого. Схожие аргументы выдвигаются некоторыми исследователями 1920-х годов и в наши дни. Так, объясняя объективные основы слома нэпа, В. П. Дмитренко утверждает буквально следующее: «Опасным был сам пример частного предпринимательства, который рядом с государственным аппаратом, не умеющим еще торговать, демонстрировал способность быстро проложить дорогу от производителя к покупателю» (Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. Нэп и его судьба // Историки спорят. 13 бесед / Под общ. ред. В.С. Лельчука. М.: Политиздат, 1989. С. 145.). К этому можно только добавить, что в условиях отсутствия конкуренции государственный торговый аппарат так и не научился «быстро пролагать дорогу от производителя к потребителю».

печальные последствия для развития производства: крестьянин, нанимавшийся к другому крестьянину для выполнения определенного вида работы и использующий для этого свои технические средства, объявлялся эксплуататором того, кто его нанимает.

Словом, экономические и политические условия развития деревни делали крайне невыгодным и даже опасным эффективное хозяйствование на земле, подрывая у более зажиточных слоев стимулы к накоплению, к инвестированию капитала в развитие производительных сил, а у более бедных слоев крестьянства – стимулы к труду. В деревне формировалась достаточно активная армия люмпенских элементов, весьма заинтересованная в регулярных «черных переделах», а государственные органы не столько пытались решить проблему аграрного перенаселения, сколько сознательно или бессознательно подпитывали люмпенскую психологию лозунгами о бедняках как социальной основе Советской власти в деревне. Экономическая логика оказалась как бы поставленной с ног на голову: в быстром росте индивидуального крестьянского хозяйства видели показатель социального регресса аграрного сектора, его несоответствие новым, высшим формам организации производства.

Некоторые экономисты, впрочем, пытались доказать ошибочность изложенных выше теоретических изысканий, ссылаясь на то, что крестьянское хозяйство в СССР в своей массе является трудовым, т. е. дифференциация имеет под собой в основном трудовые корни. Однако эта аргументация была не только неубедительной для их оппонентов, но вряд ли правильной по существу. Не соглашаясь с выводами о росте капиталистических элементов в деревне, эти авторы фактически опирались на ту же логику анализа, перенося центр тяжести с исследования существа социально-экономического процесса (поиск оптимальных условий для динамичного роста производительных сил) на более поверхностные вопросы.

Аналогичные проблемы стояли и перед частником в промышленности и торговле. Политическая ущербность, неуверенность в завтрашнем дне, постоянные колебания официальной позиции по отношению к частному сектору (до середины 1925 года она то либерализовывалась, то ужесточалась, а затем процесс административного вытеснения «несоциалистических форм» стал необратимым) – все это также подрывало заинтересованность в производственном накоплении, не способствовало формированию собственника – носителя долгосрочной, стратегической мотивации.

Хозяйственно-политическая система, основанная на столь неустойчивом фундаменте, не могла существовать долго. «Вакуум собственности» должен был быть заполнен, что и произошло в конце 1920-х годов. К этому времени в экономической теории и на практике уже сформировались и были открыто противопоставлены друг другу два принципиально разных понимания стратегических установок по коренной реконструкции советского народного хозяйства.

В начале 1927 года на обсуждение ученых и практиков был вынесен разработанный в Госплане под руководством С.Г. Струмилина развернутый проект пятилетнего плана. Его текст начинался с изложения критериальной установки пятилетки: «Задача перспективного плана народного хозяйства СССР в настоящий момент может быть сформулирована как задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу и материальные ресурсы страны, которое в оптимальной степени обеспечивало бы бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил возможно быстрым темпом в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма»¹⁹. Как видим, критерий был тройственным (рост производительных сил, повышение благосостояния трудящихся, скорейшее развертывание процессов обобществления), что и вызвало сомнения ряда экономистов, показывавших возможность

¹⁹ Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/1927-1930/1931 гг. М., 1927. С. 1.

несовпадения динамики этих элементов, а потому подчеркивавших необходимость указать их соподчиненность, иерархию, выделить главный²⁰.

По мнению, четко сформулированному В.А. Базаровым (который, кстати, тоже работал в то время в Госплане), при всей важности каждого из названных критериев решающим является именно рост производительных сил: «Не производительные силы должны быть приспособлены к заранее данным априори санкционированным формам социализации, а как раз наоборот, проводимые в жизнь формы социализации должны неустанно пересматриваться, подвергаться критике и исправлению, раз они в недостаточной мере стимулируют развитие производительных сил»²¹. Предостерегая против ошибочных решений стратегического характера, он доказывал, что подход к проблеме общественного прогресса с точки зрения не его содержания, а социальной формы, чреват в будущем опасностями крупных потрясений для социализма²².

В этом вопросе многие экономисты, позиции которых, как правило, были далеки друг от друга, выразили практически единое мнение. Объективный экономический анализ возможностей социалистического накопления для быстрого и эффективного осуществления индустриализации на путях, исключающих экономические кризисы и социальные потрясения, свидетельствовал в пользу активного использования потенциала, заложенного в различных формах собственности. Но для этого надо было преодолеть идеологические предрассудки и обеспечить стабильные условия, заинтересовывающие предпринимателей в городе и крестьян в деревне в накоплении и эффективном использовании капитальных ресурсов.

Задача повышения эффективности государственных капитальных вложений также находилась в поле зрения советских экономистов рассматриваемого направления. Вызывала тревогу явная тенденция к тому, что отдача от инвестиционной деятельности государственных предприятий была существенно ниже, чем, например, у предприятий, строящихся при участии иностранного капитала. Для решения этой проблемы предлагалось использовать специальные финансовые рычаги, в какой-то мере аналогичные будущей плате за производственные фонды (введенной в 1965 году)²³.

Принципиально иных взглядов придерживались С.Г. Струмилин и его единомышленники. Обвинив своих оппонентов в «струмизме», эти авторы ключевую роль в современных условиях отводили внедрению в народное хозяйство социалистических форм (точнее, форм, которые было принято считать таковыми), невзирая на то что такая политика может привести к известным жертвам в области производительных сил²⁴. Сами новые хозяйственные формы, полагали они, смогут в дальнейшем обеспечить поступательное развитие всех сторон общественной жизни, поскольку социализация укрепляет позиции диктатуры пролета-

²⁰ См.: *Ваттейн, Альб. Л.* К проблеме пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР // Экономическое обозрение. 1927. № 7. С. 33–34.

²¹ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: дискуссия в Коммунистической академии. М., 1928. С. 81.

²² «В течение короткого срока может оказаться целесообразным, по тем или другим внеэкономическим соображениям, вовлечь в сферу обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной. Ибо превратить на 5, 10, 15 лет общественную организацию из формы хозяйственного развития в его „оковы“, хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, готовить в грядущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение» (*Базаров В.* Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 42).

²³ См.: *Базаров В.* О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Экономическое обозрение. 1927. № 5; *Гинзбург Л.М.* Некоторые предпосылки промышленной пятилетки // Экономическое обозрение. 1927. № 4; *Дезен А.* Развитие промышленности и национальное поколение // Экономическое обозрение. 1927. № 5; *Огановский Н.* Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана // Экономическое обозрение. 1927. № 6, 7; и др.

²⁴ См.: О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: дискуссия в Коммунистической академии. М., 1928. С. 38.

риата – нового источника социально-экономической динамики, решающего фактора достижения целей реконструкции советского народного хозяйства.

Исход дискуссии зависел, впрочем, не столько от научных аргументов, сколько от характера социально-политических изменений, которые обрушились на страну. Непоследовательность в реализации принципов нэпа, во многом явившаяся следствием постоянного противоборства противоположных подходов к пониманию общественного прогресса, так и не позволила реализовать главную задачу – сформировать сильного собственника, заинтересованного в устойчивости складывавшихся на базе нэпа экономических отношений и имеющего долгосрочную мотивацию хозяина. Образовавшийся «вакуум собственности» должен был быть заполнен, что и сделал, хотя и в извращенной форме, так называемый «великий перелом» – утверждение административно-тоталитарного режима во всех сферах жизнедеятельности советского общества.

В данной статье не место специально анализировать причины совершившегося поворота, социально-экономическую природу установившегося режима. Заметим только, что в свое время, размышляя о перспективах развития революции в России, В.И. Ленин не исключал и возможности термидора. «„Термидор“? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим», – писал он²⁵. Конечно, прямых аналогий с Великой французской революцией тут быть не может, хотя бы уже потому, что подлинный термидор означал приход к власти крупных собственников, тогда как «великий перелом» выразился в огосударствлении всех форм собственности и в превращении всех граждан в чиновников, наемных рабочих или закрепощенных крестьян, обслуживающих сложившуюся систему собственности, объективно от всех отчужденную.

Теперь уже совершенно ясно, что установившаяся на рубеже 1920-1930-х годов система означала не выбор иного (по сравнению с тем, о котором писали теоретики нэпа) пути к социализму, а победу курса на иной социализм. Его существо связывалось не с созданием благоприятных условий для всемерного развития производительных сил, не с преодолением отчуждения и гуманизацией общественных отношений, а с утверждением определенных хозяйственных, политических и иных форм, причем именно тех форм, которые были выгодны господствующему слою, укрепляли его власть (иерархичность в организации производства, жесткая централизация управления, сосредоточивающая основные рычаги власти в руках немногих, административно-директивное планирование, формирование системы ответственности исключительно «снизу вверх» и т. д.). Отведение бюрократическому огосударствлению роли «критерия социалистичности», его идеологическое освящение в качестве незыблемого принципа, выражающего существо нового строя, не могло, разумеется, обеспечить стабильный рост производительных сил. Отсутствие реальной мотивации собственника привело уже в годы первых пятилеток, действительно отмеченных взлетом трудового энтузиазма, к колоссальным потерям, а впоследствии, с началом научно-технической революции, приобрело новую остроту, открыв прямой путь к застою.

* * *

Революционная перестройка разрушает крепости, которые еще нередко казались незыблемыми. Однако, как показывает жизнь, одним из наиболее сложных бастионов являются стереотипы общественного сознания. Широкие слои народа вступают в активную политическую жизнь, зачастую не освободившись от традиционных (или точнее, консервативных) представлений о социализме, отождествляющих его с хозяйственными формами

²⁵ Ленин В.И. Материалы к X Всероссийской конференции. Планы доклада о продовольственном налоге // Ленин В.И. Поли. собр. соч. М.: Политиздат, 1970. Т. 43. С. 403.

полувековой давности, которые, как внушали нам в течение десятилетий, якобы выражают сущность справедливого общественного устройства.

Для преодоления этих представлений (а таково одно из важнейших условий успеха перестройки) нужно, во-первых, обсуждая перспективы социально-экономического обновления нашего общества, не забывать о существовании иерархии критериев и о том, что определяющим по отношению ко всем другим является динамичное, поступательное развитие производительных сил – неременная основа всех других параметров, характеризующих прогрессивное движение общества в направлении его гуманизации. Непоследовательность в этом вопросе таит в себе опасность того, что отрицание критериальной роли конкретных форм административно-тоталитарного социализма приведет лишь к замене их иными формами, пусть даже и более общего характера. Политическая жизнь последнего времени, и особенно дебаты в Верховном Совете СССР по проблемам радикальной экономической реформы вообще, и форм собственности в частности, на мой взгляд, показывают обоснованность подобных опасений.

Во-вторых, важно выявлять формы собственности, наиболее удовлетворяющие общему критерию прогресса. Вся история теории и практики социализма свидетельствует, что важнейшей задачей является формирование субъекта собственности, способного обеспечить оптимальные условия для прогресса производительных сил. Решение этой задачи не должно быть связано никакими априорными ограничениями со стороны форм функционирования народного хозяйства, в том числе и форм собственности. Без этого нет эффективной экономики, а значит, и нет будущего, нет альтернативы застою.

Общество, называющее себя социалистическим или желающее быть таковым, не должно возводить никаких искусственных преград на пути развития производительных сил как естественной основы гармоничного развития личности. Тем более – преград идеологических.

Марксово учение о планомерности и вопросы непрерывности планирования в работах Г.М. Кржижановского и В.В. Куйбышева²⁶

Разрабатывая политическую экономию капитализма, К. Маркс доказал историческую ограниченность этого способа производства и неизбежность победы пролетарской революции. Вместе с тем анализ тенденций экономического развития капитализма позволил выявить основополагающие черты коммунистической общественно-экономической формации, среди которых важнейшая роль отводилась планомерности. В «Капитале» и ряде других произведений К. Маркс обосновал возможность и необходимость установления планомерной формы организации производства, что является условием преодоления фетишизации производственных отношений²⁷ и достижения человеком подлинной свободы²⁸.

Задача планомерной организации народного хозяйства встала со всей остротой после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В работах В.И. Ленина получило дальнейшее развитие Марксово учение о планомерности, им были сформулированы основные принципы социалистического планирования. Марксистско-ленинские идеи в этой области развивались в 1920-е годы, прежде всего экономистами-марксистами Госплана во главе с Г.М. Кржижановским и В.В. Куйбышевым.

Следует подчеркнуть, что уже советским экономистам была ясна необходимость глубокого освоения теоретических выводов основоположников марксизма-ленинизма при разработке экономической теории социализма. «Маркс и Энгельс не могли и не пытались точно предусмотреть все богатство извилин и деталей конкретного пути, по которому придется идти победоносной пролетарской революции. Но они тем не менее сумели дать общие контуры социалистического планового хозяйства в крупных масштабах. Работа над будущей пятилеткой и генпланом должна быть теснейшим образом увязана с гениальными предвидениями и высказываниями Маркса и Энгельса», – писал М. Тулепов в статье «Основы теории планового хозяйства в работах Маркса и Энгельса»²⁹.

Одной из основных проблем планомерной организации общественного производства является обеспечение непрерывности планирования. И действительно, именно разработка системы плановых документов на различные периоды стала в 1920-е годы как бы ядром плановой деятельности, что предполагает исследование комплекса важных методологических вопросов. Большую роль сыграли тут работы Г.М. Кржижановского и В.В. Куйбышева, основные идеи которых в этой области и будут нами далее рассмотрены.

Идея обеспечения непрерывности планирования народного хозяйства, по сути дела, была заложена уже в плане ГОЭЛРО. С самого начала деятельности Госплана перед ним ставились задачи разработки системы плановых документов. Однако особое значение в этом деле имели решения съезда плановых органов, состоявшегося в начале 1926 года. Выступая на нем, Г.М. Кржижановский подчеркнул необходимость разработки системы научно обоснованных документов, включающую годовой, пятилетний и генеральный (на 10–15 лет) планы. «...Годичный план должен неизбежно являться лишь отрезком перспективного хозяйственного плана, предвидящего цикл хозяйственных работ примерно на пятилетний

²⁶ Опубликовано в: К. Маркс и развитие политической экономии. М.: ИНИОН АН СССР, 1984. (Дей. № 18600 от 31 октября 1984 г.)

²⁷ См.: Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 90.

²⁸ См.: Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. 4. II. М.: Госполитиздат, 1962. С. 386–387.

²⁹ Тулепов М. Основы теории планового хозяйства в работах Маркса и Энгельса // Под знаменем марксизма. 1931. № 6. С. 126.

срок... В свою очередь перспективный план будет правильно скомпонован лишь при наличии правильно составленного генерального плана народного хозяйства. Сознание необходимости работы в этих трех направлениях, – признание, что тремя основными стержнями плановой работы должны быть план генеральный, план перспективный и планы годовые, операционные, с сопутствующей последним системой контрольных цифр, – широко распространено в кругу наших работников»³⁰. Стоит обратить внимание: в приведенной цитате пятилетний план рассматривается как центральный элемент системы. И так, уже в 1920-е годы был сформулирован этот важный принцип, однако лишь на современном этапе развития теории и практики народнохозяйственного планирования он может быть в полной мере реализован.

Необходимо подчеркнуть, что уже в тот период было выдвинуто требование четкого разграничения целей, стоящих перед планированием на разные периоды, и связанной с этим дифференциации системы показателей, структуры планов³¹. «Мы по-разному подходим методологически к задачам, стоящим в разрезе одного года, в разрезе пяти лет, в разрезе десяти и более лет. Наряду с этим мы создали свою систему конъюнктуры как хозяйственной вахты... Нельзя предъявлять пятилетнему плану такого рода запросов, которые мы можем предъявлять годовому плану или генеральному плану», – писал Г.М. Кржижановский. И далее: «Годовой план – это больше всего план эксплуатации, план проведения в действие наличных установок хозяйственных ячеек, отрядов труда на том базисе, с некоторыми небольшими прибавлениями того строительства, которое в такой маленький отрезок времени можно сделать. Генеральный план, охватывающий 10-15-летний период, прежде всего, имеет строительную концепцию, а план пятилетний представляет и часть эксплуатационного плана, и часть плана строительства». Однако сказанное не следует понимать механически: в пятилетнем плане это два его органически связанных компонента, в плане годовом капитальное строительство не отсутствует полностью и не является лишь небольшим прибавлением, но остается «одним из основных стержней»³².

С этой спецификой связано решение крайне остро обсуждавшихся тогда вопросов генетического и целевого подходов к планированию. Г.М. Кржижановский отмечал, что в «генеральном плане мы сосредоточиваем внимание... на самых широких обобщениях и конечных целях строительства»³³, тогда как в пятилетнем плане следует более подробно отражать достаточно близкие хозяйственные нужды, вытекающие из практического опыта, во всяком случае по сравнению с генеральным планом. О том, что это не следует понимать абсолютно, свидетельствует пример первого пятилетнего плана, который был бы менее научным, если бы был более «осторожным» и основывался бы только, или хотя бы в основном, на экстраполяции.

Естественно, что уже тогда особый интерес представляли перспективные планы, направленные на решение крупных социальных и экономических задач, на полное торжество социализма в нашей стране. Особое место они занимали и в работах Госплана СССР. Идея разработки

пятилетнего плана была выдвинута в ходе становления теории и практики социалистического планирования. Ныне трудно себе представить народнохозяйственное планиро-

³⁰ Кржижановский Г.М. Текущие проблемы планирования // Кржижановский Г.М. Соч. Т. II. М.: ОНТИ. 1934. С. 293.

³¹ Сказанное приобретает особую актуальность в современных условиях, когда разрабатывается целая система плановых документов вплоть до Комплексной программы научно-технического прогресса на двадцать лет. Если использование одних и тех же показателей в документах на различные периоды и облегчает составление планов, то не может не сказаться отрицательно на их качестве.

³² Кржижановский Г.М. О пятилетнем плане // Кржижановский Г.М. Соч. Т. II. М.: ОНТИ. 1934. С. 364–365.

³³ Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки // Кржижановский Г.М. Соч. Т. II. М.: ОНТИ. 1934. С. 312.

вание без этого понятия, без этого этапа, но тогда он вызывал многочисленные вопросы и споры, касающиеся срока планирования, широты охвата отраслей экономики страны. Предлагалось не связывать деятельность Госплана с документом на определенный период, ограничиваясь лишь определением тенденций хозяйственного развития. Предлагалось также, чтобы план для каждой отрасли охватывал период, зависящий от ее особенностей. Поэтому весьма важным было решение о разработке единого перспективного плана. Вот как объяснял Г.М. Кржижановский выбор именно пятилетия как периода планирования (и объяснение это в целом сохраняет актуальность и поныне): «Во-первых... пятилетний срок является достаточно охватывающим для крупных хозяйственных сооружений... Во-вторых... в нашем сельском хозяйстве наблюдается известная цикличность, позволяющая именно для периода в 5 лет положить в основу перспективного учета среднюю урожайность, ибо благополучные годы в редких случаях выходят за рамки трехлеток. И, наконец, в-третьих... разбивка генерального плана на пятилетние циклы имеет свои удобства в подразделении общих хозяйственных заданий на крупные строительные этапы, позволяющие сконцентрировать мысль проектирующих на основных, важнейших моментах хозяйственного строительства в целом»³⁴.

Огромная сложность этого дела заключалась не только в новизне и гигантских масштабах встававших проблем. Выше мы говорили о соотношении экстраполяции и целевых установок. Пятилетний же план, будучи центральным элементом системы плановых документов, несет в себе объективное противоречие, заключающееся в необходимости совмещения в нем обоих подходов. Эта проблема стоит и в наши дни, но особую остроту она приобретала в то время, поскольку «по самому существу своей переходной структуры» в экономике в значительной мере исключалась возможность экстраполяции из динамики прошлого. И в то же время этот срок недостаточен, чтобы противопоставить сразу же законосообразностям прежней хозяйственной структуры законосообразности новых хозяйственных отношений³⁵. Это противоречие могло быть разрешено только в ходе самой практической плановой деятельности.

Перспективные плановые разработки требовали повышения научной обоснованности планов, их сбалансированности. Г.М. Кржижановский выдвинул тезис о единстве плана и баланса³⁶, что было исключительно важно в условиях, когда планирование народного хозяйства находилось в стадии становления. Народнохозяйственное планирование неотделимо от разработки балансовых вопросов, и недаром приоритет в этой области принадлежит советским ученым. Однако многие вопросы требовали напряженных и достаточно продолжительных исследований. Прежде всего, это касается разработки единого баланса народного хозяйства. Сознывая сложности этого дела, руководители Госплана с самого начала его деятельности подчеркивали необходимость использования уже имеющихся балансовых схем, «балансовых прикидок», системы частных балансов.

Вместе с тем экономисты-марксисты подчеркивали, что сам баланс не может быть чем-то застывшим и план, построенный на его основе, должен быть не только стабильным, но и гибким. Народнохозяйственные планы рассматриваются в нашей стране высшими партийными и государственными органами и после утверждения принимают силу законов. Однако и теоретически, и практически весьма важным было положение, что «план не может быть вечным, постоянным, нерушимым... ни при каких обстоятельствах»³⁷. Сочетание гибкости и

³⁴ Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки. С. 309.

³⁵ См.: Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки. С. 309.

³⁶ См.: там же.

³⁷ Куйбышев В.В. О выполнении пятилетнего плана промышленности // Куйбышев В.В. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1958. С.183.

стабильности плана – важнейшее условие его действенности, проблема, не решенная в полной мере и поныне. Причем под гибкостью мы понимаем даже не корректировки планов как таковые (хотя бы и в сторону повышения), но, прежде всего, возможность хозяйственного маневра. В этом смысле интересно высказывание Г.М. Кржижановского, который связывал решение этих вопросов с обеспечением сбалансированности народнохозяйственных планов, в которых «число и вес» и метод балансовых прикидок еще раз должны перестраховать нас от расплывчатости в работе и недоучета реальных ресурсов. «Если в этих направлениях мы добьемся надлежащей увязки, то в последнем счете вся система хозяйственного планирования будет иметь и достаточную гибкость для хозяйственного маневрирования и достаточную точность реагирования на действительные потребности хозяйственной практики»³⁸.

Со сказанным связано решение еще, по крайней мере, двух проблем в области планирования народного хозяйства.

Во-первых, следует подчеркнуть то большое значение, которое придавалось сбалансированности. Дело, однако, в том, как обеспечить эту сбалансированность, особенно в связи с проблемой «узких мест». Необходимо было найти в огромных преимуществах социалистического хозяйства пути преодоления этих «узких мест», не ограничивая плановые показатели их рамками, но и не игнорируя их. «Разве мы не преодолеваем ежегодно, ежемесячно, ежедневно эти „узкие места“? Разве не находим подчас совсем неожиданные способы преодоления затруднений и непреодолимых, казалось бы, лимитов?» – писал В.В. Куйбышев в статье «Ко дню индустриализации», опубликованной в «Правде» 6 августа 1929 года. «Слишком „трезвая“, консервативная мысль, цепляющаяся за сегодняшние технико-экономические условия, конечно, неспособна была сколько-нибудь удовлетворительно справиться с этой задачей»³⁹. Сам балансовый метод должен играть важную роль в предохранении плана «от опасности недоучета действительных ресурсов»⁴⁰.

Во-вторых, для обеспечения успешного выполнения плановых заданий необходимо иметь достаточные резервы (сырьевые, продовольственные, финансовые). Это подчеркивал В.В. Куйбышев: «Только наличие резерва позволяет разрешить те дополнительные задачи и успешно преодолевать те трудности, которые возникают в процессе выполнения плана»⁴¹.

Использование балансового метода должно было способствовать существенному повышению качества планирования, чему Госплан и его председатели придавали очень большое значение.

Необходимость повышения действенности и обоснованности планов при одновременно возросшей сложности задач, встававших при переходе к перспективному (пятилетнему) планированию, объясняет ту большую роль, которую отводил Г.М. Кржижановский методу «постепенных вариантных приближений»⁴². В этом контексте, в частности, следует рассматривать и появление двух вариантов пятилетнего плана – отправного (минимального) и оптимального (максимального). Вокруг них развернулась острая дискуссия, которая была одним из проявлений классовой борьбы в условиях переходного периода. Буржуазные экономисты, с которыми фактически сомкнулись оппозиционеры в партийных рядах, не верившие в возможность успешного построения социализма в СССР, или поддерживали мини-

³⁸ Кржижановский Г.М. Регулирование товарооборота // Кржижановский Г.М. Соч. Т. II. М.: ОНТИ. 1934. С. 285.

³⁹ Куйбышев В.В. Ко дню индустриализации // Куйбышев В.В. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1958. С. 117, 118.

⁴⁰ Кржижановский Г.М. Регулирование товарооборота. С. 285. Ныне масштабы советской экономики неизмеримо возросли. Но и на XXVI съезде партии было подчеркнуто, что необходима «всемерная концентрация сил на скорейшем завершении и пуске тех предприятий, которые способны обеспечить наибольший прирост продукции, расширить „узкие места“» (Материалы XVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981. С. 39).

⁴¹ Куйбышев В.В. Народнохозяйственный план на 1931 г // Куйбышев В.В. Статьи и речи. Т. V. М.: Партиздат, 1937. С. 42.

⁴² См.: Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки. С. 310.

мальный вариант, или даже и его считали нереальным. В этой борьбе, которая в конечном итоге велась вокруг вопроса о перспективах социализма в нашей стране, принимал участие и В.В. Куйбышев. Хотелось бы привести одну выдержку из его выступления на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 19 декабря 1930 года, в котором ярко проявляется сочетание черт хозяйственного и политического руководителя: «Тов. Рыков, к сожалению, до сих пор не понимает всей глубины своих разногласий с партией, не понимает того, что дело идет не о том или другом проценте роста или той или иной оценке отдельных трудностей. Дело в том, что *одна линия* была противопоставлена *другой* и были две прямо исключаящие друг друга политические линии. Со стороны партии это была *борьба за ту принципиальную политическую линию*, которая дала сейчас такие ощутительные *победы социализму*; со стороны правой оппозиции была борьба за ту линию, которая, если бы она победила, повела бы к неизбежному поражению дела социализма и победе капитализма»⁴³.

Но не означает ли все сказанное, что, выдвигая два варианта плана, Г.М. Кржижановский делал уступку тем, кто не верил в успех социализма? Разумеется, нет. Не говоря уже о том, что это был этап в ходе вариантных приближений, даже сами эти отправные установки отвергались буржуазными авторами и оппозиционерами. Наконец, один из важных аргументов в пользу отрицательного ответа на поставленный выше вопрос содержится в следующем положении, которое упускается из виду многими исследователями деятельности Г.М. Кржижановского: «Фактическое приближение к цифрам-показателям этого минимального ряда будет наглядным образом *сигнализировать нам о предстоящих опасностях* и предостерегать нас должным образом в нашем хозяйственном маневрировании. В этом – громадное служебное значение этого минимального хозяйственного ряда»⁴⁴. Такой подход к проблеме нам представляется весьма интересным.

Всякий народнохозяйственный план является классовым документом, выражает интересы господствующего класса. Правда, в наше время интересы рабочего класса нашей страны стали интересами всего советского народа. Однако в 1920-1930-х годах шла острая классовая борьба. Поэтому необходимо особо подчеркнуть классовость первых пятилетних планов, их нацеленность на построение социализма, на вытеснение капиталистических элементов и полную их ликвидацию. Классовость плана предполагала укрепление союза рабочего класса и трудового крестьянства на основе совпадения их классовых интересов. Г.М. Кржижановский подчеркивал, что в конкретизации основ смычки между пролетарскими и бедняцко-средняцкими массами – сущность пятилетки⁴⁵. Соответствующие указания на классовость социалистических планов мы можем найти как в партийных документах тех лет, так и во многих статьях и выступлениях Г.М. Кржижановского и В.В. Куйбышева.

Но необходимо было смотреть дальше вперед, и уже на XV съезде партии, обсуждавшем вопросы пятилетнего плана, была поднята и проблема разработки генерального плана. «Совершенно ясно, что пятилетние перспективные планы – это вовсе не тот предел, которого мы не перейдем. Совершенно ясно, что размер нашего строительства таков, что мы на этой стадии остановиться не можем», – говорил тогда Г.М. Кржижановский⁴⁶.

Разработка генерального плана связывалась, прежде всего, с электрификацией страны, и именно в этом смысле шла речь о необходимости «второго издания» плана ГОЭЛРО. В этом плане предполагался «раздел, посвященный крупнейшим хозяйственным сооружениям», значение которого заключалось в обеспечении единства процессов строительства и

⁴³ Куйбышев В.В. Разгромить до конца правый уклон // Куйбышев В.В. Статьи и речи. Т. V. М.: Партиздат, 1937. С. 53.

⁴⁴ Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки. С. 315.

⁴⁵ См.: Кржижановский Г.М. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М.: Плановое хозяйство, 1929. С. 6.

⁴⁶ Кржижановский Г.М. Директивы по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства // Кржижановский Г.М. Соч. Т. II. М.: ОНТИ, 1934. С. 337.

освоения предприятий. И если пятилетие рассматривалось как нормальный срок для строительства крупных сооружений, то развертывание их эксплуатации выходило за его пределы. Наконец, за рамки пятилетия выходят возможности существенного изменения специализации и комплексности развития экономических районов⁴⁷.

В ходе обсуждения вопросов построения генерального плана важно было, с одной стороны, доказывать его необходимость скептикам и, с другой стороны, бороться против утопических проектов некоторых сотрудников Госплана (например, «сильно преуменьшенными» назывались утверждения, что за один 1942/1943 хозяйственный год по электростроительству будет дано 48 Днепростроев и так далее⁴⁸). Г.М. Кржижановский писал, что надо отрешиться от всяких установок, идущих под лозунгом «шапками закидаем», апеллирующих к утопическим построениям того или другого рода. «Генеральный план должен отметить новый этап нашей великой хозяйственной работы – борьбы. В нем действительно вырастают перед нами задачи специфического строительства второй программы партии»⁴⁹. И как обобщающее положение звучат его актуальные и поныне слова: «Наш генеральный план должен вырастать из диалектики генеральных линий строительства нашего хозяйства. Он будет реальным планом как раз в меру своего соответствия этой решающей предпосылке всей его компоновки»⁵⁰.

Ряд причин не способствовал окончательной разработке генерального плана. Прежде всего, следует отметить огромную методологическую сложность этого дела (подчеркнем, что речь шла именно о плане, не о прогнозе, хотя и разработка ориентировочного долгосрочного прогноза – дело весьма сложное). Однако многие высказанные тогда предложения представляют интерес и поныне.

Помимо рассмотренной выше трехзвенной системы плановых документов, анализ работ в области планирования народного хозяйства позволяет увидеть в экономической литературе тех лет зарождение такого подхода, который ныне называется программно-целевым. Собственно говоря, сам план ГОЭЛРО был по существу своему долгосрочной целевой программой, что не раз отмечалось современными советскими экономистами. Мы же хотим обратить внимание на интересную постановку этой проблемы В.В. Куйбышевым (статья «К работам над пятилетним планом», опубликованная в «Торгово-промышленной газете» от 18 апреля 1929 года, № 15). Отмечая недостаточное развитие сырьевой базы, которая не обеспечивает в намеченных размерах развитие легкой индустрии, он делает вывод о необходимости тотчас же «взяться за работу над выработкой тщательно продуманного плана развития легкой индустрии и всего промышленного плана в целом». Для этого по каждому виду сырья сельскохозяйственного происхождения В.В. Куйбышев предлагает иметь специальный план (документ), включающий и финансовый план, и всю «систему агрикультурных и организационно-технических мероприятий»⁵¹. Что тут имеется в виду, как не разработка комплексной программы развития сырьевой базы легкой промышленности? Отсюда уже очень близко до вывода о разработке программы развития группы отраслей, выпускающих конечную народнохозяйственную продукцию (например, те же отрасли, производящие сырье, плюс легкая промышленность, взятые как единое целое), тем более, что сам В.В. Куйбышев придавал важное значение переходу к планированию «не только по вертикали – по отраслям народного хозяйства, но и к планированию комплекса ряда отраслей», причем наука и техника рассмат-

⁴⁷ Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки. С. 312.

⁴⁸ См.: Кржижановский Г.М. Вопросы построения генерального плана // Кржижановский Г.М. Соч. Т. III. М.; Л.: ОНТИ, 1936. С. 285.

⁴⁹ Там же. С. 296. По аналогии о ленинской оценке плана ГОЭЛРО генеральный план называется тут «второй программой партии».

⁵⁰ Там же. С. 281.

⁵¹ См.: Куйбышев В.В. К работам над пятилетним планом // Плановое хозяйство. 1936. №3.С. 41.

ривались им как важнейшие элементы подобного комплексного планирования, без которых не может быть научного планирования, особенно перспективного⁵². Уже сама постановка этой проблемы в таком достаточно конкретном виде является важным вкладом в теорию народнохозяйственного планирования.

В заключение подчеркнем особое значение марксистских исследований в области народнохозяйственного планирования в рассматриваемый нами период, поскольку именно тогда решались многие важнейшие вопросы практической реализации вывода К. Маркса о планомерности как фундаментальной черте нового способа производства. И в наши дни планирование народного хозяйства базируется на основополагающих марксистско-ленинских принципах, развитых и конкретизированных в трудах Г.М. Кржижановского и В.В. Куйбышева, впервые получивших практическое приложение в работе Госплана тех лет. Не только в Советском Союзе и в братских странах социализма, но и во многих других государствах широко используются многие из сформулированных тогда положений, понятий⁵³, которые кажутся ныне настолько естественными, будто бы они существовали всегда, и без которых ныне немислима вообще плановая деятельность.

⁵² См.: *Куйбышев В.В.* Плановая система – мощный рычаг социалистической переделки страны // *Куйбышев В.В.* Статьи и речи. Т. V. М.: Партиздат, 1937. С. 78–79.

⁵³ «Пятилетка стала таким же непередаваемым словом, как и слово совет», – подчеркивал Г.М. Кржижановский (Вопросы построения генерального плана. С. 279). Эта же мысль была выражена академиком С. Г. Струмилиным, который впоследствии писал, что слово «пятилетка» стало понятным всему культурному миру международным термином (см.: *Струмилин С.Г.* Пафос творчества // Глеб Максимилианович Кржижановский. Жизнь и деятельность. М.: Наука, 1975. С. 61).

На полпути к «военному коммунизму»⁵⁴

Одним из наиболее устойчивых стереотипов нашего исторического мышления, в том числе и у экономистов, является «священный трепет» перед словами «Октябрь 17-го года». Независимо от оценки произошедших тогда событий многие исследователи, не говоря уже о читателях, приход к власти большевиков воспринимают как точку разрыва в историческом процессе, за которой начинается нечто совершенно новое – то ли движение вспять, то ли скачок в царство свободы. Между тем история, как и природа, не терпит пустоты. Общественный процесс не прерывается, чтобы начать отсчет времени с новой точки. Подобное отношение к Октябрьской революции – лишь яркое свидетельство того, что даже теперь, спустя почти три четверти века, мы еще остаемся современниками этого грандиозного события: и те, кто видит в нем момент истины, и те, для кого оно предстает как национальная трагедия. Однако пора бы начать преодолевать этот своеобразный «фетишизм дат». И в рамках данной статьи предполагается рассмотреть одну из линий, свидетельствующих о преемственности до- и послеоктябрьского (названного чуть позже «военно-коммунистическим») курсов.

Государство всегда играло значительную роль в хозяйственной жизни России – как через административно-правовое регулирование производства и обмена, так и благодаря собственной предпринимательской деятельности. Развитие экономических процессов на рубеже XIX–XX веков и особенно в обстановке мировой войны резко усилило потребность в координирующей и направляющей деятельности власти в хозяйственной сфере. Причем государственная бюрократия пошла по самому естественному и понятному для себя пути – по пути усиления собственных позиций через централизацию функций управления народным хозяйством в специальных правительственных органах. Последние брали в свои руки снабжение предприятий производственными ресурсами и их нормирование, установление специальных правил перевозки грузов, регулирование цен и т. п. По мере ухудшения экономической ситуации роль административных рычагов неуклонно усиливалась, вмешательство государства в хозяйственную жизнь отдельных производственных единиц активизировалось. Власти уже в 1915–1916 годах в соответствии с бюрократическими стереотипами экономического мышления старались сосредоточить у себя снабженческо-распределительные функции – как наиболее простой, грубый, но и самый очевидный инструмент воздействия на непосредственных производителей.

Тогда попытки государственного регулирования особенно продвинулись в сельском хозяйстве. Стремясь обеспечить снабжение армии и промышленных центров хлебом и не допустить при этом роста дороговизны, правительство прибегло к таким мерам, как установление твердых цен на хлеб (при их региональной дифференциации), обязательные планы разверстки и угроза реквизиций за нарушение правил сдачи сельскохозяйственных продуктов. Одновременно местные органы власти, решая продовольственную проблему, запрещали вывоз аграрной продукции за пределы своих губерний. Все это в совокупности с непропорциональным ростом цен на промышленные товары существенно подорвало стимулы деревни к производству товарной продукции, а расстройство железнодорожного транспорта довершило начатое дело – зимой 1916/1917 года в городах остро ощущалась нехватка продовольствия.

Аналогично обстояли дела и в промышленности. Государственная власть все настойчивее пыталась вмешиваться в работу предприятий, понуждая предпринимателей действовать вопреки их экономическим интересам, что лишь усиливало общий хаос. Данная ситуация была ярко охарактеризована председателем IV Государственной думы М.В. Родзянко

⁵⁴ Опубликовано в: Коммунист. 1991. № 10.

в записке переданной императору незадолго до Февральской революции. В ней, в частности, приводится такой пример: «Вместо того чтобы принять самые решительные меры для обеспечения себя углем надлежащего качества, для чего потребовалось заключить соответствующие контракты с углепромышленниками или создать особый регулирующий орган, министерство путей сообщения начиная с 1915 года предпочитает получать уголь путем реквизиций. Это ставит железные дороги в весьма рискованное положение, мешая им как приобрести уголь хорошего качества, так и сделать надлежащие запасы на складах. Так как при реквизиции личная ответственность владельцев рудников за качество угля совершенно исчезает, было вполне естественно стремление некоторых из них сбыть железным дорогам всякий хлам»⁵⁵.

Естественно, что в такой ситуации речь все чаще заходила о введении государственной монополии на хлеб, уголь, нефть, сахар, хлопок и т. д., то есть исключительного права государства закупать те или иные продукты у производителей и реализовывать их потребителям⁵⁶. Особенно активно за политику подобного рода выступали деятели, находившиеся на левом фланге политической жизни страны. Однако в отличие от «государственников» из правительственного лагеря левые (и прежде всего – марксисты) связывали необходимость соответствующих изменений в системе хозяйствования не только с войной, но, в первую очередь, с характером современных тому времени производительных сил.

В начале века кризис классического капитализма был очевиден⁵⁷. Ускоренная концентрация производства и рост частно-монополистического капитала сопровождалась ослаблением конкурентного механизма, что лишало буржуазный строй имманентного ему источника прогресса. И левые полагали, что именно государственное регулирование должно будет прийти на смену конкуренции. Они рассчитывали на то, что демократические силы смогут встать у руля государственного управления и обеспечить замену «стихийной борьбы частных интересов и стремления капитала к извлечению прибыли» на «планомерное направление производительной деятельности – со стороны общества или государства». При этом предполагалось, так или иначе, опираться на уже созданные войной формы хозяйственного управления.

В качестве же первоочередных шагов к урегулированию хозяйственной жизни предлагалось сосредоточить усилия на выработке единых общеимперских планов, способных охватить все движение продукта от производителя к потребителю. Это, в свою очередь, связывалось с осуществлением мер типа принудительного синдицирования предприятий, введения разрешительной системы перевозки всех грузов, государственного ценообразования. Ключевым моментом здесь выступал транспорт как техническое условие планомерного распределения продукции по территории страны. А именно в контроле за распределением многие экономисты видели краеугольный камень искомой плановой системы.

Победа Февральской революции резко динамизировала социально-экономические и политические процессы в стране. И, пожалуй, главное, на чем сосредоточилось внимание новой власти, было повышение эффективности государственного вмешательства в народное хозяйство. В системе экономико-политических ценностей на первое место выдвинулось понимание государства как субъекта, способного разрешать трудности, которые обуславливались войной и участвовавшими перебоями в функционировании капиталистического воспроизводственного механизма, опирающегося на частные интересы и конкуренцию. «...Вся задача целиком, очевидно, далеко выходит за пределы того, что может дать частный почин,

⁵⁵ Цит. по: Экономическое положение России перед революцией // Красный архив. 1925. № 3. С. 77–78.

⁵⁶ Однако многие экономисты, в том числе верившие в эффективность подобных мер, подчеркивали, что они могут быть осуществлены лишь правительством, пользующимся доверием народа.

⁵⁷ Правда, неготовность страны, да и всего мира к победе социализма тогда признавалась практически всеми.

интересы которого очень часто не сходятся с интересами целого. Только государство, и притом государство, обслуживающее не интересы кучки привилегированных, а действующее в интересах всего народа, может вывести страну из хаоса и развала», – писал тогда Н.М. Ясный⁵⁸, впоследствии ставший известным американским экономистом-советологом.

Для осуществления этих функций экономисты и хозяйственные деятели, включая ряд крупнейших предпринимателей, сходились в признании необходимости придания новому правительству широких полномочий. Раздавались выступления за централизацию значительной части прибыли, за разработку целостного государственного плана, который помог бы остановить распад национального хозяйства и обрисовать достаточно ясную перспективу подъема. Последнее подчеркивалось особо, причем всеми – от социалистов до монархистов (если отвлечься, разумеется, от наиболее радикальных представителей тех и других, одинаково отрицавших установившийся после революции режим). Плана требовали марксисты, поскольку это соответствовало их доктринальным установкам. За план выступали и предприниматели, надеясь благодаря ему стабилизировать хозяйственную ситуацию.

Увлеченность идеями планирования была распространена не просто широко, но подчас принимала самые неожиданные формы. Приход к власти «верных слуг народа» в лице Временного правительства (которое действительно включало в себя видных представителей имущих классов и интеллигенции России), всеобщий энтузиазм и единство самых разнородных сил, обеспечившее падение самодержавия в считанные дни, – все это создавало иллюзии быстрого хозяйственного урегулирования, легкого восхождения на экономические вершины, недоступные прежнему режиму. Дело доходило до курьезных случаев своеобразного «планового фанатизма». Например, В.Г. Громан, будучи ответственным за распределение потребительских товаров среди жителей Петрограда, заявлял, что он не распределит ни единой пары ботинок, пока все хозяйство не будет регулироваться по плану. Это, конечно, была крайность, но она весьма ярко выражала настроения в среде многих влиятельных экономистов.

Политика Временного правительства прошла несколько стадий, радикализируясь по мере развития политической ситуации и некоторого полевления его состава. Впрочем, принципиальные идеи планового регулирования так или иначе сохранялись на протяжении всех месяцев существования этой власти, отражаясь как в ее официальных актах, так и в выступлениях видных общественных деятелей.

Нетрудно догадаться, что именно с продовольственной проблемы начало Временное правительство свою деятельность по упорядочению хозяйственной жизни. Здесь переплетались основные линии и противоречия российской экономики. И, по сути дела, новая власть пошла по тому же пути, на который пытались, но так окончательно и не решились встать ее предшественники: 25 марта было принято решение о введении хлебной монополии, по которому все зерно, сверх необходимого для потребления, посевов и корма скота, должно было отчуждаться по твердым ценам в общегосударственный фонд для дальнейшего перераспределения. Имелось в виду учитывать все конкретные условия деятельности данного производителя – при помощи каких орудий он сеет (ведь при использовании более прогрессивных машин требуется меньше зерна для засева), какой скот содержит, сколько работников (ведь их надо кормить) и на какой срок нанимает.

Понятно, что практическая реализация таких намерений была неотделима от формирования мощного административного механизма, обеспечивающего тотальный учет и рациональное движение хлеба по всей стране в соответствии с единым планом. Укреплялась сеть продовольственных органов, которые были уполномочены от имени государства и как бы в его интересах решать многочисленные конкретные вопросы отчуждения и перераспреде-

⁵⁸ Продовольственный кризис и хлебная монополия. Пг., 1917. С. 12–13.

ния зерна, доходя до каждого крестьянского двора. Предполагалось, что справедливое решение неизбежно возникающих в столь деликатном деле проблем будет обеспечено формированием аппарата из людей, «которые понимают дело и о которых известно, что это люди честные и положительные» (так говорилось в одной брошюре, изданной для разъяснения и популяризации в крестьянской среде политики хлебной монополии).

Справедливые продовольственные комитеты и честные хлебозаготовители – с этим, пожалуй, в основном и связывались надежды на эффективность создаваемого механизма. Единственный стимул, который тут предусматривался (или точнее замышлялся), состоял в стремлении распространить указанный механизм на все народное хозяйство. Пропагандисты государственной монополии настойчиво убеждали крестьян в выгодности для них вводимого порядка, поскольку твердые цены на хлеб непременно будут дополнены твердыми ценами на необходимые деревне промышленные изделия. И действительно в стране предпринимались попытки централизованного учета всего наличного сахара, всей кожи, железа, керосина, бумаги и других товаров. Но воплощены в жизнь данные намерения не были. На практике дело ограничилось введением в августе еще одной государственной монополии – на уголь.

В ходе постоянного обсуждения проблем государственного руководства хозяйственной жизнью в кругах правительственных и околоправительственных экономистов выдвигались и иные предложения по усилению централизованного управления экономикой. И само правительство склонялось к принятию ряда довольно решительных мер, хотя так и не смогло реализовать большинство выдвигавшихся его членами предложений. Оно не имело прочной социальной базы, постоянно наталкивалось на резкое противодействие мощных политических группировок слева и справа и поэтому не было способно выработать последовательную экономическую политику и тем более следовать ей. Кроме того, выдвигавшиеся его членами предложения нередко несли на себе явный отпечаток политических импровизаций (что вообще очень свойственно для революционной эпохи), оказывались результатом переплетения самых различных факторов, в частности идеологических симпатий министров, необходимости «реагировать» на текущую конъюнктуру событий. Словом, сама работа по формированию системы планового регулирования была далека от плановой, что также не могло не сказаться на ее эффективности.

Типичным примером в этом отношении может служить радикальное и для многих неожиданное предложение министра труда меньшевика М.И. Скобелева о введении такой прогрессии налогообложения, которая позволяла бы государству изымать в бюджет всю предпринимательскую прибыль. Предложение было отвергнуто, но сам факт его появления знаменателен. Он наглядно характеризует, если и не господствовавшие, то имевшие широкое хождение представления о путях усиления регулирующей роли государства.

Уже к середине 1917 года решение задачи «строгого, серьезного и определенного регулирования всех сторон финансово-экономической жизни государства» Временное правительство вполне определенно увязывало «с подчинением всех частных классовых и групповых интересов, каковы бы они ни были, кем бы они ни диктовались, интересам государства» (слова министра-председателя А.Ф. Керенского). Для этого при правительстве был создан Экономический совет. На него возлагались две взаимосвязанные задачи: во-первых, выработка плана и постепенное регулирование жизни страны в общегосударственных интересах; во-вторых, осуществление экспертизы всех разрабатываемых хозяйственных мероприятий для обеспечения целостности проводимой экономической политики.

О значении, которое придавалось деятельности названного органа, свидетельствует председательствование в нем одного из ведущих деятелей Кабинета – министра торговли и промышленности С.Н. Прокоповича (формальным главой Совета был премьер). Экономический совет был призван объединить представителей различных «демократических», как их

тогда называли, политических сил, включая большевиков. В его работе участвовали многие видные экономисты и хозяйственные деятели (П.И. Пальчинский, Н.Н. Кутлер, Н.Д. Кондратьев, П.Б. Струве, С.А. Лозовский, В.А. Базаров, В.Г. Громан, П.П. Маслов, Л.Б. Кафенгауз, Д.Б. Рязанов, Г.В. Цыперович и другие).

Как же представлял себе Экономический совет укрепление плановых начал в народном хозяйстве и обеспечение приоритета общегосударственных интересов? Ответ тем более интересен, что Совет был связан с правительством и одновременно мог стать своеобразным зеркалом, отражающим понимание этих ключевых проблем многими, если не большинством экономистов. Однако данный ответ неоригинален: речь шла о целесообразности широкомасштабного вмешательства власти в хозяйственный процесс при помощи прямых, административных методов воздействия на отдельные производственные единицы и целые отрасли. Тщательному учету должны были подвергнуться как производимая продукция, так и запасы ее на складах (включая потенциал железнодорожного транспорта), чтобы максимально задействовать ресурсы, вовлечь их в орбиты государственного перераспределения.

Прежде всего, предлагалось, опосредуя государственными органами взаимосвязь производства и потребления, так организовать движение товарных масс, чтобы обеспечить совершенное обезличение продуктов (обезличение, как по производителям, так и по потребителям) и принятие в руки одного органа (или одного распорядителя, кем бы он ни был) всей производимой товарной массы. Это – важнейший пункт логики формирующейся системы⁵⁹. Акцент делался на необходимости принудительного распределения продукции – «не по желанию потребителей, а по тому, как представится наиболее рациональным...» Вывод же о рациональности должны делать, разумеется, государственные органы. Сюда же естественно примыкают неизбежность принудительных заказов и, конечно же, право на секвестр отдельных предприятий (право, «которое тесно связано с регулированием экономической жизни страны»).

Использование принуждения тогда мыслилось в довольно широких масштабах, хотя и связывалось большинством экономистов с обстановкой военного времени и сложностями хозяйственного положения страны. Данный принцип в организации производства предполагалось распространить не только на промышленность, но и на сельское хозяйство. Так, высказывалась мысль о разработке специального перспективного плана сельского хозяйства, который исходил бы из принудительного перераспределения производительных сил (земли, техники, труда), чтобы дать возможность наиболее полно использовать их для роста продукции.

Принуждение должно было проявляться в государственном регулировании цен, заработной платы и нормировании потребления. Участники заседаний Экономического совета со всей определенностью ставили вопрос и о введении трудовой повинности, что сделало бы обсуждавшуюся систему государственного регулирования вполне целостной, охватывающей все производственные факторы адекватными друг другу инструментами воздействия.

Авторы подобных предложений рассчитывали не только добиться таким путем четкости и слаженности работы предприятий в рамках единого народнохозяйственного организма, но и довести до логического конца процесс, якобы начатый уже монополистическим капитализмом—*уничтожить* посредством деятельности правительственных и общественных организаций *конкуренцию и параллелизм* в работе, создающие «колоссальные трения, которые... уменьшают намного коэффициент использования полезного действия наших предприятий».

⁵⁹ Его позднее, в 1918–1920 годах, попытаются реализовать в форме Комиссии использования— междуведомственного органа по планированию и использованию всех материальных ресурсов страны. Она была образована при ВСНХ во главе с Л.Н. Крицманом и стала одним из ярких символов эпохи «военного коммунизма».

Особое место в этой системе централизованного руководства отводилось Экономическому комитету, венчающему сеть государственных планово-снабженческо-распределительных органов. Именно на него возлагалась практическая реализация задачи урегулирования экономической жизни страны. Другие органы могли разрабатывать планы и программы, определять стратегические установки хозяйственной политики, но все они замыкались бы на деятельности названного комитета, который становился бы держателем основных материальных ресурсов России. Он, в соответствии с проектом положения о данном органе, должен был, руководствуясь общими указаниями Экономического совета, рассматривать и утверждать все планы массовых заготовлений, согласуя спрос с возможностью его удовлетворения. К его ведению относили также утверждение цен (твердых и предельных) на важнейшие виды сырья и готовой продукции, регулирование заработной платы путем установления ее норм в ведущих отраслях, распределение заказов по районам и отраслям.

При Экономическом комитете создавалось Экономическое совещание с функциями «центрального комитета снабжения», в чем многие видели самую сердцевину плановой работы. Предлагалось, чтобы в него входили председатели всех специальных органов снабжения и военных комитетов снабжения, а также представители общественных организаций. Здесь должен вырабатываться «как план потребностей, так и план их удовлетворения». Н.Н. Саввин, товарищ министра торговли и промышленности и один из основных авторов правительственной концепции регулирования экономики, говорил тогда, что разрабатываемые этими органами документы и являются «большими экономическими планами», которые «будут точны и детальны», а тем самым удастся реализовать и настойчивые требования членов самого Экономического совета – сделать «планы окончательного распределения» более конкретизированными.

Непосредственным урегулированием производства и распределения должна была заниматься целая сеть районных экономических комитетов и предметных (по отдельным группам продуктов) комиссий, возглавляемых уполномоченными или особоуполномоченными центрального

Экономического комитета. На предметные комиссии, в частности, возлагались задачи определения потребного к удовлетворению количества продукции, необходимую для этого переброску рабочих рук из одного района в другой, а также фиксирование цен. Районные же комитеты должны были информировать центр о нуждах и производственных возможностях своих регионов, а затем на основе его общих установок по объему и номенклатуре продукции детализировать задания по предприятиям и предписывать соответствующим учреждениям заключать контракты по определенным ценам исходя из «спущенных» директив.

Как видим, вне рыночное согласование интересов производителей и потребителей получало здесь свое институциональное оформление. Правда, сознавая неизбежность возникновения острых противоречий между ними и опасность в обстановке нарастающего товарного дефицита принятия окончательных решений отнюдь не в пользу потребителей, авторы правительственной концепции считали нужным заранее зафиксировать пути преодоления подобных трудностей: «При согласовании спроса с возможностями его удовлетворения в коллегиальных органах должны преобладать интересы потребителей; при определении цен, распределении заготовок по районам и распределении заказов должно быть равное представительство интересов производителей и потребителей и при определении норм поставок – преобладание производителей».

Наконец, на органы государственного регулирования возлагались функции контроля за тем, чтобы плановые задания выполнялись наиболее эффективным путем, а все технические средства использовались рационально. Иных механизмов, побуждающих к эффективному хозяйствованию, по-видимому, уже не оставалось, и вопросы эти фактически оказы-

вались тогда вне сферы специального внимания большинства связанных с правительством экономистов.

С программой еще более глубоких преобразований по пути усиления государственного вмешательства в экономическую жизнь выступали левые социалисты. В принудительном синдицировании, государственном установлении цен и заработной платы, в широком контроле за качеством товаров и условиями их производства и, наконец, за распределением (вплоть до отказа от свободы торговли) видели они шаги, подводящие общество непосредственно к социализму.

С аналогичных, в общем-то, позиций выступали тогда и большевики. Однако была одна принципиальная черта, решительно выделявшая большевистскую концепцию формирования системы планового хозяйствования и имевшая, как оказалось, далеко идущие последствия. *Плановое руководство и государственная власть* – так можно коротко обозначить существо проблемы, которую остро поставил В.И. Ленин в 1917 году. Еще за пятнадцать лет до того в дискуссии вокруг проекта партийной программы он обращал внимание, что планомерность хозяйственной системы важна для социалиста не сама по себе, но лишь в том случае, когда она осуществляется за счет и в интересах всего общества⁶⁰. Этот действительно важный момент оказался теперь трансформированным в тезис, согласно которому государственное планирование и регулирование будут целесообразны только после прихода к власти пролетариата, а проще говоря – самой большевистской партии.

В полемике между большевиками и другими социалистическими партиями летом – осенью 1917 года обсуждался, хотя и не всегда в явном виде, чрезвычайно важный вопрос: каковы возможности и роль государства в осуществлении социально-экономического развития на плановой основе? Основная масса социалистов исходила из того, что в демократическом обществе государство сможет обеспечить определенную взаимоувязку интересов и тем самым общественный прогресс. Хотя и оставалось неясным, почему и при каких условиях оно будет заниматься решением этих задач.

Большевики же акцентировали внимание на классовой природе государства. Для них оно было не более (но и не менее!), чем машиной насилия одного класса над другим⁶¹, машиной, выполняющей волю господствующего класса и фактически не способной ни играть особой роли в общественной жизни, ни продуцировать свои собственные интересы. Таким образом, государство уподоблялось автомобилю, направление движения которого зависит лишь от воли его хозяина-водителя. В подобной логике скрывалась серьезная опасность. Недооценивалось, что государство в социально-экономической жизни общества может играть не только пассивную роль, выражая волю правящего класса, но при определенных условиях и подминать под себя этот класс, подчинять его интересы интересам быстрорастущего бюрократического аппарата, навязывая их всему обществу.

Представления о необходимости активного вмешательства власти в хозяйственную жизнь, а точнее об административно-принудительном руководстве ею, хотя и получили широкое распространение в экономических и политических кругах революционной России, не остались без критического анализа со стороны современников. Были экономисты и общественные деятели, которые настойчиво предостерегали против чересчур примитивных аналогий между управлением отдельной монополистической фирмой (пусть даже гигантской) и народным хозяйством. Они считали недостаточно продуманными и очень опасными предпринимавшиеся, а еще более провозглашавшиеся меры тотального огосударствления хозяйства под флагом борьбы с хаосом и разрухой. Тем более что речь шла о стране с сильными

⁶⁰ См.: Ленин В.И. Замечания на второй проект программы Плеханова // Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6. М.: Политиздат, 1963. С. 232.

⁶¹ См.: Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 318.

традициями государственного бюрократизма, дополненными в новых условиях милитаристскими амбициями и соответствующими организационными структурами военного времени.

Тех, кто выступал тогда в России с критикой идеологии «государственно-планового хозяйствования», воспринимали нередко как реакционеров, защищающих узкоклассовые интересы буржуазии и противящихся очевидным тенденциям общественного прогресса. Их не очень-то желали слушать, хотя выдвигавшиеся ими аргументы были довольно убедительны и уж во всяком случае прозорливы. Они говорили, в общем-то, о вполне очевидных вещах, в частности о том, что чрезмерное налогообложение подрывает не только стимулы к росту производства, но и осложняет денежное обращение в стране, и без того дестабилизированное за годы войны. Так и сегодня актуально звучат слова директора кредитной канцелярии по поводу установленного летом 1917 года высокого прогрессивно-подходного налога: «...Подобного рода мера, принятая в условиях переживаемого времени, может привести еще к более усиленному сокрытию населением денежных знаков, стремительному отливу вкладов из банков и полному расстройству денежного обращения в стране».

Они указывали и на то, что государственное перераспределение большой массы ресурсов может лишь усилить хаос как в силу ограниченности технических возможностей подобной деятельности, так и из-за значительного роста бюрократических тенденций в хозяйственной жизни. Особой же критике подвергались попытки урегулирования экономического процесса посредством учреждения госмонополий. Ключевой тезис – несовместимость государственных монополий (и в первую очередь – хлебной) с демократическим устройством политического режима, к торжеству которого, казалось бы, стремились все силы, поддержавшие Февральскую революцию. Цели планового урегулирования экономики, доказывали некоторые авторы, не могут быть достигнуты через насилие над интересами хозяйствующих субъектов, и центральной власти при проведении своего курса надо опираться на данные интересы, а не действовать вопреки им. Иной подход, по их мнению, мог привести к эскалации насилия и экономическим потерям.

Пожалуй, один из интереснейших документов 1917 года с изложением подобной позиции – доклад в Вольном экономическом обществе И. Сигова под характерным названием «Аракчеевский социализм». Автор утверждал, что, встав на путь административного давления в хозяйственной жизни, новая власть может зайти гораздо дальше в насилии над крестьянством, чем это позволял себе царизм. Такова будет неумолимая логика событий. «...При старом режиме, когда царское правительство не стеснялось мерами принуждения и насилия, обязательная разверстка хлеба... провалилась с треском. Дальше старому правительству оставалось только одно: производить в деревнях повальные обыски и повсюду отбирать хлеб силой, не останавливаясь ни перед чем. Но на такую прямолинейность едва ли решилось бы даже и царское правительство»⁶². Иное дело – народная власть, которая, имея кредит доверия, может позволить себе в интересах этого народа пойти на меры чрезвычайные, объяснимые в категориях борьбы за власть, но экономически совершенно алогичные.

Рассуждения и выводы И. Сигова имеют более серьезное значение и не ограничиваются лишь рамками критики хлебной монополии и предостережениями относительно ее последствий. Главное, что он указывал на принципиальную опасность решения задач планового регулирования в той административной логике, к которой все активнее прибегала государственная власть. И. Сигов фактически ставил вопрос о противоестественности той системы хозяйствования, контуры которой все отчетливее проступали на протяжении 1917 года, прибегая для этого к ставшему уже в наше время весьма популярным сравнению функционирования экономического механизма и человеческого организма: «[Государственная]

⁶² Сигов И. Аракчеевский социализм. Доклад о хлебной монополии, заслушанный Вольным экономическим обществом 25 мая 1917 г. Пг., 1917.

монополия сопряжена с переустройством всей жизни, она обрекает всю страну на длительную, трудную и опасную молекулярную работу... Происходит нечто похожее на перенесение функций спинного мозга на головной, на превращение рефлексов в сознательные, осмысленные, заранее на каждый случай спроектированные движения. Представьте же себе, что было бы, если бы мы были обречены проектировать каждое движение прежде, чем его совершать»⁶³.

Призывы к осторожности при оценке тенденций и хозяйственных форм, актуализировавшихся в обстановке мировой войны, раздавались и из лагеря социалистов. Правда, здесь подобные идеи были очень редки, если не сказать единичны. Наиболее глубокий подход к анализу складывающейся ситуации с точки зрения глобальных перспектив социально-экономического прогресса дал тогда А.А. Богданов – крупнейший марксистский мыслитель и один из немногих большевиков-неленинцев в истории нашей страны.

А.А. Богданов решительно возражал против утопичного, по его словам, представления о возможности перехода в ближайшее время если не к социализму, то хотя бы к переустройству общества на плановых началах, односторонности будущего социалистического хозяйства. Для него задача планомерной организации стояла не просто как организационно-техническая или технико-экономическая (не «как устройство личной семьи, предприятия, политической партии, – только, разумеется, много крупнее по масштабу»), а прежде всего как проблема культурно-историческая, связанная с формированием в рабочей среде нового, коллективистского мировоззрения. Он настойчиво подчеркивал ошибочность выводов о том, что хозяйственные системы воюющих капиталистических государств уже несут в себе зачатки будущей социалистической планомерности, создают для нее необходимые (или даже «все») материальные предпосылки.

Государственный контроль над производством, сбытом и даже потреблением, достигаемый принудительным синдицированием и трудовой повинностью, оценивался лишь как путь к хозяйству осажденной крепости, исходным пунктом которой и является «военный потребительный коммунизм» (кстати, термин А.А. Богданова). Эта система качественно отличается от подлинной планомерности тем, что, во-первых, ориентирована на «прогрессивное разрушение общественного хозяйства» и изначально не предполагает решения созидательных задач. А во-вторых, механизм ее функционирования основан на нормировке (ограничении), осуществляемой авторитарно-принудительным путем, тогда как «все *положительное*, все инициативное и творческое содержание организующего процесса лежит вне этого понятия».

Оценивая тот тип централизованного государственного хозяйствования, признаки которого в 1917 году уже ясно проступали в российской действительности и который многие левые трактовали как осуществление социалистической тенденции, как зарождение элементов плановой экономики будущего, А.А. Богданов не без сарказма писал: «...Эта система „непредусмотренная” и „ублюдочная”; но... родители этого ублюдка – не совсем те, которым его подкидывают. Один из родителей – капитализм, – правда, не подлежит сомнению; но другой – вовсе не социализм, а весьма мрачный его прообраз, военный потребительный коммунизм. Разница немалая. Социализм есть, *прежде всего*, новый тип *сотрудничества* – товарищеская организация производства; военный коммунизм есть *прежде всего особая* форма *общественного потребления* – авторитарно-регулируемая организация массового паразитизма и истребления. Смешивать не следует»⁶⁴.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 87.

С радужными надеждами и суровыми предостережениями вступала экономика России в новый этап своего существования. Начиналась следующая фаза революционного процесса. К власти пришли большевики.

Нэп в контексте российской революции⁶⁵

Отношение к новой экономической политике претерпело значительные изменения в последние десятилетия. В период так называемого застоя годы нэпа были для большинства прогрессивно мыслящих историков, экономистов и публицистов «золотым веком» советского строя и одновременно запретным плодом, к которому нельзя было не только вернуться, но и сколько-нибудь всерьез притронуться. Политические и идеологические догматы «Краткого курса истории ВКП(б)» закрывали дорогу объективному и непредвзятому анализу.

Перестройка, отбросив некоторые табу и политически реабилитировав многих видных деятелей 1920-х годов, превратила «запретный плод» в «землю обетованную». Все стали искать в нэпе, в его экономической системе заветный ключ к построению счастливой жизни на почве «социалистического выбора». Казалось, что, изучив опыт 1920-х годов и соединив Госплан с червонцем (т. е. административную директиву с твердой, конвертируемой валютой как основой устойчивой финансовой системы), можно будет вернуться к подлинному социализму, завещанному нам тяжело больным Лениным. Отталкиваясь от теории «двух вождей», шло быстрое формирование идеологии «двух путей» строительства социализма, в связи с чем внимание значительной части населения привлек вопрос о якобы заложенной в нэпе (или в работах отдельных теоретиков нэпа) альтернативе сталинскому курсу со всеми его последующими трагическими и комическими модификациями. Реабилитация Н.И. Бухарина и выход известной книги С. Козна явились своеобразными символами этого этапа.

Но постепенно эйфория стала спадать. Анализ показал (а серьезным специалистам это было известно, разумеется, и раньше), что развитие народного хозяйства шло в 1920-е годы сложно и противоречиво, через кризисы, обусловленные самим характером функционировавшей тогда хозяйственной системы (хотя и не только им), которая никак не может рассматриваться в качестве образца для подражания. Становилось все более очевидным, что сам «великий перелом», означавший победу сталинизма, был, кроме всего прочего, и способом разрешения ряда противоречий, накапливавшихся в рамках самой новой экономической политики. В отличие от предыдущего этому этапу присуще, так сказать, негативное осмысление опыта нэпа: обсуждался вопрос, как следует развивать смешанную экономику, избегая, однако, противоречий и кризисов, характерных для 1920-х годов.

Наконец, настал новый этап, когда значительная часть исследователей позволила себе выйти за рамки «социалистического выбора». Какая система наиболее эффективна в экономическом и социальном смысле? Априорные утверждения, лежавшие в основе историко-экономического анализа, уже мало кого устраивали. Ответ на поставленный вопрос должен был стать не предпосылкой, а результатом научных поисков, что предполагало, во-первых, выход проблемы альтернатив за рамки нэпа и, во-вторых, анализ нэпа (как и военного коммунизма) в более широком контексте истории страны и революции в первой трети XX века с отказом от традиционного представления, согласно которому Октябрь 1917 года разорвал все или почти все генетические связи с достижениями и противоречиями предыдущей эпохи.

Новая экономическая политика стала одной из фаз на сложном пути развития российской революции. Думается, что именно такой подход является ныне особенно продуктивным для выяснения роли этого периода в нашей политической и экономической истории для извлечения уроков, полезных и сегодня (если уроки истории вообще могут быть когда-нибудь полезны). Но прежде всего необходимо обрисовать те основные фазы, через которые проходит революционный процесс. Разумеется, изложение будет разворачиваться при-

⁶⁵ Опубликовано в: Нэп: приобретения и потери. М.: Наука, 1994.

менительно к России, но аналогичные стадии, как показывает исторический опыт, являются вообще типичными для революций, которые не удается задуть реакционным силам в начале их пути. Ведь при всей стихийности и неуправляемости таких процессов, а может быть, благодаря этой неуправляемости, революция имеет свою внутреннюю логику, которая, впрочем, вполне объяснима.

Начальный, «розовый» период революции характеризуется объединением самых разнородных социальных сил, недовольных существующим режимом, что приводит к относительно быстрому и для многих неожиданно легкому падению последнего. Этот период, эта легкость уже несут в себе многие сложности и противоречия будущих этапов, порождая труднопреодолимые иллюзии, которые со временем становятся чрезвычайно опасными. Объединение сил тех, кому не нравится царь, с теми, кто желает разрушить строй, делает неизбежным скорое размежевание, приобретающее по-настоящему трагическую окраску. Многим еще кажется, что порвав с наиболее одиозными, но отнюдь не фундаментальными чертами старой системы, можно осуществить резкий прорыв к светлому будущему. Кажется, что достичь его так же легко, как и свергнуть ненавистных правителей, перед которыми еще недавно подобострастно снимали шапки: ведь налицо единство практически всего народа.

Период между февралем и июлем 1917 года – таковы условные хронологические границы этого этапа. Образовавшееся после падения монархии Временное правительство соединило в себе видных представителей промышленных кругов, земства, либеральных политиков. Его поддерживали и значительно более радикальные Советы, что означало объединение на какое-то время весьма разнородных сил. Однако характерной чертой того этапа явилось следующее. Провозгласив громкие лозунги, сложившийся блок не смог идти дальше – к проведению действительно радикальных и последовательных преобразований.

И вскоре стало очевидным, что эйфория по поводу близости желанных целей – благосостояния, свободы и демократии – на время скрыла от участников событий глубокие расхождения их представлений о степени радикальности и даже направлении дальнейших шагов. В истории этот переломный момент, свидетельствующий о неизбежности решительного размежевания, зачастую оказывается кровавым. Так было и в июле 1917 года в России. Начинается и быстро нарастает поляризация позиций еще недавних союзников в соответствии с позитивными программами, отражающими их объективные интересы. Намечаются контуры новых потрясений. Одновременно собираются с силами и прямые защитники прошлого, еще недавно деморализованные и рассеянные, а теперь не без успеха спекулирующие на трудностях и противоречиях революции. Происходит перегруппировка социальных сил: вчерашние союзники оказываются непримиримыми противниками, а отдельные отряды бывших противников находят почву для консолидации. Вряд ли надо более подробно, на конкретных примерах раскрывать и иллюстрировать этот этап, бывший в России весьма непродолжительным – июль-октябрь 1917 года. Центр, олицетворявшийся тогда А.Ф. Керенским, неуклонно терял поддержку, размывался и постепенно сходил с арены борьбы за власть как реальная политическая сила.

Усиливаются позиции партий и движений, представляющих крайние взгляды в политическом спектре. Примером тому является, разумеется, прежде всего, возрастающее влияние большевистской партии, численность которой с февраля по октябрь увеличилась с 25 до 350 тыс. человек. Даже явное поражение большевиков в июле и падение их популярности в связи с обвинением в шпионаже в пользу Германии не могли серьезно ослабить позиции этой партии; размежевание нарастало, и радикальный курс В.И. Ленина становился естественным центром притяжения сторонников углубления революционного процесса. Параллельно укреплялся и правый фланг, на котором складывался союз антисоциалистических сил (либералов и консерваторов), выступивших в поддержку установления сильной власти,

диктатуры, способной устранить и левеющие Советы, и слабеющее Временное правительство. Готовился корниловский мятеж.

Тем самым наступал критический момент в развитии революции. Это был последний момент, когда еще можно было повернуть революцию вспять, восстановить старые порядки и господство тех сил, против которых поднималось народное движение. Именно здесь неизбежен резкий поворот «вправо» или «влево», переход к жесткому проведению последовательной и решительной политики – прогрессивной или консервативной. Победа консерваторов в этом случае означает окончательное поражение революции, победа радикалов делает ее необратимой. Но и тот и другой варианты несут в себе немалую долю экстремизма.

Если революционный процесс продолжает развиваться, наступает третий этап. Самый острый, самый жестокий, самый драматичный. Это – этап сильной власти, этап наиболее радикальных и, как правило, не соответствующих реальным потребностям общества и его народного хозяйства преобразований. К власти в России приходят большевики. Начинается гражданская война. Хозяйство опускается в пучину тотального кризиса, чем, собственно, и был военный коммунизм.

Характерной чертой развития революционного процесса, и особенно его второго и третьего этапов, является неуклонное ухудшение экономической ситуации. В принципе, это вполне естественно в обстановке постоянной политической нестабильности, тем более что с помощью хозяйственных неурядиц различные силы пытаются подорвать политические позиции своих противников. Сказываются и неизбежные структурные изменения в народном хозяйстве, обусловленные сдвигами в традиционно сложившейся структуре потребностей, с нарушением производственных

связей и вообще с военной обстановкой и колебаниями правительственного курса. Свою, и немалую, роль играют экономические эксперименты властей, направленные, по их мнению, на обновление и стабилизацию хозяйственной жизни. Все это было весьма характерно для России революционных лет, независимо от того, какое правительство находилось у власти. Однако надо также иметь в виду, что по мере углубления политического противоборства проблемы экономики все более уходят на задний план. В рамках третьего этапа революции (в России это примерно 1918–1920 годы) все подчинено одной цели – удержанию власти – правит балом не экономика, а политика и идеология. Улучшения экономического положения ждать здесь, по крайней мере, наивно. Хозяйственные связи разрушены, и до поры до времени нет тех сил, которые были бы способны взять в свои руки их восстановление. Не физическая нехватка продукции является доминирующей причиной жесточайшего голода на товарном рынке (хотя падение производства также наблюдалось в весьма существенных масштабах), но всеобщая дезорганизация, имеющая социальные корни – на авансцене хозяйственной жизни отсутствует социальный тип (слой), способный взять на себя решение созидательных задач, т. е. слой реальных собственников, способных стать надежной опорой стабилизационной экономической политики.

Приведем здесь несколько примеров, относящихся к концу 1918 – началу 1919 года:

«Губпродкомы не берут назначенный им по плану табак... Даже в центре России, в Москве, при полном отсутствии табака на рынке и царящей вследствие этого спекуляции, фабрики завалены не взятыми московским городским продовольственным комитетом готовыми изделиями, и на 9 октября оставалось на фабриках 140 миллионов курительных единиц. Технических препятствий для распределения табака и табачных изделий нет».

«Казенный распределительный аппарат составил план, по которому на одного новгородца приходится одна коробка спичек в год! В это же время на новгородском съезде СНХ представитель фабрики „Солнце” заявил, что фабрика в недалеком будущем приостановится из-за переполнения складов ящиками со спичками. Груды спичек стоят под открытым небом и портятся от сырости и дождя».

«Чрезвычайная ревизия государственного контроля обнаружила сотни тысяч пудов залежавшихся на станциях грузов. На ст. Перово обнаружено 100 вагонов с неразгруженными, скоропортящимися продовольственными грузами. На ст. Москва Курской жел. дор. не разгружено 98 вагонов сахара. На ст. Москва II – 28 вагонов сахарного песка и 28 вагонов рафинаду; на мешках имеются следы влаги, сахар сыреет и портится» и т. д.⁶⁶

С углублением революционной ломки системы, по мере все более решительного разрыва с прошлым еще настойчивее вставала задача стабилизации, которая одновременно предполагала и социальную переориентацию режима, его опору на новые силы, способные взять на себя ответственность за хозяйственный прогресс. Стабилизация же оказывается реальной лишь тогда, когда революция становится политически необратимой. Тем самым знаменуется начало объективно неизбежного – четвертого этапа революции.

Строго говоря, формирование новой фигуры собственника, утверждение его позиций в складывающейся системе производственных отношений характеризуют суть не только завершающей стадии революционного процесса, но и всей революции. Ведь именно эта социальная предпосылка является решающей для формирования новой хозяйственной системы, создающей более благоприятные, чем ранее условия для динамичного развития производительных сил, а на этой базе – и всех других сторон общественной жизни. И революция может считаться с точки зрения исторической перспективы победившей, если в итоге укрепитя и приобретет значительный вес (как экономический, так и политический) собственник, соответствующий объективным потребностям данного этапа развития производства, понимаемого в широком смысле этого слова.

Здесь протекают сложные процессы дальнейшей дифференциации социальных сил – движущих сил революции. Приходится окончательно порвать с некоторыми оставшимися еще с «розовых» времен иллюзиями относительно возможностей и целей революции. Это время новых противоречий и столкновений. Необходимость перехода к решению созидательных задач резко обостряет и выводит на первый план существующий разрыв между интересами развития производительных сил и текущими социально-политическими ожиданиями широких слоев трудящихся – активных участников недавних классовых битв. Оказывается, что поднимавшие их на штурм старого мира популистские лозунги на практике нереализуемы, не способствуют они и быстрому экономическому и социальному подъему, а в стратегическом отношении весьма опасны.

Данный этап обычно характеризуется еще и снижением социально-политической активности народа, в котором накапливается усталость от предыдущих бурных лет. Это влечет за собой появление опасностей, и прежде всего возможность прихода к власти далеко не самых достойных и масштабных фигур, нередко уступающих лидерам предыдущих этапов по своим интеллектуальным и человеческим качествам, но благодаря хитрости и беспринципности способных весьма эффективно бороться за власть. И хотя все это не является для многих тайной, социальный потенциал противодействия подобным фигурам оказывается исчерпанным. Вопрос о том, кто и как долго удержится на вершине власти на завершающем этапе революции, уже мало зависит от позиции основных слоев народа, но скорее определяется особенностями борьбы в «верхах», исход которой, впрочем, находится в прямой связи с подвижками в обществе и той композицией социальных сил, которая к тому времени уже сложится в качестве общей основы политического процесса. Другое дело, что сама композиция в немалой мере зависит от деятельности и курса политического руководства.

Но так или иначе борьба в «верхах» и колебания в «низах» направлены на формирование новой, относительно устойчивой хозяйственно-политической системы. Какой она будет конкретно? Для практического ответа на этот вопрос требуется время. Годы реали-

⁶⁶ Известия ВСНХ. 1919. № 8; Всегда вперед. 1919. 11 февраля; Экономическая жизнь. 1918. № 23.

зации новой экономической политики стали именно таким периодом. Остановимся более подробно на его общей характеристике и альтернативах.

С позиции революционных аналогий нэп нередко пытались и пытаются увязать с понятием «термидор». Это очень важный момент в понимании существа данного периода. Подобная ассоциация имеет вполне определенные исторические и логические обоснования. И именно поэтому вопрос нуждается в специальных пояснениях.

Да, аналогии с периодом, условно называемым термидором и восходящим к Великой французской революции, были весьма популярны в связи с событиями в России 1921 года. Причем одними из первых об этом заговорили сами же большевистские руководители, вообще склонные в своем политическом анализе обращаться к опыту революционных событий во Франции. На эту тему много размышлял В.И. Ленин, особенно весной 1921 года. «„Термидор“? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим»⁶⁷, – такие вопросы ставил он, например, в мае, обобщая первые шаги на пути к рыночной экономике нэпа. В.И. Ленин также замечал, что, провозгласив нэп, рабочая власть «сама себя термидоризовала». Подобные утверждения подчеркивали гибкость большевистской политики, позволившей отечественным «якобинцам» удержаться у руководства страной.

Различные политические и общественные деятели, рассуждавшие тогда о «термидоре в России», по-разному оценивали характер и перспективы начавшихся весной 1921 году преобразований. Идеологи военного коммунизма грозили опасностью подлинного буржуазного «термидора», имея в виду чрезмерное допущение капиталистических элементов, рыночных отношений и постепенную реставрацию буржуазных порядков в стране. Они настойчиво предостерегали против чересчур активного развертывания рынка, перевода государственных предприятий на хозрасчет и т. п., предлагая ответить на подобный курс «перерожденцев» мерами «коммунистической реакции»⁶⁸.

Весьма активно заговорили о «термидоре» и деятели, оказавшиеся к 1921 году в эмиграции. Так, уже 3 марта, откликаясь на события в Кронштадте, Б. Мирский писал в парижской газете «Последние новости» о неизбежном приближении «термидора», который станет закономерным этапом русской революции, отражением стремления народа к стабильности, порядку и демократии. «Термидор», полагал он, естественно вырастает из революционного процесса и приведет к падению большевиков, чего невозможно было бы достичь борьбой вооруженной. «Пока в народе есть инстинктивный страх, что вернется старое и жертва крови будет бесплодна, революция развертывается, переходя из одной крайности в другую. Когда главная цель революции достигнута и есть уверенность, что достижение прочно, – революционная температура падает. Так было в Великой французской революции. Так будет и в русской»⁶⁹.

Известный публицист, активный участник «Смены вех» Н. Устрялов придерживался иных позиций. Он считал, что большевики, выполнив разрушительные задачи революции, победив в борьбе за власть, сами должны были изменить и изменили свой курс, переориентировав его на экономические и политические ценности буржуазного развития, с одной стороны, и на воссоздание великого государства, какой была Российская империя, с другой стороны. В статье под характерным заглавием «Путь термидора» автор развивал идеи о закономерности термидора на стадии «понижения революционной кривой», когда происходит возврат к эволюционному развитию событий. Это не торжество контрреволюции, утверждает Устрялов, а потому термидор вовсе не должен непременно сопровождаться сменой

⁶⁷ Ленин В.И. Материалы к X Всероссийской конференции. Планы доклада о продовольственном налоге // Ленин В.И. Поли. собр. соч. М.: Политиздат, 1970. Т. 43. С. 403.

⁶⁸ См., например, работы Ю. Ларина за 1921–1923 годы.

⁶⁹ См.: статьи в газете «Последние новости»: Путь термидора (1921. 3 марта); Это – репетиция (1921. 4 марта); Четвертая годовщина (1921. 12 марта).

стоящей у власти партии. «Путь термидора – в перерождении тканей революции, в преобразовании душ и сердец ее агентов. Результатом этого общего перерождения может быть незначительный «дворцовый переворот», устраняющий наиболее одиозные фигуры руками их собственных сподвижников и во имя их собственных принципов (конец Робеспьера). Но отнюдь не исключена возможность и другого выхода... приспособление лидеров движения к новой его фазе. Тогда процесс завершается наиболее удачно и с меньшими потрясениями». Устрялов отдавал должное большевистским лидерам, более гибким в своей тактике, чем якобинцы. «В свое время французские якобинцы оказались неспособны почувствовать новые условия жизни – и погибли. Ни Дантон, ни Робеспьер не обладали талантом тактической гибкости. Нынешняя московская власть сумела вовремя учесть общее изменение обстановки, понижение революционной кривой в стране и во всем мире. Учесть – и сделать соответствующие выводы»⁷⁰.

Гораздо более осторожными и пессимистичными были прогнозы со стороны левой эмиграции, от деятелей некогда близких к руководителям большевиков. Особенно показательны здесь рассуждения Л. Мартова, содержащиеся в известной статье «Ленин против коммунизма», которая была посвящена анализу нового курса большевистской партии за первые месяцы его осуществления. В отличие от Устрялова, Мартов тонко чувствует опасность, заключающуюся в том, что вступление на путь «термидора» в экономической сфере происходит при сохранении политической власти в руках большевиков – недавних «якобинцев». В такой ситуации велика опасность возникновения бонапартизма, т. е., в интерпретации Мартова, антидемократического (а не демократического, как думали другие) курса, опирающегося при подавлении народа на военную и гражданскую бюрократию, пытающегося решать неотложные экономические задачи силами этой бюрократии – организованной хозяйственной власти. Альтернативу, заключающуюся в политике развертывания демократии для рабочих и крестьян, в самоуправлении народа, он считал при таких политических условиях маловероятной. «Экономический термидор, ведущий прямо к 18-му брюмера», – такой неутешительный прогноз делал Л. Мартов осенью 1921 года⁷¹.

Несколько позднее и примерно в том же роде стал говорить и писать о термидоре (или об «опасности термидора») Л.Д. Троцкий, для которого это понятие сливалось в значительной мере с бонапартизмом. Под «термидором» он фактически понимал бюрократическое перерождение коммунистической партии и советской власти, превращение их в послушное орудие осуществления неограниченной диктатуры Сталина.

Сейчас, по прошествии времени и с накоплением немалого исторического опыта, можно сказать, что точнее всего понял и спрогнозировал развитие ситуации Л. Мартов. Однако реальное развитие событий было все-таки гораздо сложнее и не вписывалось в схему «экономический термидор – политический бонапартизм». И дело все в том, что термидор так и не был реализован в ходе развития нашей революции – ни экономический, ни политический. События в годы нэпа пошли по иному пути, дав чрезвычайно интересный пример альтернативного «термидору» варианта. Завершающего этапа революции.

Как известно, революционный процесс разворачивается и продвигается вперед благодаря взаимодействию и переплетению усилий конгломерата разнообразных сил, имеющих далеко не однозначные представления о конечных целях своей борьбы. Не проводя здесь специального анализа этих сил, отметим лишь, что в самом общем виде нужно выделять и не смешивать основные движущие силы (широкие слои населения), с одной стороны, и особый слой, который условно можно назвать направителем революции, с другой стороны.

⁷⁰ См.: статьи Н. Устрялова в харбинской газете «Новости жизни» (1921, июнь и ноябрь). Они же опубликованы в сб.: Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин: Русская жизнь. 1925. С. 23–24, 45–46.

⁷¹ Мартов Л. Ленин против коммунизма // Социалистический вестник. 1921. № 10. С. 5.

Последний и составляют те собственники (или потенциальные собственники), утверждение господства которых в результате крушения старого строя может обеспечить быстрый экономический и социальный прогресс. Интересы этого социального слоя в ходе развития революции неизбежно приходят в противоречие с настроениями широких народных масс и с содержащими немалую долю утопизма лозунгами их вождей и кумиров. Конфликт становится неотвратимым и требует своего разрешения.

«Термидором» является разрешение противоречия между движущими силами революции и ее направителем в пользу последнего. На поверхности может казаться, что здесь революция откатывается назад или даже терпит поражение. Но по сути дела это не так. Общество, несмотря на возможные еще взрывы и столкновения, постепенно ликвидирует «экономические завалы» и переходит к решению созидательных задач.

Но возможен и иной ход событий, когда направитель революции оказывается сметенным той силой, которая должна была лишь расчистить для него почву. В результате формируются новые структуры власти, порождаемые непосредственно движущими силами. На первый взгляд кажется, что в этом случае наиболее полно могут осуществляться народные идеалы: ведь движущие силы – это сам народ. В действительности же все оказывается иначе.

Широкие народные массы обычно весьма расплывчато представляют себе облик будущей социально-политической системы, которая зачастую рисуется им «от противного» – как нечто прямо противоположное старым порядкам. Такой подход чреват лишь заменой одних хозяйственно-политических образований другими, отрицающими старое по форме, но обычно мало что меняющими по существу.

Но это еще не все. Лишь наличие реального собственника, т. е. фигуры, не только непосредственно заинтересованной в прогрессе производительных сил, но и берущей на себя за это ответственность, способно обеспечить экономическую и политическую стабильность, решение крупных, стратегических задач и заставить государственную власть обслуживать эти интересы. Если же возвышения такого собственника не происходит, его функции должна взять на себя политическая власть. Система оказывается перевернутой: не императив экономического развития детерминирует в такой ситуации политические решения, а, напротив, ради реализации текущих политических задач могут приноситься любые экономические жертвы. В результате на место реального собственника приходит его эрзац. Срачивание экономической и политической власти формирует особый социальный слой, обладающий чрезвычайно широкими, практически неограниченными возможностями по определению путей развития как всей страны, так и отдельной ее ячейки. Его деятельность становится абсолютно неподконтрольной, в том числе и самим народным массам, из наиболее активных представителей которых он первоначально формировался.

Но при всем при том слой этот не является носителем мотивации собственника. Его интересы не связаны непосредственно с развитием объекта собственности – народного хозяйства страны. Поэтому здесь не обеспечиваются условия для эффективного и динамичного функционирования экономики, а тем самым и для подъема благосостояния народа. Столь же бесконтрольно могут приноситься в жертву и социальные интересы народных масс. В результате, победив по форме, движущие силы революции фактически оказываются закабаленными узким социальным слоем без перспектив улучшения своего экономического положения, без надежды на прогресс и свободу. Словом, происходит политическое возвышение бюрократии, интересам которой оказываются подчинены (а точнее, принесены в жертву) все другие потребности общества.

Итак, знаменуя собой завершающий этап революционного процесса в России начала XX века, нэп должен был решить сложную задачу формирования той силы, которая будет инициировать развитие страны в течение последующих десятилетий. И нетрудно понять, что как раз «термидора»-то в российской революции и не было. Можно по-разному оцени-

вать этот факт, но нельзя не принимать его во внимание. Длительный процесс «поиска собственника», пронизывающий, строго говоря, всю революционную эпоху в нашей стране, имел итогом феномен, противоположный «термидору», а именно – «великий перелом», означавший установление оторванной от народа и ничем не ограниченной власти бюрократии и ее отдельных представителей. Мартов был прав: весьма существенную роль сыграло здесь то, что благодаря политическому мастерству В.И. Ленина и беспрецедентной для «якобинцев» гибкости большевикам удалось остаться правящей партией при переходе от третьего этапа революции (этапа радикализации) к четвертому. И осуществление ими своих принципиальных установок, следующих из их видения общественно-экономического прогресса, в конечном счете сыграло решающую роль в альтернативе «термидор – великий перелом».

Большевики пришли к власти, имея целью коренное переустройство глубинных основ жизнедеятельности общества, стремясь сделать всех трудящимися, а трудящихся – собственниками. Устремленные к коммунистическому идеалу, они отвергали предостережения о том, что объективные условия ограничивают задачи российской революции буржуазно-демократическими преобразованиями. С экономической точки зрения «введение социализма» представлялось им как доведение до логического конца государственно-монополистической системы – построение народного хозяйства в виде единой фабрики, функционирующей на основе государственной собственности на средства производства при реализации трудящимися функций собственника. Для решения этой задачи предполагалось осуществить национализацию основных средств производства, сформировать единый центр по управлению государственным хозяйством и обеспечить поголовное участие трудящихся в управлении.

В 1917–1918 годах повышенное внимание большевиков привлекал рабочий контроль как путь к построению планового хозяйства, управляемого самими трудящимися. Однако вскоре стало очевидно, что эти органы не способны сформировать субъекта общенародной собственности, выражая интересы локальные, текущие и по преимуществу потребительские. В лучшем случае с их помощью можно было достичь «компромисса между групповыми интересами, прежде всего заявляющими о себе в фабрично-заводских комитетах»⁷².

Не удалось решить проблему собственности и через создание централизованного аппарата руководства всем национализированным хозяйством. Вместо этого в центральном аппарате шла постоянная борьба ведомств, которые делили между собой общий «пирог» – и без того скудные ресурсы российской экономики. Быстро расцветший советский бюрократизм и неуклонно снижающаяся эффективность общественного производства не оставляли иллюзий относительно наличия хозяйской мотивации у трудящихся.

В этом отношении нэп, конечно же, был прорывом. Точнее, он должен был бы стать прорывом, поскольку поиск субъекта – носителя мотивации собственника продолжался здесь в качественно новых условиях – в условиях выдвижения на первый план мирных задач. Предполагалось сделать упор на создание самостоятельных (а значит, и экономически ответственных) хозяйствующих субъектов как в частном, так и в государственном секторах, согласование интересов которых должно было осуществляться на рынке, хотя и под контролем властей. Социалистические и иные хозяйственные формы должны были, по мысли В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, конкурировать друг с другом, делом доказывая свою эффективность.

Однако на практике процессы формирования нового собственника были значительно затруднены. Сохранившие власть большевики в основной своей массе оставались приверженцами догмы о «единой фабрике» как конечном и не столь уж отдаленном пункте развития

⁷² Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 10–11.

хозяйственной системы. Об этом постоянно напоминали не только приверженцы военно-коммунистической идеи, для которых самоочевидным был тезис, что в царстве труда «нет места свободе», а работник, функционируя в процессе производства «в качестве винтика механизма, будет желать именно так функционировать»⁷³. Но и большинство экономистов, активно развивавших теорию и практику нэпа, общую тенденцию развития производительных сил и производственных отношений также видели в усилении государственной монополии в развитии производительных сил. Эти иллюзии разделяли, например, даже такие тонкие знатоки и исследователи советского хозяйства 1920-х годов, как В.А. Базаров и А.М. Гинзбург.

Однако дело, разумеется, было не в позиции отдельных экономистов и даже всех их вместе взятых. Последовательное развитие принципов нэпа, формирование слоя самостоятельных производителей (не только частных, но и коллективных) выводило многие жизненно важные общественные процессы из-под контроля сложившейся еще в годы военного коммунизма и почти не тронутой нэпом центральной и местной бюрократии, которая активно использовала в своих интересах коммунистические лозунги. В результате с провозглашением нэпа сложилась ситуация, когда политический режим должен был опираться на чуждую ему экономическую систему. И наоборот, хозяйственные субъекты в основной своей массе не могли устойчиво функционировать и развиваться без политической гарантии своей стабильности. Официальный же курс по отношению к негосударственному сектору постоянно колебался, а самостоятельность государственных производителей, закрепленная в знаменитом Декрете о трестах (от 10 апреля 1923 года), была в значительной мере декларативной и неуклонно сокращалась. И в городе, и в деревне власти стремились административными мерами не допустить реальной конкуренции частного хозяйства с государственным. Эффективное частное хозяйство оказывалось «опасным для социализма» и уже поэтому наказуемым.

Понятно, что подобная ситуация не могла сохраняться долго. Она приводила к регулярным кризисам, знаменовавшим собой важнейшие вехи экономической истории СССР в 1920-е годы. 1923, 1925, 1927/1928 годы сопровождались серьезными потрясениями в советском хозяйстве, причем выход из кризиса каждый раз осуществляется принятием мер, направленных на усиление роли государственного аппарата в экономике страны. Это же не позволяло сформироваться и социальным силам, способным противостоять тотальному огосударствлению. Неуклонное сращивание политической и экономической власти вело к утверждению системы, аналогичной военному коммунизму, и одновременно способствовало укреплению тех социальных сил, которые должны были поддержать готовящийся переворот – отчужденных от собственности наемных рабочих государства, оказывавшихся носителями люмпенской психологии.

Слом нэпа стал в этих условиях неизбежным и означал завершение начатого в 1917 году революционного процесса. «Великий перелом» поставил последнюю точку. В стране утвердилась новая система отношений, экономические и политические структуры которой были тесно взаимосвязаны, т. е. политическая власть в полной мере соответствовала интересам собственника (точнее, эрзаца собственника), и конфликт между ними практически исключался. Кстати, тут кроется и причина особой устойчивости данной системы, несмотря на ее историческое банкротство, – в ее структуре практически не может сформироваться экономическая сила, заинтересованная и способная подорвать ведущий в тупик механизм огосударственного хозяйства.

⁷³ Там же.

Нэп и планирование⁷⁴

Теория в практика планирования в 1920-е годы развивались под воздействием весьма противоречивых факторов как идеологического, так и конкретно-исторического характера.

Утверждение нэпа сопровождалось отходом от традиционных коммунистических (марксистских) стереотипов о несовместимости планового хозяйствования и рынка. Уже в начале этого десятилетия среди экономистов получил широкое распространение вывод о том, что рынок не только не препятствует планированию, но, наоборот, в современных условиях является для последнего совершенно необходимым, создавая объективный механизм оценки результатов хозяйственной деятельности предприятий и отдельных работников⁷⁵. (Разумеется, работы, обосновывавшие этот вывод, появились гораздо раньше, но игнорировались политическим руководством послеоктябрьской России.)

В логике нэпа план рассматривался как механизм достижения общественных целей наиболее действенным, оптимальным путем. «Плановое начало составляет необходимый элемент социалистического строительства, но плановое начало ни в коем случае нельзя представлять себе как совокупность разработанных схем, которые во что бы то ни стало должны быть навязываемы жизни и которые могут найти свое осуществление в практике работы как раз в тех самых цифровых величинах, которые в них значатся, – писал один из ведущих экономистов ВСНХ А.М. Гинзбург. – Под именем плана следует понимать наметку движущих линий развития и общую увязку основных творческих заданий, которые даются руководящим работникам различных отраслей народного хозяйства»⁷⁶.

Однако старое, военно-коммунистическое, понимание плана как детального расписания того, кому и что надо производить, куда поставить продукцию, вовсе не было отброшено как дискредитированное. Многие экономисты-марксисты, не говоря уже о политических лидерах, оценивали военный коммунизм как «предвосхищение будущего», как «прорыв» этого будущего в настоящее⁷⁷. Они видели в концепции плана-расписания модель, к которой все равно надо будет вернуться в результате построения социализма и преодоления нэпа, утвердившегося «всерьез и надолго», но не навсегда.

Общее противостояние между двумя принципиально различными интерпретациями плана и планового хозяйствования пронизывает, так или иначе, все развитие теории и практики планирования в 1920-е годы, преломляясь и конкретизируясь в различных политических решениях, хозяйственных явлениях и экономических дискуссиях.

С точки зрения институциональной это противоречие нашло яркое проявление в характерном для первой половины десятилетия противостоянии между Наркомфином и Госпланом. НКФ в том виде, как он существовал в рассматриваемый период, был прямым порождением новой экономической политики, неотделимой от решения задач финансового оздоровления как фундаментального принципа рыночной системы. Проблемы рыночного равновесия, товарно-денежной сбалансированности, устойчивости валютного курса стояли в центре внимания НКФ. В этом видели руководители и сотрудники данного органа предпосылки устойчивости, а значит и регулируемости, народного хозяйства. И вместе с тем Наркомфин владел реальными рычагами воздействия на советскую экономику, на отдель-

⁷⁴ Опубликовано в: История и современность. Проблемы экономических преобразований. М.: ИЭ АН СССР, 1990.

⁷⁵ Наиболее четко это положение было высказано В.А. Базаровым в его работах 1923–1924 годов. См., например: *Базаров В.А. К методологии перспективного планирования*. М., 1924. С. 1–2.

⁷⁶ Законодательство о трестах и синдикатах / С предисловием и под ред. А.М. Гинзбурга. М.: Изд-во ВСНХ, 1926. С. XII–XIII.

⁷⁷ Весьма типичны здесь работы Л.Н. Крицмана. См., например: *О едином хозяйственном плане*. М., 1921; *Героический период Великой русской революции*. М.; Л., 1925.

ные отрасли и предприятия. Ведь их восстановление и развитие зависело от наличия у них финансовых ресурсов, ассигнуемых в основном государством. Эта роль НКФ усилилась с выпуском в обращение твердой валюты (червонцев), поскольку эмитирование было именно в его прямом ведении.

Иное положение занимал тогда Госплан, – детище военного коммунизма. Образованный в феврале 1921 года (когда о нэпе не было и речи), он вобрал в себя традиции и представления комиссий ГОЭЛРО и соответствующего плана – грандиозного технического проекта-прогноза, но с экономической точки зрения не выходящего за рамки идеологии планарасписания, то есть полностью игнорирующего проблемы социально-экономического механизма реализации намеченных параметров. Разработка контуров будущего – в этом виделось основное предназначение Госплана, а такие контуры обычно находят выражение отнюдь не в категориях рыночного равновесия.

Другими словами, в НКФ и Госплане организационно оформился разрыв между задачами поддержания текущего хозяйственного равновесия и определения перспектив роста экономики. Оба момента необходимы при решении задач планового регулирования, но между ними существует и реальное противоречие, институциональное оформление которого не могло, разумеется, идти на пользу делу.

Нельзя сказать, что противоречие между НКФ и Госпланом с самого начала проявлялось в каких-то явных, или тем более острых, формах. Это произошло позднее, в 1925 году. Однако и в тот, начальный, период нэпа в экономической литературе прослеживается существование полемики (пока в значительной мере скрытой), отражающей объективное противоречие этих двух начал в планировании. Примером тому может быть статья Григорьева «Задачи плановой комиссии по финансам», автор которой обращает внимание на изначальную недооценку госплановскими работниками финансовой стороны народнохозяйственных процессов: «Во вновь образованном Госплане сидели, главным образом, техники-специалисты, которые вырабатывали и обсуждали самые широкие проекты развития производительных сил... вне всякого соображения с возможностями их осуществления для обнищавшей страны⁷⁸». По мнению автора статьи, теперь, в условиях активной и небезуспешной деятельности по стабилизации финансово-экономического положения, роль НКФ в планировании резко возрастает. Не только «государственный план хозяйства РСФСР должен строиться в самом тесном контакте с НКФ», но, более того, «самый процесс государственного планирования должен принять формы бюджетного плана». Основываясь на таких соображениях, Григорьев предлагал осуществить далеко идущие преобразования в планово-экономической деятельности: «*На место существующей финансовой комиссии Госплана, являвшейся внутренним органом, призванным осуществлять финансовую разработку его предположений, должен стать новый орган самого финансового ведомства, намечающий отдельные грани работы других секций Госплана*»⁷⁹.

Итак, противоречие было налицо, и оно должно было проявиться открыто. За какой тенденцией будущее? Ответ зависел, с одной стороны – от перспектив развертывания самой хозяйственной жизни, а с другой стороны, от соотношения сил в политическом руководстве страны, от приверженности его тем или иным идеологическим доктринам планового хозяйствования. Впрочем, оба аспекта тесно связаны друг с другом.

Решающую роль для перспектив становления системы планирования, да и для судеб самого нэпа, сыграли события осени 1923 – зимы 1924 годов, а именно осенний кризис сбыта и пути выхода из него, которые тогда были выбраны. Затоваривание складов промышленных предприятий, не снижавших цены, несмотря на отсутствие сбыта своей про-

⁷⁸ Григорьев. Задачи Плановой комиссии по финансам // Вестник финансов. 1922. № 25. С. 8.

⁷⁹ Там же. (Курсив мой. – В. М.)

дукции и огромную физическую потребность в ней (прежде всего со стороны крестьянства), снижение покупательной способности деревни уменьшением сельскохозяйственных цен в условиях хорошего урожая 1923 года – так можно кратко охарактеризовать сложившуюся ситуацию. Она стала результатом переплетения множества факторов, которые, в свою очередь, были порождены сложностями и противоречиями осуществления новой экономической политики. Свою роль сыграло и положение государственных хозрасчетных трестов, монополистический характер которых был predetermined и организационными принципами их формирования, и преимущественным положением как объектов государственной собственности, и физическим дефицитом подавляющего большинства товаров. Ситуация усугублялась и ошибочной кредитной политикой: усиленное кредитование трестов новой валютой под товарное обеспечение позволяло им продолжать свою производственную деятельность без реализации, стремясь максимально использовать выгодную для них конъюнктуру.

Все это свидетельствовало о недостаточной продуманности и последовательности экономической политики правительства, о наличии серьезных трудностей и противоречий самой хозяйственной жизни – трудностей, с которыми можно было бороться в логике той системы, которая их порождает, или, наоборот, ломая эту логику, логику рыночного равновесия и экономического стимулирования.

Государство встало на путь административных мер. Правда, и тут был еще выбор – административные меры с целью демонополизации или административное снижение цен. Выбран был второй путь, принесший поначалу нужный результат и в общем-то приемлемый в тех условиях, если рассматривать эти действия как временные и тактические. На этой стадии также оставался выбор – расценить принимаемые меры как разовые, вместо которых должны включиться экономические (рыночные) механизмы, или увидеть в них фундаментальные черты новой экономики. Именно к последнему выводу и пришли руководители правительства, что несколько позднее оформилось и нагляднее всего проявилось в концепции, согласно которой советская власть должна противопоставить монополизму своих (государственных) трестов политику административного снижения цен, что якобы будет побуждать их к снижению издержек, то есть приводить к тем же результатам, к которым при капитализме приводит конкуренция. Нетрудно заметить, что такое решение является прямым порождением идеологических стереотипов «единой фабрики», объединяющей «цеха» в гигантскую монополию и одновременно желающую сохранить жесткий иерархический темп внутренних связей, оградить себя от монополизма «цехов».

С этого времени происходит угасание нэпа и начинает возрастать роль Госплана как органа, генетически восходящего к логике военного коммунизма. Действительно, экономические последствия такой политики достаточно очевидны, да они и не замедлили сказаться в течение ближайших полутора лет. В стране начал обостряться товарный дефицит. Но это была уже не физическая нехватка продуктов (что, правда, тоже имело место), но, прежде всего, – экономический феномен превышения платежеспособного спроса над товарным покрытием, еще более дестабилизировавшего ситуацию. Встав на путь административного регулирования хозяйственных процессов, правительство продолжало и далее действовать в этой логике. Встала задача, во-первых, строго регулировать (распределять) материальные потоки, причем финансовая сторона регулирования в этих условиях уходит в тень, начиная играть пассивную роль обслуживания товарно-материальных операций. Во-вторых, и это следует из первого, объективно появляется потребность в едином, то есть охватывающем всю «единую фабрику», плане, не только регулирующем, но и определяющем основные производственные параметры «цехов». Возникает старый призрак плана-расписания.

Разумеется, все это не проявилось сразу. Речь идет о тенденции, но тенденции, проследивающейся более чем отчетливо. Хотя против идеи плана-расписания выступали многие

ведущие сотрудники Госплана, именно в его деятельности она проявилась прежде всего. Мы имеем в виду первый опыт планового документа, охватывавшего хозяйство всей страны – контрольные цифры на 1925/1926 год.

Одновременно, параллельно с борьбой общеэкономических ведомств, выкристаллизуется два понимания важнейших задач народнохозяйственного планирования и, по сути дела, формы плана.

В дискуссии столкнулись два качественно различных понимания плана. С одной стороны, Н.Д. Кондратьев фактически видел в плане по возможности наиболее точный прогноз будущего движения народного хозяйства. Он указывал на ограниченность прогностических возможностей в условиях колоссальной разрухи и настойчиво предостерегал от разработки далеко идущих планов, справедливо полагая, что на этом пути работа может вылиться в беспочвенные фантазии. С другой стороны, свое представление о роли плана выдвинул тогда В.А. Базаров. Исходя из того, что основной задачей настоящего и обозримого будущего является восстановление разрушенного народного хозяйства и коренная реконструкция страны на новом техническом и социальном фундаменте, он считал правильным вообще не связывать плановый документ с конкретными временными рамками, а дать в нем анализ целевого состояния, к которому должно прийти общество, и взаимоувязанные проблемы, которые предстоит решать на этом пути.

Названные два подхода были качественно различными, но не противоположными идеологически и потому, как представляется, вполне совместимыми, поскольку естественным и даже желательным является совмещение прогноза объективной ситуации и собственно специальной программы действий. Важным моментом согласования обоих подходов могло стать изучение объективных закономерностей восстановительного процесса как важной методологической основы планирования. Оно действительно началось примерно на рубеже 1922–1923 годов, однако в силу ряда причин не сыграло существенной положительной роли, о чем речь пойдет ниже.

Надо сказать, что экономисты, занимавшиеся разработкой общей концепции перспективного планирования, вовсе не стояли на позициях механического восстановления дореволюционного (довоенного) равновесия, в чем их будут обвинять впоследствии. Наоборот, настойчиво подчеркивалась мысль о переплетении восстановительных и реконструктивных процессов, об экономической и социальной порочности представления, согласно которому сперва должно завершиться восстановление, а затем уже следует приступить к реконструкции. Понятно, что вклад обоих процессов на разных стадиях развития должен был быть неодинаковым. Поэтому в принципиальном виде следовало ответить на общий вопрос концепции перспективного планирования – в какой момент должен быть осуществлен переход от преимущественно восстановительной политики к преимущественно реконструктивной. Понятно, что этот вопрос был одним из основных при определении стратегии хозяйственного роста. Отвечая на него, И.Г. Александров исходил из того, что восстановление и реконструкция имеют противоположную тенденцию воздействия на народное хозяйство – с течением времени экономический рост под влиянием первого замедляется (исчерпываются задействуемые ресурсы прошлого), а под влиянием второго – возрастает (происходит накопление новых ресурсов, которые не сразу дают отдачу). Отсюда следовал вывод, что переход этот наиболее удачен тогда, когда вклад обоих процессов в темп экономического развития оказывается примерно равным⁸⁰.

Наконец, следует выделить еще один вопрос, поставленный впервые на начальных стадиях нэпа, имевший сперва скорее теоретическое значение и не вызывавший тогда сколько-нибудь серьезных возражений, но породивший позднее бурные дискуссии, завершившиеся

⁸⁰ См.: Александров И.Г. Восстановление производства в России. М., 1924. С. 3.

политическими обвинениями и, естественно, репрессиями. Размышляя о методологии планирования, В.А. Базаров представил в конце 1923 года на обсуждение Президиума Госплана доклад о методологии планирования, где был выдвинут тезис о существовании двух принципиальных методологических подходов в перспективном планировании и о возможных путях их использования применительно к восстанавливающемуся советскому хозяйству. Речь шла о необходимости сочетания «генетического» и «телеологического» подходов. Вызвавшая впоследствии острую полемику и обвинения политического характера, такая постановка вопроса не встретила тогда практически никаких возражений⁸¹.

План восстановления и реконструкции той части национального производства, которая находится в «непосредственном заведывании» государства (прежде всего промышленности), утверждал В.А. Базаров, должен строиться телеологически – путем целевого построения таких преобразований, осуществление которых будет означать здоровое и прочное развитие данного производства. Напротив, там, где государство не является хозяином (в сельском хозяйстве, в первую очередь) и может лишь косвенно стимулировать естественно намечающиеся тенденции, перспективный план может строиться лишь генетически – путем обоснованной экстраполяции в будущее фактической динамики настоящего. Признавая довольно тесное переплетение на практике обоих подходов, а потому и некоторую условность подобного разграничения, В.А. Базаров, однако, приходил к выводу об определяющей роли генетически выведенного плана сельского хозяйства – как основы телеологических построений в других отраслях⁸².

Однако реальное развитие событий пошло по иному пути. Абсолютизация одной из сторон в планировании не могла не привести к острому кризису в теории и обусловила примитивизацию практики планового хозяйствования. Корни подобного развития событий уходят, прежде всего, в сферу социально-политическую и не являются предметом рассмотрения в настоящей статье.

Наиболее острые методологические дискуссии развернулись в 1927 году и были связаны с публикацией Госпланом весьма подробного проекта плана развития народного хозяйства СССР на пять лет⁸³. Основными моментами этого документа были следующие:

1) в качестве критериев прогрессивного роста советской экономики выдвигались рост производительных сил наиболее быстрым темпом, максимальное удовлетворение потребностей трудящихся, а также переустройство общественных отношений на социалистических началах;

2) весьма подробная количественная проработка плана с целью тщательной балансовой увязки материально-вещественных пропорций при одновременном утверждении, что директивными, подлежащими обязательному исполнению, могут быть только цифры капитальных вложений на предстоящие годы. Остальные же показатели определялись лишь как обоснование инвестиций и не должны были иметь решающего значения;

3) в основу методологии плана был положен тезис о ведущей роли «свободных творчески-реконструкционных идей социального организатора», что обуславливается наличием в советском хозяйстве принципиально нового фактора роста – «творческой воли революционного пролетариата», позволяющего перейти от «гаданий и предсказаний» при помощи анализа динамических коэффициентов, поиска закономерностей развития хозяйства) к «определенной системе хозяйственных заданий в области социалистического строительства»⁸⁴.

⁸¹ См.: В Президиуме Госплана // Бюллетени Госплана. 1923. № 11–12.

⁸² Базаров В.Л. К методологии перспективного планирования. С. 10.

⁸³ См.: Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27-1930/31 гг. М., 1927.

⁸⁴ См.: Струмилин С.Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27-1930/31 гг. // Плановое хозяйство. 1927. № 3. С. 21–22.

На этой базе предполагалось для более конкретного анализа пользоваться методами вариантных приближений, балансовых увязок, экспертных оценок;

4) ключевое положение в проекте плана занимали вопросы развития промышленности. Индустриализация должна была осуществляться прежде всего (или даже исключительно) за счет внутренних накоплений этой отрасли. Решающая роль тут отводилась снижению себестоимости, и особенно снижению индекса строительных цен. В сельском хозяйстве не предполагалось существенных изменений в социально-экономическом отношении.

Состоявшееся обсуждение проекта представляет большой интерес. Во-первых, то была первая и единственная широкая дискуссия по проблемам перспективного (пятилетнего) планирования в СССР. Во-вторых, основные методологические принципы, подвергнутые тогда критике, оставались неизменными на протяжении всех последующих десятилетий.

Критика госплановского проекта, начатая на II съезде плановых органов (март 1927 года) и продолжавшаяся практически во всех экономических изданиях, велась различными авторами, взгляды которых существенно расходились по многим хозяйственным вопросам. Позиции экономистов ВСНХ, ученых, группировавшихся вокруг Конъюнктурного института, а также критиков госплановского документа внутри самого Госплана отнюдь не совпадали⁸⁵. Однако было и нечто общее, объединявшее эти разнообразные подходы и касавшееся принципиальных моментов в осмыслении перспективного планирования. Это общее имело свои наиболее глубокие корни в исходных принципах экономического анализа, в его культуре. Вот почему необходимо и возможно выделить и обрисовать некоторую общую линию, в русле которой велась полемика о пятилетнем плане.

Прежде всего, была показана противоречивость, а потому и неработоспособность целевой установки документа, поскольку принципиальная взаимосвязь трех названных выше критериев не означает их однонаправленность в каждом конкретном периоде. Необходимо поэтому выделить решающий, и многие экономисты справедливо подчеркивали, что таковым должно быть развитие производительных сил, по отношению к которому все остальные критерии занимают подчиненное положение (что, конечно, не означало отрицания и обратного влияния процессов социализации и повышения благосостояния на производительные силы общества). Количественную меру прогрессивного движения видели в возрастании объема благ, приходящихся в среднем на одного члена общества, или в росте национального дохода на душу населения как следствии повышения производительности труда⁸⁶.

Более того, вовсе не все экономисты, резко критиковавшие госплановский проект, однозначно связывали будущее советской экономики с активным развертыванием процессов обобществления. В.А. Базаров, например, видел социальный прогресс в общем курсе на рост обобществления (хотя и не в ущерб росту производительных сил), тогда как Н.Д. Кондратьев с сомнением относился к тезису о более высокой эффективности коллективного социалистического производства по сравнению с частным. Однако при всех этих достаточно серьезных различиях важным объединяющим всех критиков госплановского проекта фактором было признание следующего: *возможна* ситуация, при которой, чтобы расчистить путь для дальнейшего интенсивного роста производительных сил, целесообразно замедлить количественный рост заработной платы (благосостояния) или социализации, но *невозможно* представить себе обратное, то есть необходимость временного замедления роста произво-

⁸⁵ Активное участие в обсуждении проекта пятилетнего плана принимали такие экономисты, как А.М. Гинзбург, М.И. Бирбраер, Н.Д. Кондратьев, Альб. Л. Вайнштейн, Н.П. Макаров, В.А. Базаров, В.Г. Громан и многие другие.

⁸⁶ См., например: *Вайнштейн Альб. Л.* К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства // Экономическое обозрение. 1927. № 7; *Базаров В.* Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 42.

дительных сил в целях роста обобществления или благосостояния. Между тем в ходе проходивших дискуссий свой выбор сделали и авторы предложенного проекта. Но у них ведущее место заняла проблема социализации, ради решения которой они считали вполне допустимым пойти и на снижение собственно экономических параметров⁸⁷.

Особенно резкие возражения у многих экономистов вызвало преувеличение субъективного фактора при определении перспектив хозяйственного роста, причем из критического разбора вполне прорисовывалась связь субъективизма в планировании с преувеличением роли балансового метода. Многие экономисты показывали, что в перспективном планировании не только простая экстраполяция имеет весьма ограниченное применение, но и сам балансовый метод, который авторами проекта как раз противопоставлялся экстраполяции. Ведь обеспечивая согласованность темпов роста отдельных отраслей, он отнюдь не гарантирует, что спроектированный таким способом план в принципе осуществим⁸⁸. Кроме того, увязывая цифры между собой, балансовый метод отнюдь не обеспечивает оптимальность предлагаемых соотношений⁸⁹, то есть является, по сути дела, индифферентным к критерию плана, к его целевой установке. Наконец, справедливо отмечалось, что важным условием для широкого и активного применения балансового метода планирования является знание объективных законов данной хозяйственной системы, чего пока нельзя сказать о советской экономике⁹⁰.

Говоря о проекте Госплана, экономисты показывали, что формальная увязка пропорций без достаточно глубокой их предварительной проработки создает лишь иллюзию обоснованности плана, сводит эту сложную проблему к согласованию различных цифр, превращая план в пособие статистической сводки. Какова экономическая обоснованность запланированных показателей? Насколько намечаемая в проекте организация производительных сил обеспечивает наиболее эффективное их использование? Такие вопросы задавали многие исследователи, но не находили на них сколько-нибудь удовлетворительных ответов.

Широкое признание получил вывод о недостаточной проработке качественных параметров плана, о принесении собственно экономической стороны дела в жертву статистической форме. «В наших пятилетках статистические ряды занимают незаконно большое место, – писал, например, М. Бирбраер. – По существу, они доминируют над всей работой. Анализ почти целиком подчинен статистическим рядам. При таком господстве статистики легко впасть в своеобразный пифагореизм, проглядеть все качественные моменты и подменить отношения людей пропорциями вещей»⁹¹.

Подобная ситуация негативно влияла и на предназначавшуюся плану активную, преобразующую роль, превращая его в обширный, но недостаточно проработанный прогноз, в котором «сами цифры в большинстве случаев основаны только... на простом факте их опубликования»⁹². Подчеркивалось, что при разработке перспективного плана надо уделять основное внимание качественным тенденциям экономического роста, внутреннему содер-

⁸⁷ Об этом четко заявили С. Струмилин и Л. Шанин в дискуссии о пятилетнем плане, состоявшейся в начале 1928 года в Коммунистической академии. (См.: О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. М., Л., 1928. С. 36–38, 84.)

⁸⁸ См.: *Вайнштейн Альб. Л.* К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР. С. 35; *Макаров Н.П.* Некоторые очередные вопросы методологии составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 30.

⁸⁹ См.: например: *Кондратьев Н.Д.* Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1927. № 3. С. 13.

⁹⁰ См.: *Бирбраер М.* К вопросу о методологии построения перспективных планов // Экономическое обозрение. 1927. № 7. С. 2.

⁹¹ *Бирбраер М.* К вопросу о методологии построения перспективных планов. С. 88.

⁹² *Бирбраер М.* К вопросу о методологии построения перспективных планов. С. 88. См. также: *Кондратьев Н.Д.* Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. М., 1927. № 4. С. 8–9.

жанию предполагаемых цифр, социально-экономическим процессам, порождающим те или иные количественные параметры. Многие экономисты считали необходимым положить в основу методологии перспективного планирования *метод установления причинных связей* между теми или иными хозяйственными процессами и факторами, обуславливающими их осуществление, чего сами по себе не могли обеспечить ни динамические коэффициенты, ни балансовый метод. Но именно в таком случае, по мнению многих авторов, перспективный план смог бы стать инструментом эффективной экономической политики, выполнять преобразующую роль.

«Вполне возможно, – замечал, например, Н.П. Макаров, – что результаты такой проработки плана не всегда будут иметь внешнюю табличную стройность, что, увы, в таком плане текста окажется не менее, чем таблиц, что в этом плане будет меньше предсказаний и больше указаний, что и сколько надо сделать, чтобы получить желательный эффект, и при каких условиях это должно делаться»⁹³. Иной подход, представленный в проекте Госплана, в значительной мере обусловил отсутствие в нем глубокого анализа ряда серьезных проблем развития советской экономики (таких как аграрное перенаселение и городская безработица, рост себестоимости и цен, подготовка квалифицированных кадров, динамика накопления) – вместо выработки путей их разрешения дело ограничивалось выдвиганием числовых коэффициентов-директив⁹⁴.

Кстати, все это сводило, естественно, на нет и утверждение авторов госплановского проекта о недирективном, вспомогательном значении обильных цифровых расчетов, содержащихся в представленном на обсуждение документе. Ведь единственная группа показателей, за которой официально была закреплена роль директив, – перспективные инвестиции – является не только предпосылкой будущего роста, но в значительной мере и результатом его. И директивный характер инвестиций в перспективном плане может порождать последствия двоякого рода – противоположные по форме, но взаимно дополняющие друг друга по существу. С одной стороны, вероятно превращение в директивы всех показателей планового документа, поскольку в силу естественных взаимосвязей это необходимо для осуществления капиталовложений в намеченных масштабах. С другой стороны, отрыв инвестиционной программы как стержня и «единственной директивы», обязательной для исполнения, от реальных накоплений со всеми вытекающими отсюда последствиями сбалансированности и устойчивости экономической системы. И если в нормальной рыночной экономике подобный разрыв быстро приведет к кризису и потребует восстановления «хозяйственного реализма», то, как показала практика, в хозяйстве, основанном на тотальной государственной монополии, возникающие кризисные явления могут в течение длительного времени накапливаться, не находя адекватного решения. Наконец, все это, вместе взятое, может существенно снизить роль текущего регулирования, лишая его самостоятельного значения, превращая его в придаток инвестиционных программ и других связанных с ним позиций перспективного плана.

Несовершенство методологической базы отрицательно сказывалось на обоснованности всего проекта плана – как отдельных его показателей, так и общей концепции социально-экономического развития страны. В работах экономистов, участвовавших в обсуждении, приводились многочисленные примеры внутренней противоречивости различных положений проекта, произвольности в интерпретации важных народнохозяйственных пропорций, нестыковки многих цифр. Серьезным недостатком было и отсутствие программы выхода из хозяйственных затруднений (несбалансированные и растущие цены при обост-

⁹³ Макаров Н.И. Некоторые очередные вопросы методологии составления перспективных планов по сельскому хозяйству. С. 44.

⁹⁴ См.: Вайнштейн Альб. Л. К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР. С. 37.

ряющемся товарном голоде, диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства, низкая рентабельность экспорта и т. д.), которые крайне остро встали уже в первой половине 1927 года.

Следует выделить еще одну очень важную черту, объединяющую подходы практически всех критиковавших госплановский проект экономистов, несмотря на существенные различия их собственных научных взглядов. Этим общим было стремление анализировать перспективы экономического развития страны именно с экономических позиций, то есть с позиций согласования интересов различных хозяйствующих субъектов как глубокого внутреннего источника движения народнохозяйственной системы. Сбалансированность, пропорциональность плановых расчетов, обеспечение равновесного движения к намеченным целям являются предпосылками такого согласования интересов, которое, в свою очередь, становится основным фактором, обеспечивающим бескризисное развитие общества.

Собственно, признание этого пункта было принципиальным в идеологии и концепции нэпа, и отказ от экономического подхода означал бы и выход за рамки нэпа. Это понимали многие экономисты. Н.Д. Кондратьев напрямую связывал принятие необоснованного плана, и тем более

превращение его в директиву, с возможностью весьма драматических последствий. Подчеркивая, что предложенная Госпланом концепция не дает эффективного решения задач индустриализации и реконструкции, он считал ее не только теоретически спорной, но и практически опасной. «Опасность ее вытекает из того, что она обрекает народное хозяйство на путь явных и глубоких кризисов»⁹⁵. Возможно, в этом выводе содержалось осознание опасности выхода из надвигающегося кризиса внеэкономическими методами. И когда вскоре, уже на рубеже 1927–1928 годов, кризис отчетливо проявился, был действительно взят курс на преодоление его на путях внеэкономического принуждения к труду и существенного снижения потребления широких народных масс (вплоть до голода в деревне, мотивируемого потребностями экспорта для индустриализации, то есть для выполнения все тех же плановых директив).

Разумеется, было бы неправильно непосредственно выводить сам слом нэпа из госплановской концепции первой пятилетки. Но связь между ними несомненна. В проекте плана был сделан серьезный шаг к укреплению административной модели хозяйствования. Административно-принудительный фактор под видом «воли пролетариата» занял, по сути дела, решающее положение в обосновании перспектив хозяйственного роста. Пятилетний план и «великий перелом» идеологически связаны, хотя авторы проекта вряд ли могли думать о тех чудовищных последствиях и поворотах, которые вскоре произойдут в стране.

⁹⁵ Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства. С. 27.

Первые залпы на плановом фронте: Госплан и Наркомфин в 1922–1925 годах⁹⁶

Уходит в прошлое целая историческая эпоха. Коммунистический эксперимент, кажется, завершился, а его критический анализ постепенно перемещается из сферы публицистики в область научных исследований. Здесь иная система ценностей, и на передний план выходят не задачи разоблачения тоталитаризма и отдельных его вождей, не сама по себе демонстрация преступлений и ошибок тех лет, а тщательный анализ конкретных инструментов и механизмов, объективных тенденций и человеческих поступков, переплетение которых формировало и поддерживало господствовавший более семи десятилетий режим. Требуются профессиональные изыскания, имеющие, кстати, не только историко-познавательную ценность – общество ведь склонно по прошествии некоторого времени возвращаться к старым (лишь несколько изменившим свой облик) иллюзиям, заблуждениям и ошибкам. В значительной мере это касается и хозяйственной сферы.

Общепризнано, что важнейшей несущей конструкцией советского тоталитаризма являлась директивно-распределительная система планирования. Концентрируя основные ресурсы, Госплан замыкал на себе хозяйственные процессы и в конечном счете определял характер и эффективность (неэффективность) их осуществления. Однако экономическим монстром эта организация стала не сразу, а в напряженной борьбе за доминирование в хозяйственной жизни СССР. Уроки такой борьбы весьма показательны, а итоги в общем-то плачевны.

Важной особенностью экономической жизни начала 1920-х годов было отсутствие монополизма и жесткой иерархии в планово-экономической деятельности. Помимо основных общехозяйственных органов (Госплана, Народного комиссариата финансов) различные отраслевые и региональные органы также разрабатывали плановые гипотезы, выходявшие, как правило, за рамки ведомственных границ и содержавшие предположения общэкономического смысла. В этой деятельности не обходилось, разумеется, без противоречий и ведомственных амбиций. Но очень быстро выделилась одна проблема, занявшая ключевое положение и выражавшая глубинное, сущностное противоречие.

Дело в том, что в основе регулирования хозяйственной жизни лежат два принципиально важных элемента, трудносогласуемых на практике, но одинаково необходимых для выработки и осуществления экономической стратегии. С одной стороны, это текущее регулирование народного хозяйства, поддержание в нем постоянного рыночного равновесия – подвижного, динамичного и в то же время устойчивого. Здесь – основное условие управляемости хозяйственного целого, то есть действенности мер экономической политики и адекватной реакции на них производителей и потребителей. С другой стороны, существуют и вопросы собственно планирования, прежде всего определения целевых установок народно-хозяйственного роста, механизмов и путей их достижения. Оба элемента не могут существовать друг без друга.

Однако в советской экономике решение этих двух задач не было институционально согласовано. Регулированием текущей хозяйственной жизни занимался в основном Наркомфин, а проработка общехозяйственных перспектив изначально вменялась в обязанности Госплана. Этот разрыв дорого обошелся нашей экономике, и не только экономике.

Суть проблемы, конечно, не сводится к тому, что различные составляющие процесса планового хозяйствования оказались закрепленными за различными ведомствами. Такая

⁹⁶ Опубликовано в: Свободная мысль. 1992. № 3.

точка зрения являла бы собой лишь склонность к фетишизации организационных форм – черте, весьма характерной для советской экономической науки на всех этапах ее существования. Но в этом конфликте отразились более сильные противоречия социального и методологического характеров, специальный анализ которых весьма интересен и должен составить предмет самостоятельного исследования. Пока же мы сосредоточим внимание именно на институциональной стороне дела.

Характерная черта первых лет нэпа – фактическое доминирование Народного комиссариата финансов в планово-регулирующей деятельности. И это вполне объяснимо. Оздоровление финансовой системы, стабилизация денежного обращения и кредита, возвращение деньгам их нормальных функций создавали необходимые предпосылки для устойчивого, поступательного развития экономики, для полнокровного возрождения страны. Причем возможности восстановления и реконструкции в условиях рыночного хозяйства напрямую зависели от выделения соответствующим отраслям и предприятиям ассигнований. Кредитная же система и бюджет находились с начала проведения денежной реформы под жестким, если не сказать жестоким, контролем НКФ и лично его руководителя Г. Сокольникова, для которого обеспечение устойчивости новой советской валюты (червонца) являлось основой его политической позиции в партийной и государственной элите.

От деятельности Наркомфина, по существу, зависел весь ход развития народного хозяйства, его отдельных отраслей и сфер. Разрабатываемые им контрольные цифры государственного бюджета становились наиболее важным плановым документом – на практике реализовывалось лишь то, что могло быть профинансировано. Основным же критерием для принятия решений в НКФ являлось недопущение обесценения валюты, поддержание активного государственного бюджета, исчисленного в червонцах.

Особую и чрезвычайно важную роль деятельности Наркомфина и вообще финансово-кредитной системы в становлении планирования признавали в то время руководители и СТО, и Госплана. Как отмечал Г. Кржижановский, контрольные цифры Наркомфина явились прецедентом для контрольных цифр Госплана. А Л. Каменев писал в начале 1925 года, что «централизованный в руках пролетарского государства кредит является решающим фактором регулирования хозяйства, фактором, вносящим решающие коррективы, способным и вызывать, и предотвращать кризисы»⁹⁷.

Хотя формально Наркомфин существовал на протяжении всего периода «военного коммунизма» и как бы был унаследован от него нэпом, на самом деле несомненно решительное размежевание между одноименными ведомствами этих совершенно различных периодов в нашей истории. В 1918–1920 годах руководители финансов не прочь были подчеркнуть в своих выступлениях неизбежность постепенного отмирания их органа по мере укрепления нового хозяйственно-политического режима. Еще в марте 1921 года, в дни работы X съезда РКП(б), газета «Экономическая жизнь» опубликовала статью Р. Альского, считавшего актуальным в ближайшее время переориентировать Наркомфин на разработку материальных балансов, превратить его в подобие гигантской бухгалтерии единой фабрики⁹⁸. Но последовательное проведение принципов нэпа потребовало крутого поворота, который и был осуществлен с приходом к руководству финансовым ведомством Г. Сокольникова. На работу в НКФ были приглашены многие крупнейшие российские экономисты безотносительно к их партийной принадлежности. И политической ориентации. Они просто знали существо рыночного хозяйствования и умели решать вопросы его стабилизации и регулирования. Именно рынок с его тенденциями и законами мог стать и стал основным полем планово-регулирующей деятельности НКФ. И понятно, что в силу естественных экономи-

⁹⁷ Каменев Л.Б. Наши достижения и задачи в области овладения стихией рынка // Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 19.

⁹⁸ См.: Альский Р. Нужны новые методы работы // Экономическая жизнь. 1921. № 54.

ческих причин ведущее положение этого органа в плановом регулировании должно было повлечь за собой углубление рыночной (можно сказать экономической) логики в процессе формирования системы народнохозяйственного планирования.

Иное положение занимал Госплан и логически, и исторически. Одной из весьма популярных в советской экономической науке догм стала увязка возникновения этой организации с переходом к нэпу. Такие представления как будто бы должны доказывать изначальную гибкость Госплана, его способность эффективно сочетать в своей деятельности административно-директивные рычаги управления с косвенными, рыночными. Однако подлинное развитие событий было другим.

Во всех отношениях Госплан явился прямым порождением «военного коммунизма», периода его наибольшего расцвета и глубокого кризиса. Достаточно вспомнить, что образование Государственной общеплановой комиссии приходится на февраль 1921 года – когда сама идея возвращения рынка для правящих кругов страны была крамольной. Госплан создавался на базе Комиссии ГОЭЛРО с целью продолжения и расширения начатого ею дела. То было время неколебимой уверенности высшего руководства (и прежде всего В.И. Ленина) в том, что именно ГОЭЛРО является наиболее важным шагом к построению единого хозяйственного плана, если не самим планом. Между тем результаты работы Комиссии по электрификации были весьма далеки от анализа собственно экономических проблем развития России, поскольку там основное внимание уделялось производственно-технической стороне дела.

Выросший из ГОЭЛРО Госплан не мог не воспринять всех иллюзий и противоречий своего предшественника, что нашло отражение в первом Положении о Государственной общеплановой комиссии (декрет СНК от 22 февраля 1921 года). Возлагая на нее задачу разработки на базе плана электрификации «единого общегосударственного хозяйственного плана, способов и порядка его осуществления», Совнарком вменял ей в обязанность также согласование ведомственных и территориальных программ и предположений по всем отраслям народного хозяйства и установление очередности работ, выработку общегосударственных мер по развитию исследований, пропаганду сведений о плане и путях его выполнения⁹⁹. Из этого краткого перечня вполне проступает административно-пропагандистская природа данного органа, что в дальнейшем оказывало существенное влияние на его положение в системе общеэкономических учреждений правительства, на его будущую роль в организации хозяйственной жизни.

Преемственность Госплана и ГОЭЛРО проявилась отнюдь не однозначно. Сохранилась тенденция видеть в плане в первую очередь технико-экономический расчет, а уж потом дополнять его финансовой программой, комплексом мер экономической политики. В то же время, несмотря на многочисленные декларации о преемственности, о стратегическом характере разработок Госплана, призванного конкретизировать программу электрификации и намечать общие перспективы развития советской экономики, с самого начала на него настойчиво возлагалось решение текущих задач, требовавших принятия директивно-распределительных мер. Сперва Госплану поручили оперативно заняться ликвидацией острейшего топливного кризиса весны 1921 года и разработкой плана распределения топлива на год. Потом, в ноябре, председатель СТО потребовал в срочном порядке провести предварительные расчеты распределительных планов по всем «минимальным ресурсам». Так, постепенно центр тяжести в деятельности Госплана сосредоточивается на вопросах организации распределения и составлении операционных планов государственного хозяйства, на утверждении программ развития отдельных отраслей и территорий.

⁹⁹ Об едином хозяйственном плане (Работы 1920–1921 гг.). М.: Экономика, 1989. С. 20.

Даже беглое знакомство с протоколами Президиума Госплана 1920-х годов, не говоря уже о заседаниях его секций, поражает обилием частных вопросов, связанных с функционированием отдельных отраслей и подотраслей народного хозяйства. И хотя руководители Госплана постоянно жаловались на чрезмерную загруженность своего учреждения «вермишелью», ни они, ни руководители правительства не были склонны решительно изменить положение дела. В сознании, а может быть, и в подсознании у многих сохранялось представление о превращении в будущем Госплана в центральный штаб, мозг той единой фабрики, светлый образ которой оставался слитым с грядущим социализмом.

Другая сторона вопроса связана с тем положением в хозяйственной системе, которое занимал (точнее, должен был по идее занимать) Госплан. Ориентация по преимуществу на долгосрочные перспективы при отсутствии на самом деле возможности через экономические рычаги влиять на состояние рынка и, следовательно, несвязанность ответственностью за него сделали Госплан в какой-то мере заложником стратегических решений. Последние же обычно находили и находят выражение не в категориях рыночного равновесия. Физические результаты прогресса – вот ориентир перспективного плана, а ради этого можно пренебречь и текущими проблемами, рассматривать их как неизбежные тернии на пути к звездам социализма.

Правда, надо подчеркнуть, что недооценка текущих вопросов рыночного равновесия, выражавшаяся особенно ярко в подходе к финансово-кредитным проблемам воспроизводственного процесса, не всегда являлась осознанной, но представление о том, что такая позиция может дать долгосрочный стратегический выигрыш, было довольно распространенным. Еще в первые месяцы существования Госплана подобное отношение к финансово-экономической стороне плановой работы с предельной откровенностью выразил его вице-председатель, а в прошлом видный участник проекта ГОЭЛРО П. Осадчий: «К числу... благоприятных условий для проведения начинаний в области электрификации следует отнести упразднение у нас бюджетных рамок, препятствовавших в прежнее время осуществлению многих полезных мероприятий»¹⁰⁰. Словом, дезорганизация финансовой системы рассматривалась как благоприятный фактор для налаживания планового хозяйства и стратегического планирования¹⁰¹. По мере становления нэпа подобные откровенно антиэкономические постановки станут уже невозможны, однако отношение к финансовой стороне производства как к проблеме вторичной, полностью подчиненной задачам собственно производственным, будет сохраняться и постоянно проявляться в многочисленных дискуссиях, которые вели сотрудники Госплана с представителями Наркомфина и Госбанка.

Было бы неверно, впрочем, понимать дело так, что с самого начала своего существования Госплан являлся оплотом консервативных экономических сил. Все было гораздо сложнее. После первых месяцев ставки исключительно на опыт ГОЭЛРО к работе в Госплане стали привлекать многих видных экономистов (правда, в отличие от Наркомфина, ЦСУ, Наркомзема почти исключительно социал-демократической или коммунистической ориентации). Предложения, высказывавшиеся в ходе разнообразных и весьма продолжительных дискуссий в его рамках, нередко были внутренне (идеологически) противоречивыми, что отражало реальные сложности хозяйственной политики и идеологии периода нэпа. Стремление свести всю государственную экономику в единую фабрику соседствует с предложе-

¹⁰⁰ Осадчий П. Цели и средства электрификации России и ее очередные задачи // Научно-технический вестник. 1921. № 3. С. 12.

¹⁰¹ Отвечая на эти слова П. Осадчего, видный российский экономист Н. Шапошников иронически замечал: «В нормальных условиях приход хозяйства определяет его расходы, но в условиях свободы денежной эмиссии нет никакого такого предела. Здесь хозяйственные возможности ограничены только производительностью печатного станка. В меру этой производительности, с бюджетной, по крайней мере, точки зрения, все возможно: и по университету в каждом уездном городе и немедленная электрификация всей России. Здесь никогда не сводятся концы с концами, здесь нет и не может быть нормального бюджета» (Шапошников Н.Н. О путях оздоровления денежной системы // Экономист. 1922. № 4–5. С. 51–52).

ниями о существенном расширении самостоятельности госпредприятий. Предложение об отделении от производства функций сбыта и монополизации их в руках центра уживается с призывами бороться с монополистическими тенденциями в деятельности предприятий. Подход с позиций экономической эффективности переплетается с предложениями основывать хозяйственные решения на социально-политических приоритетах – безотносительно к тому, как это может сказаться на состоянии производительных сил.

В результате к 1924 году в Госплане создалась своеобразная ситуация, когда под крышей центрального планового ведомства сосуществовало сразу несколько пониманий существования народнохозяйственного плана, принципиально друг с другом не совместимых. Так, предлагалось разграничить строительный (перспективный) план, основывающийся на программе ГОЭЛРО, и план эксплуатационный, объединяющий оперативные планы первичных производственных единиц. Эксплуатационный план должен был «врастать» в генеральный план реконструкции народного хозяйства. Очевидно, что подобное понимание, к которому тяготел Г. Кржижановский, отличалось обтекаемостью, явно выраженным «промежуточно-компромиссным» характером.

Гораздо конкретнее формулировались другие подходы. Весьма влиятельная Топливная подсекция видела в плане единое целое жестких программ с жесткими цифрами и календарными сроками их выполнения. Идеалом здесь считали план добычи и распределения топлива, разработанный в 1921 году и выполненный почти на 100 %. Иного мнения придерживалась Сельскохозяйственная секция. Особое положение отрасли приводило к пониманию плана как системы и программы мероприятий экономической политики по развитию и подъему производительных сил деревни. Важная роль тут отводилась проработке финансово-кредитных вопросов, различных стимулов роста производства. Наконец, Секция по районированию, считая односторонним понимание плана как календарной программы и как системы регулирующих мероприятий, выдвигала свою идею сложного, комбинированного планирования, для которого решающее значение имеет организационная сторона дела. Поэтому основное внимание здесь уделялось созданию сети соответствующих областных плановых органов и четкому согласованию их деятельности с центром по разработке перспективных и операционных планов.

Все это находило проявление в весьма противоречивой роли самого Госплана в хозяйственной жизни первой половины 1920-х годов. По поручению контрольных органов в 1924 году А. Кактынь провел анализ итогов работы Госплана. Подготовленная им записка хранится в архиве и до сих пор, но, к сожалению, не опубликована. Она включает в себя почти 90 страниц машинописного текста и представляет немалый интерес для экономистов, поскольку ее автор, будучи тонким и проницательным исследователем, не только вскрывает многие сложности и противоречия в работе Госплана, но и указывает на исторические корни возникновения и причины воспроизводства этих проблем.

В частности, А. Кактынь делает принципиальной важности вывод о ситуации, характеризующей положение самого Госплана. С одной стороны, многие его работники (особенно Экономико-статистической секции, куда прежде всего были приглашены видные экономисты) уже в начале нэпа осознали и сформулировали принципы хозрасчета, которые выдвинули в качестве основных линий для новой политики зарплат, что позволило решительно отказаться от «уравнительно-собесного» подхода времен «военного коммунизма». С другой стороны, «Госплан в той же Экономико-статистической секции в период развернутого нэпа, уже в формах денежного хозяйства и финансового капитала, даже после учреждения Госбанка и реорганизации потребительской кооперации и после фактического падения реальности приемов Комиссии использования вел сложную работу по обоснованию идеологии и организации централизованного распределения материальных ресурсов, по выработке номенклатуры централизованного снабжения, по составлению общих распределительных

планов, отчетов в их исполнении и учетных единиц, выражающих ценность отдельных благ и трудовых процессов в искусственно построенных измерительных единицах»¹⁰². (Не могу не заметить в скобках, что подобная противоречивость внутри самого Госплана весьма своеобразно проявилась с началом «великого перелома» и жестоких репрессий, обрушившихся на советских экономистов на рубеже 1920-1930-х годов. В отличие от таких ведомств, как Наркомфин и Наркомзем, подавляющая часть ведущих специалистов которых оказалась за решеткой, в госплановской среде произошел очевидный раскол, и его сотрудников «сажали» избирательно.)

Дискуссии, проходившие в первой половине 1920-х годов в Госплане, наглядно иллюстрируют приведенные только что замечания А. Кактыня, показывая и сложность имевшейся там идеологической и политической атмосферы, и противоречивость позиций многих его работников, включая склонность ряда из них к откровенному конформизму – качеству, которое через некоторое время станет «вторым я» большинства экономистов и вообще обществоведов.

Пожалуй, наиболее ярким примером может быть обсуждение доклада «К методике планирования в СССР» С. Струмилина (с дополнениями В. Громана) на заседании Президиума Госплана, состоявшемся в октябре 1924 года¹⁰³. Председатель Экономико-статистической секции стремился вскрыть особенности экономического механизма нэпа, обуславливающие характер плано-регулирующего воздействия на народное хозяйство с целью построения социализма «в кратчайший срок». Суть централизованной политики С. Струмилин видел в объединении деятельности производителей как государственного, так и частного секторов, в подчинении второго первому не путем административного принуждения, а благодаря более эффективной деятельности госпредприятий, побеждающих в конкурентной борьбе на рынке. Это предполагало решительный отказ от методов революционного насилия и достижение «оптимальных производственных и финансовых эффектов» «не дубьем, а рублем». Для усиления действенности централизованного руководства экономикой С. Струмилин предложил идти по пути совмещения самостоятельности трестов (и даже предприятий) с созданием целой системы специальных централизованных финансовых фондов, позволяющих государственной власти активно воздействовать на ход реконструктивного процесса. (Интересно отметить, что в первой половине 1960-х годов аналогичные идеи выдвинул и подробно обосновал академик В. Немчинов. Многими экономистами они тогда были восприняты с большим подозрением – относительно их «социалистичности» и «идеологической чистоты». Они не нашли даже формального отражения в хозяйственной реформе 1965 года.)

«Разрешение всех вышеуказанных проблем в смысле достаточной организационной и методологической их подготовки является чрезвычайно важной предпосылкой не только для разработки единого в смысле целостности и внутренней согласованности перспективного плана хозяйства на ряд лет, но и для текущих планов хозяйства на каждый операционный год», – так писал С. Струмилин. Вряд ли этот осторожный человек мог ожидать, какую реакцию у коллег вызовет его доклад. Поддержанный, по сути дела, только В. Громаном и В. Базаровым, он навлек на себя резкие обвинения политического характера. Идеи отказа в плано-хозяйствовании от методов принуждения, от революционного насилия, возможность допустить частные накопления и конкуренцию на рынке частника с госпредприятиями – все это было оценено не иначе, как «оппортунизм», невыдержанность «с марксистской точки зрения», как недопустимый «разрыв между экономическими и политическими момен-

¹⁰² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 375. Лл. 18–19.

¹⁰³ Материалы этой дискуссии были опубликованы Е. Тюриной (см.: Из Центрального государственного архива народного хозяйства СССР: К истории методологии планирования // Известия Академии наук СССР: Серия экономическая. 1991. № 2).

тами». Словом, твердая вера в непрочность нэпа и скорое торжество «истинного» социализма, стремление к решению уже текущих хозяйственных проблем в категориях вытеснения рынка планом – таковы были весьма характерные черты мышления и деятельности немалой части госплановских работников.

По-видимому, именно в результате этого столкновения произошел надлом в позиции самого С. Струмилина, который с тех пор стал быстро превращаться в «несгибаемого планировщика-большепевика», готового защищать любой зигзаг генеральной линии. Во всяком случае, перерабатывая после обсуждения свой доклад, он весьма своеобразно изменил заголовки рукописи. Вместо «К методике планирования в СССР» появились на свет тезисы «К методике преодоления нэпа». «Методика планирования» и «преодоление нэпа» для С. Струмилина стали понятиями тождественными¹⁰⁴.

Однако вернемся к тому, что в системе планового регулирования советского народного хозяйства уже на первом этапе нэпа наметилось переплетение двух линий, принимавшее формы явного институционального противостояния. У обоих подходов имелись вполне очевидные объективные основания, связанные с реальным противоречием регулятивной и перспективной функций планового хозяйствования. Poleмика между их представителями шла постоянно, хотя и не всегда принимала открытые формы. Но по некоторым публикациям 1922–1924 годов, а еще более – по стенограммам различных дискуссий, проходивших тогда в центральных экономических ведомствах, можно проследить постоянное и напряженное противоборство.

Наркомфин активно занимался плано-регулирующей деятельностью, практическими шагами в области бюджета и кредитно-денежной (эмиссионной) политики, демонстрируя свою независимость от Госплана, не говоря уже о других хозяйственных ведомствах. Время от времени высказывались и прямые претензии НКФ на главенство в плановом руководстве народным хозяйством. Претензии, надо сказать, вполне обоснованные.

Примером такой позиции может служить статья «Задачи Плановой комиссии по финансам», опубликованная в официальном органе НКФ и подписанная фамилией Григорьев. Автор, обращая внимание на изначальную недооценку госплановскими работниками финансовой стороны хозяйственных процессов, пишет следующее: «...Во вновь образованном Госплане сидели главным образом техники-специалисты, которые вырабатывали и обсуждали самые широкие проекты развития производительных сил... вне всякого соображения с реальными возможностями их осуществления для обнищавшей страны». Теперь же, в условиях активной и небезуспешной деятельности по стабилизации финансово-экономического положения, роль Наркомфина резко возрастает и в планировании. Не только «государственный план хозяйства РСФСР должен строиться в самом тесном контакте с НКФ», но, более того, «самый процесс государственного планирования должен принять... формы бюджетного плана». Основываясь на таких соображениях, Григорьев предлагал осуществить далеко идущие преобразования в плано-экономической деятельности: «На место существующей финансовой комиссии Госплана, являвшейся внутренним органом его, призванным осуществлять финансовую разработку его предположений, должен стать новый орган самого финансового ведомства, намечающий предельные грани работы других секций Госплана»¹⁰⁵.

Некоторые экономисты высказывали серьезные предостережения против очевидных попыток механического распространения «планового начала» на все сферы экономической жизни. С точки зрения примитивно-социалистической чем шире централизованный план в той или иной форме охватывает народное хозяйство – тем лучше. Однако логика рыночного

¹⁰⁴ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 191. Лл. 218–242; ЦГАНХ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 48. Лл. 12–14.

¹⁰⁵ Григорьев. Задачи плановой комиссии по финансам // Вестник финансов. 1922. № 25. С. 6.

хозяйства не приемлет прямолинейных решений. Во всяком случае если подходить к ней с адекватным экономическим инструментарием. И тут обнаруживается парадоксальный факт: кредитная система, например, будучи эффективнейшим механизмом системы регулирования народного хозяйства, сама по себе не приемлет сколько-нибудь жесткого планирования. Это значит, что кредитную политику ни в коем случае нельзя «привязывать» к намечаемым производственным программам. Ведь программа определяет выпуск отрасли продукции исходя из возможностей производства, но зачастую вне четкой оценки перспектив сбыта. Кредитование же должно основываться на возможностях сбыта, а с этой точки зрения прекрасно оборудованное и полным ходом работающее предприятие в случае отсутствия сбыта может оказаться некредитоспособным. Поэтому регулирование народного хозяйства через кредитную систему, будучи всегда весьма действенным, может стать эффективным лишь при условии постоянного учета текущей хозяйственной конъюнктуры.

Вот как писал об этом в 1923 году А. Дезен, один из известных специалистов того времени в области финансов: «Кредитные учреждения путем расширения или сжатия кредита, дисконтной политики, преимущественного кредитования тех или иных отраслей промышленности оказывают слишком глубокое влияние на народное хозяйство... Недостатком наших кредитных учреждений является не отсутствие плана кредитования, – каковой, на наш взгляд, будет нежизнен и неосуществим, а отсутствие правильной и последовательной кредитной политики. Увязка кредита с регулирующими функциями, присущими государству в период государственного капитализма, должна произойти именно в сфере установления этой политики».

«Новая экономическая политика отвела известное место стихии рыночных отношений, и попытка сократить это место в период развивающегося денежного хозяйства в пользу планового начала обречена на неудачу... Именно через кредитный аппарат государство и может влиять на рыночные отношения».

«Руководство кредитной политикой не может быть, на наш взгляд, изъято из Наркомфина и Госбанка путем передачи хотя бы в Госплан, так как эта политика слишком тесно связана с повседневной работой кредитных учреждений. Кредитная политика есть в конечном счете разновидность финансовой политики, быть может, самая важная»¹⁰⁶.

Такое понимание проблемы планового регулирования основывается на признании фундаментальной черты рыночной экономики – суверенного права потребителя купить или не купить продукт. И поэтому принятие в плановом порядке решения о производстве той или иной продукции должно быть дополнено механизмом, позволяющим оценить значимость ее для потребителя и всего народного хозяйства. Иной подход предполагает либо казарму, где все потребление расписано заранее, либо тотальный дефицит, когда все произведенное будет потреблено. Однако должная оценка этих аргументов оказалась невозможной без долгого и тяжелого опыта последующих десятилетий. Плановая эйфория, стремление к четко организованному хозяйству не позволяли многим трезво оценить позицию оппонентов.

Госплан же, со своей стороны, постоянно старался «приструнить» Наркомфин и связанный с ним Госбанк, опираясь в этом на поддержку ряда мощных хозяйственных ведомств, особенно на ВСНХ в НКПС. Последние, стремясь к возможно более быстрому восстановлению «своих» отраслей, требовали крупных ассигнований, выдача которых могла подорвать устойчивость червонца. Со своими жалобами они шли в Совнарком, в СТО и непременно в Госплан, где обычно находили сочувственное понимание. Аналогично обстояли дела и с региональными (республиканскими и областными) органами планирования и управления. Предпринимались различные шаги с целью ограничить независимость НКФ, а по возможности и привязать его к Госплану. Имелось в виду обязать финансовое ведомство выделять

¹⁰⁶ Дезен А. Плановое кредитование или кредитная политика // Экономическая жизнь. 1923. 3 ноября.

кредиты в полном объеме в соответствии с централизованно утверждаемыми планами и программами. Для этого предлагалось, в частности, использовать некий Комитет государственных заказов, проект которого активно обсуждался в начале 1923 года. Или путем разработки и обязательного утверждения кредитных планов Госбанка в Госплане гарантировать беспрепятственный доступ отраслей госпромышленности к финансовым ресурсам¹⁰⁷.

¹⁰⁷ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 127. Лл. 254–255.

У истоков товарного дефицита¹⁰⁸

Середина 1920-х годов – поворотное время для советской экономики. «Великий перелом», знаменовавший собой политическую победу сталинизма, явился своеобразной, трагической формой разрешения тех экономических и социальных противоречий, которые накапливались в обществе. И с экономической точки зрения ключевую роль в понимании многих последующих событий имели события, о которых речь пойдет ниже. В 1925 году экономическое развитие протекало достаточно интенсивно. Темпы хозяйственного роста столь значительны, что достижение довоенных объемов производства стало возможным к концу 1926 года. Восстановительный период завершался. В повестку дня вставала задача коренной реконструкции народного хозяйства. И в это время неожиданно для многих экономистов и политических лидеров параллельно с завершением восстановительного процесса в экономике нарастает дефицит, или, как его тогда называли, товарный голод. Возникший дефицит существенно отличался от аналогичного явления прошлых лет. Недостаток товаров возник и обострился не в результате разрушения производительных сил, а на стадии их быстрого подъема. Это означало, что корни проблемы уходят в экономическую политику, специфику самой хозяйственной системы, механизма ее функционирования, по тем или иным причинам не обеспечивающего пропорционального роста. В условиях рыночной экономики смешанного типа опасность такого явления резко обострялась, так как углубление или даже сохранение товарного голода нарушало нормальные взаимоотношения между основными сферами хозяйственной жизни, в первую очередь между промышленностью и сельским хозяйством.

Как же разворачивались события? В середине 1925 года появились признаки нехватки некоторых промышленных товаров (строительных материалов, тканей, кожевенных изделий, сельскохозяйственных орудий). Все эти продукты были необходимы крестьянству и для расширения хозяйственной деятельности, и для личного потребления. Официальная линия в этот период была ориентирована на ускоренное развитие промышленности как опорного звена социалистического строительства: и в силу передового характера крупного машинного производства, и как важного условия для решения проблем безработицы и аграрного перенаселения, позволяющего все большие массы трудящихся втягивать в «социально прогрессивные» формы деятельности. С ростом промышленного производства, как представлялось, должны быть решены и проблемы товарного голода.

С этих позиций рассматривались и перспективы на 1925/1926 хозяйственный год, нашедшие отражение в контрольных цифрах Госплана. При составлении плана исходили из того, что в 1925 году будет хороший урожай. Это означало возможность получения валютных ресурсов и использования их для импорта промышленных товаров (прежде всего необходимого сырья и оборудования). Надо также учитывать, что выработка основных направлений хозяйственной политики происходила под сильным давлением представителей промышленных кругов во главе с ВСНХ, имевших значительный политический вес. Возражения аграрников и ряда других экономистов нередко расценивались как ведомственное стремление получить больше средств для развития «своих» отраслей.

Однако уже осенью 1925 года в реализации первоначальных идей возникли серьезные трудности. Хлебозаготовительная кампания не оправдывала надежд: урожай оказался ниже, чем предполагалось, а крестьяне, и это главное, из-за отсутствия нужных им товаров не были заинтересованы продавать хлеб. Между тем в соответствии с намеченными планами осуществлялось щедрое кредитование государственных заготовителей, которые, так же как и кредитные органы, имели свои задания по закупкам и стремились их выполнять. Существен-

¹⁰⁸ Опубликовано в: Вопросы экономики. 1990. № 6.

ное превышение спроса над предложением и конкуренция государственных хлебозаготовителей друг с другом, принимавшая иногда дикие формы (порча мостов, перекапывание дорог друг у друга), вели к росту цен на зерно. Невозможность отоварить свои деньги вынуждала крестьян придерживать хлеб. В результате снижались объемы и рентабельность экспорта. Понятно, что объемы импорта также сократились. Общий рост цен негативно повлиял на курс червонца – важнейший фактор устойчивого динамичного развития экономики в период нэпа.

Кроме того, уже с середины весны 1925 года начало усиливаться кредитование отраслей тяжелой промышленности. Форсирование их роста сопровождалось не только увеличением спроса на средства производства, но и ростом численности рабочих и реальной заработной платы (в апреле-июне на 6,9 %, в июле-сентябре на 33,2 %), что обостряло ситуацию на рынке потребительских товаров. Так начиналось раскручивание спирали товарного дефицита.

В обычном рыночном хозяйстве дефицит тех или иных товаров вызвал бы рост цен на них. Иное дело в условиях советской экономики. Прежде всего была предпринята попытка побороть товарный голод мерами административного воздействия. Необходимо «жесткое планирование сбыта недостающих промышленных товаров массового потребления»¹⁰⁹. Этот тезис быстро получил практическое воплощение. Регулирование распределения ряда продуктов по стране было централизовано. Регионам стал устанавливаться «план завоза» – сколько и какой продукции кому положено выделить на месяц (квартал). Преимущество отдавалось индустриальным центрам, а позднее – сельскохозяйственным районам для стимулирования продажи урожая государству.

Одновременно началась кампания по свертыванию реальных рыночных отношений. Поддержание устойчивых или даже снижающихся цен на промышленную продукцию было тогда социальным императивом власти, считавшей себя пролетарской. Частник же, игравший значительную роль в розничной торговле, в соответствии с естественными законами рынка отвечал на дефицит повышением цен, в результате чего государственная политика цен не давала того социального эффекта, на который она была рассчитана (с апреля по октябрь 1925 года розничные накладки по двадцати промышленным товарам возросли в Москве с 32,7 до 56,5 %). Ответом властей стало прямое административное вытеснение частника: лишение кредитов, запрет государственным и кооперативным организациям сбывать частнику продукцию. Нарушители запретов преследовались в судебном порядке.

Ставка была сделана на укрепление и развитие государственной и кооперативной торговли. Кооперация, на которую возлагались большие надежды по улучшению снабжения крестьян нужными товарами, также была склонна к завышению цен. Однако если у частника эта прибавка к цене могла идти в накопление, то кооперация должна была поднимать цены из-за высоких накладных расходов – дороговизны содержания своего аппарата. Да и прямая спекуляция не была чужда этой форме организации торговли.

Широкое распространение получила практика навязывания товаров – верный признак перехода от торговли к распределению. Из-за структурной несогласованности планов производства и распределения, низкой маневренности товарными фондами в условиях жестких «планов завоза» нехватка одних товаров переплеталась с избытком других. Имеющиеся в избытке товары навязывались потребителям, причем подобная практика осуществлялась сверху донизу. Синдикаты, на которые государство делало главную ставку в организации торговли по твердым ценам, навязывали товары кооперации. Кооперация или ставила условие, что необходимый товар может быть приобретен, если потребитель вместе с ним купит и ненужный ему товар, или, стремясь покрыть расходы по неходовым товарам, завышала

¹⁰⁹ Крумин Г. О планировании завоза промышленной продукции // Экономическая жизнь. 1925. № 200.

цены на ходовые (в реальности и те и другие методы переплетались). Типична была такая ситуация: «Продасиликат отказывает в отпуске дешевых сортов посуды и отпускает вагон посуды только по принудительному ассортименту. Кооперация принуждена брать дорогие столовые и чайные сервизы, дорогие чашки и прочий неходовой товар, а отвечать будет простая крестьянская чашка, на которую ляжет высокая накидка»¹¹⁰.

Для противодействия подобным явлениям настойчиво предлагалось провести кампанию в печати, сделать оргвыводы относительно руководителей предприятий, реализующих продукцию частнику, созвать экстренные собрания пайщиков кооперативов и переизбрать за те же поступки членов правления, активнее привлекать хозяйственников к уголовной ответственности за «спекуляцию», усилить контроль за ценами и даже проделать работу по определению «нормальных расценок». Резко возрастает давление профсоюзов на хозяйственные органы с требованиями дальнейшего ужесточения административного регулирования торговли. Примером может быть заявление союза металлистов, выступившего за дальнейшее снижение цен, введение рабочего контроля за распределением продукции, продажу товаров только членам потребительских кооперативов.

Многие видные экономисты, работавшие в Госплане и в ВСНХ, видели главную причину товарного голода в недостаточном развитии промышленности по сравнению с сельским хозяйством. В их выступлениях акцент делался на выработке системы экономических мероприятий, стимулирующих всемерный рост объемов промышленного производства. В конце 1925 – первой половине 1926 года эти подходы активно развивались в выступлениях С.Г. Струмилина, С.М. Киселева, В.Г. Громана, И.Т. Смилги. В их основе лежала концепция «закономерностей восстановительного процесса», в соответствии с которой восстановление народного хозяйства происходит в направлении довоенной системы равновесия, причем более быстрыми темпами развиваются отрасли и сферы, дальше других отстоящие от целевой точки равновесия. Завершение же восстановительного периода ожидалось в 1926 году. Отсюда делались выводы принципиального характера. Во-первых, промышленность должна расти быстрее сельского хозяйства, по объему валовой продукции уже вплотную подошедшего к уровню 1913 года. Отставание же товарности аграрного сектора объяснялось отсутствием у крестьян интереса реализовывать свою продукцию при нехватке промышленных товаров. Во-вторых, анализ статистических данных свидетельствовал о значительном отставании объема денежной массы от товарооборота по сравнению с 1913 годом. Следовательно, полагали экономисты, в 1926 году возможен и даже необходим рост денежной массы, превышающий рост товарооборота. Открываемые благодаря этому широкие перспективы кредитной экспансии могли быть направлены на усиленное финансирование промышленности: тем самым, по их мнению, был бы дан мощный толчок индустриализации, курс на которую провозгласил XIV съезд ВКП(б).

Сторонники рассматриваемого подхода стремились в дальнейшем (особенно на протяжении первой половины 1926 года) усилить свои доводы данными специального анализа финансово-экономического положения предприятий и проработкой альтернатив экономической политики. Приводились расчеты, целью которых было показать отсутствие избытка денежных знаков в народном хозяйстве. Вовсе не инфляция порождает хозяйственные трудности, утверждал С.М. Киселев¹¹¹, а дефекты планового снабжения (несоответствие объемов и структуры «планов завоза» реальным потребностям регионов), крупный спрос на строительные материалы и различные фабрикатy, чрезмерные поступления в госбюджет прибыли

¹¹⁰ См.: О.С. Неумирающий принудительный ассортимент // Экономическая жизнь. 1925. № 262. С. 3. По некоторым оценкам, Текстильный синдикат, например, навязывал контрагентам неходовой товар в размере 18–20 % стоимости покупаемой партии (там же).

¹¹¹ См.: Киселев С.М. Оценка текущего состояния денежного обращения // Плановое хозяйство. 1926. № 6. С. 47–48; см. также: Струмилин С.Г. К вопросу о денежной инфляции и дефляции // Плановое хозяйство. 1926. № 6.

предприятий при усилении потребительского характера расходной части бюджета. Отсюда следовал вывод о необходимости и возможности расширения масштабов кредитования промышленности как условия роста предложения ее продукции на рынке при одновременной глубокой реформе государственного бюджета – его сжатии, ограничении потребительского спроса госорганов и кооперации. Для этого предлагалось использовать как методы жесткого (административного) планирования, так и налоговое регулирование покупательной способности населения¹¹².

Изложенная концепция вызвала резкие возражения многих видных экономистов. Реализация подобных предложений, по их мнению, усиливала инфляцию и обостряла товарный голод. Между тем кредитная политика 1925 года уже нарушила важнейшую предпосылку нормального функционирования рынка, в соответствии с которой должен существовать только спрос, вытекающий из механизма производства и обмена. Именно нарушение указанной предпосылки «повело к нарушению необходимого соотношения в отраслях промышленности, производящих средства производства и предметы потребления. Эти два условия привели к зарождению товарного голода на городском рынке. А все это, вместо взятое, послужило толчком к расстройству сельскохозяйственного рынка»¹¹³. Расширение объемов кредитования становилось чрезвычайно опасным, даже если бы кредиты направлялись на производство предметов потребления. Ведь появлению новых товаров предшествует дополнительный спрос, способный лишь обострить дефицит как непосредственно, так и по причине ускорения обращения денег. «В результате мыслим теоретически такой исход, что выброшенные по окончании производственного цикла на рынок новые массы товаров будут не только недостаточны для удовлетворения обострившегося товарного голода, но создадут положение еще худшее, чем то было до эмиссии новых денег», – писал Альб. Л. Вайнштейн¹¹⁴.

В самом деле, в народном хозяйстве начались процессы «перенакопления». Хотя Госплан и возражал против чрезмерного роста нового строительства в 1926 году, отрасли индустрии действовали в прямо противоположном направлении. Стремление предприятий к экстенсивному росту проявилось уже тогда. Нередко они брали краткосрочные кредиты (за счет эмиссионных средств), высвобождая для капитальной работы те собственные средства, которые были помещены в товары. Все больше векселей предъявлялось к учету. Однако, если госплановские экономисты видели в этом признаки нехватки денежной массы в обращении, то их оппоненты (например, Л.Н. Юровский¹¹⁵) – опасный признак отсутствия у предприятий достаточных стимулов к осторожному и обоснованному использованию капитальных средств. Кроме того, расчеты показывали, что потенциальная товарность деревни, зависящая от ряда социально-экономических факторов, еще не достигла довоенных показателей¹¹⁶. Это лишало смысла тезис об отставании промышленности от сельского хозяйства. Подобные рассуждения приводили исследователей к выводу, что главной причиной кризисных явлений выступает общая несбалансированность роста всех отраслей и сфер народного хозяйства. Ставился вопрос о более осторожном определении размеров инвестиционной деятельности и более равномерном распределении капиталовложений между различными

¹¹² «Нельзя представить себе более безотрадной картины, чем распухший бюджет и сжатый кредит», – писал И.Т. Смилга (Наши хозяйственные затруднения // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 39).

¹¹³ Кондратьев Н. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI. С. 61.

¹¹⁴ Вайнштейн Альб. Л. Итоги и конъюнктура 1925/26 хоз. года // Избранные труды. Советская экономика. 20-е годы. Кн. первая. М.: Наука, 2002. С. 415.

¹¹⁵ См.: Юровский Л.Н. К пересмотру хозяйственного плана // Экономическая жизнь. 1925. № 262.

¹¹⁶ См.: Кондратьев Н. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства. С. 45–51.

отраслями. В частности, предлагалось первоначально сконцентрировать усилия на развитии легкой промышленности и сельского хозяйства (особенно той его части, которая производит экспортную продукцию), что со временем создаст условия для бескризисного и быстрого роста тяжелой индустрии. Пока же потребность в продукции последней могла бы в значительной мере удовлетворяться за счет импорта¹¹⁷.

Признание факта перенакопления и необходимости обеспечения реальной сбалансированности воспроизводственного процесса было связано с задачей достижения и поддержания рыночного равновесия как важнейшего условия преодоления товарного голода. Именно на эти моменты делал упор в своей практической деятельности и в публикациях Г.Я. Сокольников. Устойчивость курса червонца – центральный пункт его политики. Он прибегал к широкомасштабной валютной интервенции, настаивал на активном использовании импорта потребительских товаров и вообще товаров крестьянского спроса для поддержания равновесия между спросом и предложением. Он решительно выступал за усиление налогообложения зажиточных слоев населения, видя в этом фактор как смягчения рыночной напряженности, так и ослабления позиций деревенской «верхушки», накапливавшей значительные ресурсы (финансовые и материальные). Не менее важным способом обеспечения сбалансированного роста Г.Я. Сокольников считал рестрикцию кредита – ограничение выпуска в обращение новых платежных средств¹¹⁸.

Строго говоря, в этом же направлении мыслил и В.В. Новожилов, пришедший к принципиально важному выводу о том, что преодоление хозяйственных затруднений невозможно без отказа от администрирования в ценообразовании, без установления цен, балансирующих спрос и предложение¹¹⁹.

При всем различии рассмотренных подходов предпринимались попытки их своеобразного синтеза, использования наиболее рациональных элементов каждого из них. Примером могут служить работы С.М. Киселева. Будучи безусловным сторонником и одним из ведущих теоретиков концепции изживания товарного дефицита путем усиленного кредитования промышленности, он придавал существенное значение и комплексу мер рыночного характера, стимулирующих рост крестьянского производства и, следовательно, положительно влияющих на равновесие. «Мы заготовливаем и экспортируем, а не торгуем с деревней», – писал в конце 1925 года С.М. Киселев и предлагал усилить связь масштабов сельскохозяйственного экспорта (и тем самым товарного фонда продукции деревни) и импорта нужных крестьянам товаров. Более того, он полагал, что импорт дешевых промтоваров создаст необходимые стимулы для снижения внутренних цен – не только промышленных, но и заготовительных. Тем самым удалось бы преодолеть издержки высокой монополизации советского рынка¹²⁰.

Таково положение было в теории. Практическое же преломление в экономической и политической жизни 1925–1926 годов получали различные концептуальные подходы к преодолению товарного дефицита, точнее, отдельные элементы этих подходов. Реализовывалась линия Госплана, находя свое воплощение в росте промышленных инвестиций. Одновременно Г.Я. Сокольников и его сторонники осуществляли меры по регулированию рыночной ситуации: была проведена валютная интервенция, повышен налог на кулака, предпринимались меры по ограничению кредита. Эти линии сталкивались друг с другом, и сто-

¹¹⁷ См.: Шанин Л. Экономическая природа нашего бестоварья // Экономическое обозрение. 1925. № 11. Позиция Л. Шанина получила тогда широкий резонанс, активно обсуждалась в печати.

¹¹⁸ См.: Сокольников Г.Я. Пройденный путь и новые задачи // Вестник финансов. 1925. № 10; Перспективы хозяйственного развития СССР (Контрольные цифры Госплана): Дискуссия // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII. С. 200–205.

¹¹⁹ См.: Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2.

¹²⁰ См.: Киселев С.М. Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1925. № 12. С. 24–26.

ронники каждой из них имели возможность обвинять оппонентов в том, что именно их деятельность мешает проведению объективно необходимой экономической политики и усугубляет положение дел в народном хозяйстве¹²¹. Разумеется, противоречивость политики никогда не идет на пользу. Однако неверно было бы утверждать, что последовательное проведение одной из названных линий дало бы положительный результат в условиях уже господствовавшей в тот период социальной доктрины и экономической идеологии развития советского хозяйства.

Рассмотренные выше пути выхода из «хозяйственных затруднений» базировались на предпосылке существования нормального, хотя и модифицированного, рынка и соответствующего поведения хозяйствующих субъектов при изменении тех или иных рыночных параметров (кредита, валютного курса, цен и т. д.). Между тем ни политические, ни собственно экономические факторы не способствовали формированию таких субъектов – производителей, заинтересованных в долгосрочном и эффективном росте. Сказанное относится, прежде всего, к государственным предприятиям, независимость которых от управленческих органов неуклонно снижалась, так же как и ответственность за результаты своей деятельности.

Это имело последствия двоякого рода. Во-первых, заинтересованные в экстенсивном развитии государственные предприятия безразлично относились к эффективности использования выделяемых им ресурсов – не только бюджетных, но и кредитных, так как обладали реальными возможностями снять с себя ответственность или путем апелляции к вышестоящим органам (которые могли «надавить» на строптивых «банкиров»), или путем повышения цен (тогда расплачиваться по долгам предприятия приходилось потребителю). По мере завершения восстановительного периода инвестиционные ресурсы использовались все с меньшей отдачей. Во-вторых, предприятия как субъекты «высшей» формы собственности, как звенья гигантской государственной монополии могли выступать на рынке в качестве монополистов. Поэтому они не стремились ни к повышению качества своей продукции, ни к снижению издержек производства, ни к рациональному использованию капитальных вложений. Кстати, в этих условиях вряд ли могла сыграть свою стимулирующую роль и та умеренная инфляция, о которой писал В.В. Новожилов: монополист имеет весьма слабые рыночные ограничения для повышения цен на собственную продукцию.

Вполне очевидно, что сложившаяся ситуация отнюдь не благоприятствовала преодолению товарного голода путем расширенного кредитования промышленности. Однако она создавала непреодолимые барьеры и курсу на равновесный, сбалансированный рост всего народного хозяйства. Низкая эффективность функционирования промышленности, экстенсивный характер ее расширенного воспроизводства требовали значительного перераспределения накоплений из других секторов экономики. В условиях низкой рентабельности многих отраслей индустрии и государственной монополии на ее организацию практически исключались возможности рыночного перелива капитала и концентрации его в этой сфере. Становилось неизбежным принудительное изъятие ресурсов в пользу промышленности (через цены, налоги и т. д.)¹²². Это, естественно, не могло не подрывать стимулы роста и сельскохозяйственного производства. Одновременно большая доля ресурсов обрекалась на нерациональное использование, что делало ситуацию перенакопления перманентной.

¹²¹ Правда, осенью 1926 года товарный голод несколько ослаб. Но улучшение ситуации на товарном рынке оказалось весьма кратковременным и в значительной мере связанным с конъюнктурными факторами.

¹²² Невозможность нормального межотраслевого перелива капитала не оставалась незамеченной экономистами 1920-х годов. Но априорное рассмотрение крупных государственных предприятий как наиболее передовых приводило к выводу, что путь капитальным ресурсам из других секторов прегражден разнотипностью форм собственности – государственной и частной (См. например: О проблеме диспропорции и темпе хозяйственного развития в СССР // Вестник Коммунистической академии 1926. Кн. XVI. С. 233–234). Впрочем, тут был «схвачен» важный момент: монополия государства на подавляющую часть предприятий промышленности, особый режим их функционирования действительно разрывал целостность народнохозяйственного организма, лишая его необходимой гибкости и подвижности.

Социально-экономический курс, нацеленный на административное вытеснение и налоговое удушение частного сектора (под демагогическими предложениями борьбы с эксплуатацией и спекуляцией), также отнюдь не способствовал преодолению товарного дефицита. Эффективное крестьянское хозяйство зачислялось в разряд кулацких со всеми вытекающими отсюда последствиями. Еще активнее велось наступление на частника в городе. Возможности производственного накопления и применения капитала в этих секторах существенно ограничивались.

Перечисленные факторы обусловили и неэффективность политики регулирования сферы обращения, проводившейся Народным комиссариатом финансов. Провалилась валютная интервенция: поглотив значительные запасы золота и иностранной валюты, она не смогла удержать курс червонца. Причиной этого во многом явились усиление политической нестабильности, попытки решения проблемы дефицита административным путем – ограничение частного капитала, который устремился на рынок ценных бумаг и валюты. Идеологизация экономической жизни не могла не сказаться отрицательно и на попытках действия через налоговую систему. Усиление обложения деревенской «верхушки» оказало дестимулирующее воздействие на крепкие крестьянские хозяйства, которые характеризовались наибольшей товарностью. Одновременное снижение налога на беднейшие слои деревни сделало экономически бессмысленной первую акцию: покупательский спрос не был ослаблен, лишь еще более усилилось его давление на потребительские товары. Ориентация на бедняка как на опору Советской власти давала наглядные хозяйственные результаты. Противоречивость задачи экономического роста и социальных (точнее, доктринальных) ограничений выступала как непреодолимый фактор при поиске путей выхода из трудностей.

Отсутствие экономических механизмов, способных обеспечить сбалансированность и динамичное развитие народного хозяйства, делало неизбежным повышение роли административно-директивного начала в планировании в ущерб регулированию на основе поддержания постоянного равновесия хозяйственной системы.

Тупиковый характер мер по нормализации экономической жизни не мог остаться незамеченным. В 1926 году появляются отдельные публикации, авторы которых, отрицая эффективность административных решений, не только предлагают комплекс экономических мероприятий, но и ставят вопрос об осуществлении важных социально-экономических преобразований как условия результативности намечаемых мер.

Наиболее яркий пример в этом отношении представляет собой статья Я.Х. Репше «Наши экономические проблемы»¹²³. Автор соглашается с тем, что необходимы централизованные меры, включающие и соответствующую кредитную политику, обеспечивающую сбалансированный рост промышленности, и рыночное регулирование, и балансирующие спрос и предложение цены. Но положительный результат они дадут лишь в том случае, если не будут идти «вразрез с реальной установкой наших хозяйственных организаций и их движущими силами». Нужны серьезные изменения в самом механизме хозяйствования, доказывал Я.Х. Репше, в направлении решительного отказа от прямого административного вмешательства в процесс производства и обмена товаров. И, прежде всего это касается государственных предприятий, статус которых не может служить основанием для игнорирования их прав и интересов вышестоящими органами управления.

Подчеркивая принципиальную несовместимость директивного руководства и хозрасчета, Я.Х. Репше ставил задачу «перехода от административного к экономическому планированию»: «Каждая хозяйственная организация должна быть поставлена в такие эконо-

¹²³ Надо отметить, что позиции Я.Х. Репше и В.В. Новожилова были близки. Недаром на них тут же обрушилась уничтожительная критика с политическими ярлыками (см.: *Ковалевский Н.А.* Назад, к капитализму // Плановое хозяйство. 1926. № 5). Оба последовательно придерживались рыночной логики функционирования народного хозяйства. Однако Я.Х. Репше сделал в своей работе еще один шаг – поставил вопрос об условиях реальности рынка в советской системе.

мические условия, чтобы, руководствуясь исключительно своей выгодой, она выполняла волю народного хозяйства». Экономическое принуждение эффективнее административного, а там, где первое само по себе не действует, государство должно создать соответствующую систему рычагов, позволяющую согласовывать интересы целого и отдельных его частей. Преодоление же администрирования должно быть доведено до логического результата – отказа от линии на создание юридических предпочтений одних форм собственности по отношению к другим при заключении хозяйственных сделок (например, обязательности государственных трестов реализовывать продукцию потребительской кооперации на менее выгодных условиях, чем частному торговцу)¹²⁴.

Однако к преобразованиям такого рода политические руководители страны не были готовы, а резкая отповедь, последовавшая вскоре после публикации статьи Я.Х. Репше, также не способствовала углублению анализа в этом направлении. В крайнем случае ограничивались тезисом о неотработанности хозяйственного механизма советского общества, не позволяющего пока тонко регулировать спрос и предложение¹²⁵ (не говоря уже о том, что начали появляться и прямо апологетические высказывания о целесообразности превышения спроса над предложением).

Итак, товарный голод, выявив глубокие внутренние пороки складывавшейся хозяйственной системы, фактически уже в середине 1920-х годов поставил страну перед выбором: или углубление нэпа в направлении последовательной реализации социально-экономических принципов функционирования рыночного хозяйства, охватывающего все субъекты производственных отношений (как в сельском хозяйстве, так и в промышленности), или выход за рамки нэпа, радикальное изменение логики хозяйственной жизни – утверждение административной системы. Она не решала проблемы дефицита, но в тех условиях обеспечивала определенную стабильность, поскольку давала возможность игнорировать задачу обеспечения экономической сбалансированности. Попытки же устранения возникших противоречий, сохраняя в основном существующую систему «ортодоксального нэпа» путем совершенствования «государственного хозяйственного механизма нэпа»¹²⁶, повышения качества экономической системы без глубоких изменений в отношениях собственности (адекватных рынку или администрированию), были обречены на провал.

Прошедшие десятилетия подтвердили, что дефицит в нашем хозяйстве не является следствием субъективных ошибок и временных трудностей. Иррациональность механизма согласования интересов субъектов экономической жизни, обусловившая несбалансированность всего воспроизводственного процесса, не может, как показала практика, не породить товарного голода. Меняются лишь масштабы этого явления. Преодоление же его невозможно без коренных преобразований в фундаментальных принципах функционирования всего хозяйственного строя.

¹²⁴ См.: Репше Я.Х. Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 118, 113, 119.

¹²⁵ См.: Базаров В.А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 99.

¹²⁶ Слова Г.Я. Сокольникова на выступлении в Комакадемии. (См.: Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII. С. 204.)

Бюрократизм и плановое хозяйствование: исследования первого послереволюционного десятилетия¹²⁷

Экономическая сущность социализма, фундаментальные черты организации социалистического народного хозяйства и потенциальная эффективность их практической реализации являются на протяжении длительного исторического периода сферой острого столкновения между учеными-марксистами и их буржуазными оппонентами. Способна ли основанная на общественной собственности на средства производства система централизованного планового хозяйствования обеспечить динамичное развитие экономики в интересах всех членов общества? Этот вопрос был и остается в центре дискуссии. Способна, так как позволяет обеспечить единство действий, концентрацию усилий на решении важнейших задач социально-экономического развития страны, считают одни. Не способна, утверждают другие, в силу неизбежной бюрократизации этой системы, в которой централизованным планом, позволяя достичь определенных положительных результатов в чрезвычайных обстоятельствах, в нормальных условиях сковывает инициативу, активность, предприимчивость, нейтрализует хозяйскую мотивацию субъектов. Накал полемики практически никогда не ослабевал: эти вопросы действительно являются принципиальными. Но по той же причине представители обеих сторон нередко подменяли научный анализ постулированием апологетических догм, игнорирующих реальные общественные процессы.

Между тем проблема бюрократизма в советской системе вообще, как и непосредственно связанная с ней проблема бюрократизации планового хозяйствования, привлекла внимание партийного руководства и партийных идеологов уже в начальный период существования новой власти. В многочисленных публикациях того времени содержится богатый и интересный материал, отражающий постановку и развитие различных позиций по вопросу о корнях советского бюрократизма и путях борьбы с ним.

Это была новая проблема, порожденная практикой осуществления революционных преобразований. В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, в дооктябрьских работах В.И. Ленина содержатся многие общие постановки, имеющие большое значение для последующего развития научного анализа этого феномена. Как основоположники марксизма, так и их единомышленники неоднократно подчеркивали противоположность коммунизма и бюрократизма, преодоление последнего с утверждением нового способа производства со свойственной ему системой народного самоуправления. Демократизация, подконтрольность всего процесса хозяйственной и политической жизни трудящимся рассматривались как основное условие преодоления бюрократизма, без чего, в свою очередь, невозможно успешное осуществление задач диктатуры пролетариата. Еще в 1897 году В.И. Ленин писал в этой связи: «Отсталости России и ее абсолютизму соответствует *полное бесправие* народа перед чиновничеством, *полная* бесконтрольность привилегированной бюрократии. В Англии есть могучий контроль народа над

управлением, но и там этот контроль *далеко не полон*, и там бюрократия сохраняет немало привилегий, является нередко господином, а не слугой народа. И в Англии мы видим, что сильные общественные группы поддерживают привилегированное положение бюрократии, препятствуют полной демократизации этого учреждения. Отчего это? Оттого, что *полная* демократизация его лежит в интересах одного лишь пролетариата...»¹²⁸.

¹²⁷ Опубликовано в: Вопросы экономики. 1989. № 12.

¹²⁸ Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов // Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 2. М.: Политиздат, 1967. С. 455–456.

В том же направлении вели теоретический поиск и другие исследователи-марксисты. Так, подчеркивая тесную взаимосвязь диктатуры пролетариата с демократизацией общественной жизни, несовместимость авторитарных отношений с социализмом, В.А. Базаров писал: «...Укрепление авторитарных форм, развитие *бюрократического* управления означает торжество рутинности, застойность раз сложившихся форм хозяйственной деятельности. Эта последняя в свою очередь кладет препоны развитию производительных сил труда. Между тем в социалистическом строе в непрерывном повышении производительности труда *каждого* работника заинтересованы *все* без различия члены общества»¹²⁹.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала политические условия для решения программных задач радикального социально-экономического переустройства России. Главной экономической задачей диктатуры пролетариата было построение централизованного планового хозяйства, отрицающего эксплуатацию человека человеком и функционирующего в интересах широких трудящихся масс. В этих целях уже в первые послереволюционные месяцы был осуществлен ряд крупных мероприятий по внедрению новых организационных принципов руководства народным хозяйством. Национализация капиталистической частной собственности сопровождалась усилиями по созданию единого центра, руководящего развитием всего обобществленного хозяйства, разрабатывающего программы развития его отдельных отраслей и всей страны. В этой же связи ставилась задача создания «везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих, по возможности, все производство и все распределение продуктов...»¹³⁰.

Отсутствие опыта социалистического строительства в условиях начавшейся гражданской войны оказало существенное влияние на характер и формы реализации поставленных задач. Осуществление преобразований, нацеленных на достижение планомерности и централизма в народном хозяйстве, на организацию его по типу «единой фабрики», привело на практике к пышному расцвету бюрократизма во всех сферах жизнедеятельности Советской республики. Рассмотрим вкратце некоторые характерные черты сложившейся тогда хозяйственной системы.

Прежде всего необходимо отметить чрезвычайную централизацию управления производством, которая (в промышленности) сосредоточивалась в главках, центрах и производственных отделах ВСНХ. Всего в 1920 году насчитывалось 52 главка, 13 производственных и 8 «смешанных» отделов, которым подчинялись отдельные отрасли промышленности. Система управления была многоступенчатой. Главки представляли собой вертикальные, организационно не объединенные и слабо согласованные друг с другом образования, которые соединялись лишь в самом верхнем звене – центральном аппарате ВСНХ. Низовые организации (предприятия), практически полностью лишённые права принимать самостоятельные решения, были вынуждены по большинству вопросов «подниматься» по всем ступеням иерархической лестницы до вершины главка, затем «опускаться» и вновь «подниматься» до вершины другого главка или центра и т. д. Естественная в подобных условиях бюрократическая волокита усиливалась тем, что главки и центры не могли сколько-нибудь квалифицированно решать все вопросы, которые местные хозяйственные органы должны были с ними согласовывать. Не имея возможности знать реальное положение дел на местах, они предпочитали отмалчиваться, чтобы лишний раз не проявлять свою некомпетентность. Многоступенчатость плано-распорядительных органов не могла компенсировать эти недостатки, но лишь закрепляла бюрократическую систему. То тут, то там возникали абсурдные ситуации, свидетельствовавшие об углублении деформаций в экономике. Весьма показателен в этом

¹²⁹ Базаров В.А. Анархический коммунизм и марксизм. СПб., 1906. С. 182.

¹³⁰ Ленин В.И. Чрезвычайный Всероссийский съезд советов 14–16 марта 1918. Резолюция о ратификации Брестского договора // Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1974. С. 122.

отношении пример, приводившийся на IX съезде партии: на Урале «в одной губернии люди едят овес, а в другой, соседней, лошади едят пшеницу, и губпродком не имеет права перебросить пшеницу из одной губернии в другую, обменять пшеницу на овес, хотя от этого не было бы ущерба планам Наркомпрода...»¹³¹.

Курс на упрочение централизованного руководства деятельностью низовых звеньев на практике воплощался в стремлении всеобъемлющего жесткого регламентирования из центра распределения по потребителям основной массы (в идеале – всех) продуктов производственного и непроизводственного назначения, включая продукцию мелких местных предприятий, остающуюся в ведении губсовнархозов. Фактически планирование оказалось сведенным к централизованному распределению, причем многие видели в этом неотъемлемую черту, если не существо, планового хозяйствования, но отнюдь не крайнюю меру, вынужденную чрезвычайными обстоятельствами гражданской войны. Именно поэтому на определенном этапе становления хозяйственной системы возникла при ВСНХ Комиссия использования, которая мыслилась первоначально как единый плановый орган для всей промышленности, определяющий потребности предприятий в том или ином виде продукции, формирующий соответствующие задания производителям и распределяющий готовые изделия по потребителям с учетом народнохозяйственных приоритетов (распределение продуктов питания находилось в ведении Наркомпрода).

Практическая невозможность реализации данного замысла привела к возникновению большого числа плановых (реально – распределительных) органов, каждый из которых ведал какой-либо относительно узкой группой продуктов. К концу 1920 года в стране насчитывалось 59 органов, устанавливающих в общегосударственном масштабе хозяйственные планы, обязательные для всех ведомств (включая комиссариаты), органов в основном междуведомственных и, как писал Ю. Ларин, «не объединяемых никакой системой, никаким единством программы, нагромоздавшиеся друг около друга просто в порядке исторической конкретной случайности»¹³². Тенденция их возникновения прослеживалась совершенно отчетливо: для выработки плана по обеспечению хозяйства какой-то нужной продукцией создавался соответствующий орган, который, как правило, становился междуведомственным, поскольку данная продукция нужна различным ведомствам¹³³. В результате лишь усиливалась несогласованность в обеспечении предприятий технологически взаимосвязанными видами ресурсов, но распределяемыми разными комиссиями: необходимый продукт мог быть дефицитен на одном предприятии при его относительном избытке на другом. Бюрократизм с чисто экономической точки зрения становился фактором воспроизводства диспропорциональности в хозяйственной жизни страны.

Все это, вместе взятое, означало бюрократизацию планового хозяйствования, то есть отчуждение аппарата управления от реального хозяйственного процесса и широких масс трудящихся от возможности активно влиять на его организацию, что, в свою очередь, вело к зарождению идеологии планового фетишизма с типичным для него представлением о том, что главное для решения возникшей проблемы – разработать соответствующий план. Составление «наверху» разнообразных планов и программ, выполнявшихся обычно на 5-10 %, при одновременном падении инициативы «низов» (непосредственных производителей

¹³¹ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1960. С. 104.

¹³² Ларин Ю. 59-головая гидра // Экономическая жизнь. 1920. № 252. С. 1.

¹³³ Характерным примером было создание пресловутой организации «чеквалап» (Всероссийской чрезвычайной комиссии по валенкам и лаптям), которая имела целью выработку и осуществление плана заготовки и распределения валенок и лаптей. «А так как общей системы... еще не могло быть, то, чтобы за одни валенки не хватался каждый государственный орган, которому они нужны... то и самый „чеквалап“ неизбежно приходилось строить в качестве междуведомственного. Раз народившись, он начинал затем почковаться, покрывал всю Россию „губчеквалапами“ и сам уже начинал посылать представителей в новые междуведомственные комиссии, продолжавшие нагромождаться друг на друга по разным конкретным поводам. Так и народилось постепенно наше „всероссийское чеквалапство“» (Ларин Ю. 59-головая гидра).

лей), их незаинтересованность в результатах своего труда¹³⁴ были, пожалуй, наиболее опасными проявлениями бюрократизма.

Нарастание волны бюрократизма сразу же получило отражение в партийной литературе. В ней содержатся первые попытки вскрыть корни этого явления, наметить какие-то способы борьбы с ним. Так, В. Милютин, рассматривая вопросы «правильного конструирования аппарата экономического управления», писал: «Наиболее важная, существенная задача состоит в том, чтобы сделать этот аппарат органически спаянным с пролетарскими массами, лишить его бюрократического характера, поставить его так, чтобы рабочая масса была хозяином его работы, участвовала бы в ней. Опыт показал, что советские организации зачастую легко превращаются в бюрократические, проникнутые чиновничьим духом учреждения, с обычной для последних оторванностью от жизни, бумажной волокитой и чисто ведомственными интересами»¹³⁵.

VIII съезд партии, определяя бюрократизм как «чужеродный элемент» советской системы, связанный с низкой культурой широких масс, отсутствием у них опыта управления, с необходимостью привлекать в аппарат старых чиновников, предложил ряд организационно-политических мер, среди которых: орабочивание управленческих центров, привлечение всех членов Советов к выполнению определенной управленческой работы, постепенное вовлечение в нее всего населения, регулярные встречи коммунистов со своими избирателями, посещение ими заводов, выполнение в своем районе партийной работы и т. д.

На IX съезде РКП(б) отмечалась неэффективность антибюрократической деятельности, анализировались, хотя и в общих чертах, экономические проблемы бюрократизма. Его преодоление связывалось с усилением гибкости и изменением оргструктуры аппарата, отходом от сверхцентрализации главкизма. Острота постановки этой проблемы в рассматриваемый период ярко проявилась в ленинских «Замечаниях к проекту тезисов Троцкого „Очередные задачи хозяйственного строительства“»: «Борьба против спекуляции и волокиты, а равно и бюрократизма должна быть поставлена на первый план»¹³⁶. И такая постановка совершенно понятна, поскольку за годы «военного коммунизма» проблемой бюрократизма был, по сути дела, поставлен вопрос о способности новой власти обеспечить эффективное руководство обществом как в политической, так и в экономической сферах. О глубине и сложности этой проблемы свидетельствуют и данные о социальной структуре партии на начало 1920-х годов: 50 тыс. рабочих в производстве, 100 тыс. рабочих, занятых в государственных, профессиональных и партийных органах, 200 тыс. представителей крестьянства и интеллигенции¹³⁷. Аппарат управления составил к этому времени 1–1,5 млн человек. Рабочие, приходившие в аппарат для его деобюрократизации, лишь «перемалывались» им, интегрировались в его системы, что вело к усилению этого аппарата, к углублению разрыва между ним и непосредственными производственными ячейками.

Довольно типичный для периода «военного коммунизма» подход к пониманию причин расцвета бюрократизма в народном хозяйстве Советской России содержится в работах Л.Д. Троцкого, относящихся к 1920 году¹³⁸. Для него характерны две предпосылки. Во-первых, отождествление бюрократизма с профессиональным управлением и отсюда – выдвиг-

¹³⁴ «Падение всякой инициативы у работников на местах, бюрократическая „волокита“, зависимость в смысле снабжения всеми средствами производства от центра, невозможность влиять на центр, естественно, должны были вызвать реакцию на местах, сказавшуюся в падении интереса к своему делу», – писал о том периоде Н.В. Святицкий (Организация российской государственной промышленности. М., 1924. С. 6).

¹³⁵ Милютин Вл. Экономическая программа коммунистов // Народное хозяйство. 1919. № 4. С. 4.

¹³⁶ Ленин В.И. Замечания к проекту тезисов Троцкого «Очередные задачи хозяйственного строительства» // Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 40. М.: Политиздат, 1974. С. 190.

¹³⁷ См.: Крицман Л. Три года новой экономической политики пролетариата СССР. М., 1924. С. 38.

¹³⁸ См.: Троцкий Л. Путь к единому хозяйственному плану // Экономическая жизнь. 1920. № 251, 252, 253.

жение задачи ликвидации его плохих сторон (волокиты, формализма) и усиление хороших (к которым относились точная иерархия взаимоотношений, выработанные долгой практикой приемы работы и др.). Во-вторых, признание недостаточности объяснения этой проблемы исключительно влиянием буржуазных специалистов, попытка выявить ее более глубокие корни.

Причину бюрократизма Л.Д. Троцкий видел, прежде всего, в отсутствии единого хозяйственного плана, который давал бы соответствующий ориентир работе ведомств: «... Единство аппарата, при отсутствии хозяйственного плана и необходимых для него условий, не могло не породить опасность удушающего бюрократического централизма». Обращалось также внимание на подавление инициативы местных органов из-за отсутствия в хозяйственной жизни необходимых организационных предпосылок и соответствующего законодательства. Несовершенство организационной структуры делало неизбежной волокиту, в результате чего местные органы постоянно стояли перед дилеммой – решать возникающие вопросы оперативно, но в обход законодательства, или по закону, но при длительных согласованиях. Вынужденное балансирование между волокитой и самоуправством рассматривалось как результат несоответствия между фактической хозяйственной работой, государственным аппаратом и декретом.

Объясняя бюрократизацию экономической жизни отсутствием единого хозяйственного плана, несовершенством сложившейся системы управления и действующего законодательства, Л.Д. Троцкий квалифицировал это явление как «острую болезнь роста», которую нельзя побороть лишь усилением деятельности рабоче-крестьянской инспекции, поскольку речь должна идти «вовсе не об изобличении и пресечении, а о построении правильно и согласованно действующей хозяйственной организации на новых началах». В качестве необходимого условия решения этой проблемы рассматривалось, во-первых, усиление органов междуведомственного регулирования производства и создание единого центра (единого аппарата), вырабатывающего единый хозяйственный план. Во-вторых, перераспределение функций хозяйственного управления путем передачи ряда функций областным и местным органам, расширение их самостоятельности в целях повышения гибкости аппарата управления. В-третьих, усовершенствование хозяйственного законодательства, отражение в нем соответствующих изменений в организации управления.

Оценивая подобные предложения, выдвигавшиеся различными авторами на рубеже 1920-1930-х годов, можно заметить, что борьба с бюрократизмом связывается в них с осуществлением ряда мер почти исключительно организационного характера. Стремление решать экономические проблемы с помощью лишь организационных изменений в системе управления было весьма типично для периода «военного коммунизма» и, пустив тогда глубокие корни, регулярно и настойчиво заявляло о себе на всех последующих этапах развития страны. Между тем проблема бюрократизации планового хозяйствования отнюдь не являлась чисто управленческой (организационной). Она была в первую очередь социально-экономической, то есть требовала анализа реальных производственных отношений, объективно обусловленных данным этапом развития общества, и осуществления глубоких преобразований в характере взаимодействия субъектов этих отношений, в механизме мотивации – словом, требовала коренной перестройки хозяйственной системы, сложившейся за годы «военного коммунизма». Борьба с бюрократизмом уже тогда не могла быть эффективной на путях изменения функций органов управления и перераспределения прав между различными «этажами» управленческой иерархии, поскольку оно (перераспределение прав) не затрагивало экономического положения непосредственных производителей (рабочих и их коллективов, крестьянских дворов и других) как реальных субъектов производственных отношений, не вносило изменений в механизм реализации их интересов, тогда как именно интересам непо-

средственных производителей в наибольшей мере присуща антибюрократическая направленность.

* * *

Переход к новой экономической политике явился поворотным пунктом в процессе становления советской общественной системы. В этот период происходит и резкая активизация научного поиска, складываются и оформляются различные направления в исследовании и оценке накопленного опыта осуществления революционных преобразований, в понимании роли и задач современного этапа (нэпа) и дальнейших перспектив развития советской экономики. В непосредственной связи с ответом на эти вопросы рассматривалась тогда и проблема бюрократизма. Анализ экономической литературы начала 1920-х годов позволяет проследить формирование двух принципиальных подходов к пониманию тенденций социалистического строительства и соответственно к изучению бюрократизма. Рассмотрим эти два подхода более подробно.

Один из них отражает в основном развитие тех представлений о социализме, которые получили практическое воплощение в эпоху «военного коммунизма». Наиболее последовательно и целостно он представлен в работах Л.Н. Крицмана, активно участвовавшего в организации советского народного хозяйства в первые послереволюционные годы и анализировавшего этот опыт в своих многочисленных статьях и книгах.

В основе его анализа лежала оценка экономики «военного коммунизма» как первой попытки практического осуществления коммунистических принципов организации хозяйственной жизни, как первого, грубого наброска будущего коммунистического хозяйства, как «*предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее*»¹³⁹. Высокая степень централизации руководства экономикой, жесткая отраслевая (вертикальная) иерархия как принципиальная черта организации производства, формирование отраслевых государственных монополий, отсутствие самостоятельности низовых звеньев, натурализация хозяйственных связей и обеспечение на этой основе их планомерного характера – таковы в рассматриваемой модели неперенные атрибуты высокоорганизованной экономики будущего, преодолевающей анархию рыночного хозяйства, где действует множество самостоятельных субъектов. На место рыночной стихии приходит планомерность, при которой действия отдельных ячеек перестают определяться ими самими, «общественное разделение труда сменяется по всей линии техническим», в результате чего «общественное хозяйство в целом становится сознательным, ведется по определенному расписанию, по установленному наперед плану»¹⁴⁰. План, представляющий собой расписание того, «кто (т. е. какой орган), что и в каком размере должен производить», отрицает личную инициативу (и фактически личный интерес) как категорию мелкотоварного хозяйства¹⁴¹.

Практическая реализация подобной системы натурально-планомерного централизма как прообраза будущих производственных отношений сразу же встретила резкое противодействие реальных условий хозяйственной жизни, которое Л.Н. Крицман объяснял неподготовленностью почвы предшествующим строем (капитализмом), выразившимся в недостаточном развитии крупной индустрии, и сохранением существенной роли мелкого производства как в промышленности, так и особенно в сельском хозяйстве. Попытки включения мелкого производства в жестко централизованную систему повлекли «сопротивление материала», выразившееся в падении производительных сил и повлекшее за собой

¹³⁹ Крицман Л. Героический период великой русской революции. М.: Госиздат, 1925. С. 75.

¹⁴⁰ Крицман Л. Героический период... С. 115.

¹⁴¹ См.: там же. С. 115, 143.

серьезные извращения внутренних отношений самой «пролетарско-натуральной системы», прежде всего бюрократизм¹⁴².

Анализируя корни этого явления, Л.Н. Крицман особо выделял следующие моменты. Во-первых, увлечение формальной стороной обобществления, выход его за пределы крупного хозяйства, что вело к перегрузке системы управления и делало «невозможной действительную не бумажную только связь с отдельными хозяйственными единицами, вынуждавшей потому к чисто бумажному подходу к делу уже в силу одного чрезмерного обилия дел и невозможности их разрешить на основе интимного знакомства с ними, на основе детального анализа каждого из них»¹⁴³. Во-вторых, выход революции за пределы непосредственно стоящих перед ней задач, создание новой хозяйственной системы при сохранении еще многих старых организационно-политических структур, несоответствие между задачами нового государственного аппарата и его личным составом, включающим большей частью буржуазную интеллигенцию, старых специалистов с их «бумажным отношением к делу и невнимательностью и неприязнью к простому люду»¹⁴⁴. В-третьих, низкая общая культура основных масс населения – и управляющих, и управляемых.

Итак, главный вывод, который следует из всей логики этого анализа: причины бюрократизма, равно как и других извращений, кроются не в самих тенденциях хозяйственной системы «военного коммунизма», а в условиях их осуществления. Новая экономическая политика является вынужденным отступлением, и перспектива строительства социализма связана с созданием необходимых условий для возвращения к принципам организации хозяйственной жизни, первый опыт реализации которых был осуществлен в 1918–1920 годах.

Принципиально иной подход к анализу проблемы бюрократизма в плановом хозяйстве содержится в работах А.М. Кактыня, А.М. Гинзбурга, В.А. Базарова, В.Н. Сарабьянова и ряда других исследователей 1920-х годов. Не привнесенные откуда-то извне извращения изначально прогрессивной системы централизованного хозяйствования первых послереволюционных лет, но тип централизма, анализ его внутренней логики прежде всего интересуют названных авторов. В их работах ведется поиск такого механизма, в котором централизованное планирование органически сочеталось бы со всемерным развитием инициативы, творческой активности и личной заинтересованности хозяйствующих субъектов.

Объективный, беспристрастный анализ позволял сделать вывод, что факт победы пролетарской революции и утверждения государства диктатуры пролетариата сам по себе не является достаточным условием, позволяющим избежать ряда отрицательных черт, которые были свойственны и капиталистическому государственному хозяйству «Ахиллесовой пятой государственного хозяйства до сих пор всегда и везде была склонность к бюрократизму и чрезмерной централизации. Преодоление этой тенденции составляет одну из важнейших проблем управления государственной промышленностью... – писал А.М. Гинзбург. – Основной принцип хозяйственной деятельности – экономия труда – может быть проведен с наибольшим успехом в жизнь там, где оставлен достаточный простор для личной заинтересованности... Сосредоточив в своих руках чуть не все производительные силы страны, советское хозяйство должно было найти такие формы управления, которые обеспечили бы, наряду с единством и планомерностью руководства, максимальную свободу хозяй-

¹⁴² «Попытка вовлечения мелкого хозяйства в пролетарско-натуральную систему хозяйства, создавая подпольный рынок, не только непрерывно разъедала эту систему, превращая ее работников при помощи взяток в агентов подпольного рынка, она приводила к извращению и внутренних отношений этой системы. Основным извращением внутренних отношений пролетарско-натурального хозяйственного строя является его бюрократизм» (Крицман Л. Героический период... С. 143).

¹⁴³ Крицман Л. Героический период... С. 143

¹⁴⁴ Там же. С. 145.

ственного творчества. Но эта задача могла быть не только разрешена, а даже осознана лишь в результате длительного тяжелого опыта»¹⁴⁵. Под *длительным* и *тяжелым* опытом функционирования подобного государственного хозяйства подразумевались прежде всего три года «военного коммунизма», система которого с этих позиций рассматривалась как «бюрократический путь к социализму», приведший к кризису начала 1921 года. «Историкам в свое время придется разрешить вопрос о том, насколько правилен был вообще наш бюрократический путь перехода к социалистическим формам управления хозяйством, теоретически совершенно несовместимым с подобным бюрократизмом», – так ставил вопрос А.М. Кактынь в своей работе 1922 года¹⁴⁶.

Что же делать? Каковы те экономические условия, при которых централизм и плановость не ведут к бюрократизации и застою? Как, опираясь на преимущества общественной собственности на средства производства, обеспечить максимальное развитие личного творчества, инициативы, приспособления к окружающей среде, то есть реализовать те качества, которые, по мнению некоторых теоретиков, являлись исключительными чертами частной собственности? Политический ответ был сформулирован основоположниками марксизма – переход власти в руки самих трудящихся создает условия для решения этой задачи. Жизнь потребовала ответа непосредственно в хозяйственной сфере.

И принципиальный ответ был дан: в основе хозяйственной системы социализма должны лежать не административные, а экономические методы управления. Это не модернизация терминологии. Именно так ставил вопрос А.М. Кактынь, и именно в этом, а не во временном отступлении, не в допущении капиталистических элементов видел он глубинную сущность ленинской новой экономической политики, определяющей закономерный характер нэпа на пути строительства развитой социалистической системы народного хозяйства. «Новая экономическая политика выдвигает в противовес прежним, преимущественно *административным* методам регулирования (управления) хозяйством, методы *экономические*, испытанные на опыте финансового капитала в передовых капиталистических странах»¹⁴⁷. Совпадение же эволюции с действительным усилением роли капиталистических элементов, писал далее А.М. Кактынь, «отнюдь не должно приводить нас к выводу, что эти экономические формы и методы регулирования хозяйства свойственны лишь капитализму и что социализм... может производить это регулирование лишь самым грубым административно-бюрократическим способом, подавляя всякую частную инициативу и т. д. Такое мнение было бы величайшим заблуждением или тенденциозной подменой настоящего развитого социализма первыми грубыми, неразвитыми, извращенными войной зачатками его»¹⁴⁸.

Отказ от главкистской централизации хозяйственной жизни, ликвидация «карточно-плановой» системы снабжения, обеспечение на деле широких прав трестов, последовательное внедрение хозяйственного расчета, усиление роли действительно общехозяйственных, а не ведомственных органов управления (СТО, Госплан, Госбанк), преодоление внутри них самих ведомственных тенденций – осуществление этих преобразований рассматривалось в качестве важнейших шагов на пути к социалистическому хозяйству, чуждому бюрократизму¹⁴⁹.

¹⁴⁵ Законодательство о трестах и синдикатах / А.М. Гинзбург (ред.). М.: Изд-во ВСНХ, 1926. С. LIV–LV.

¹⁴⁶ Кактынь А. Очерки по организации народного хозяйства. М., 1922. С. 14.

¹⁴⁷ Там же. С. 22.

¹⁴⁸ Там же. С. 29.

¹⁴⁹ Антибюрократическая направленность подобных мер наглядно подтверждается неоднократно отмечавшимся в литературе 1920-х годов сильным противодействием, которое испытывало осуществление многих мероприятий НЭПа со стороны молодого, но уже сплоченного бюрократического аппарата.

Вопрос о предотвращении бюрократизации планирования, со всей остротой поставленный в то же самое время В.И. Лениным¹⁵⁰, занимал особое место в исследованиях рассматриваемых авторов, что было совершенно естественно при учете роли планового хозяйствования в построении нового, социалистического общества. Проблема эта ставилась достаточно широко. С одной стороны, имелось в виду достижение такой системы планирования, которая сама по себе могла бы быть фактором, противодействующим бюрократическим тенденциям в централизованном народном хозяйстве, где в руках государства, его аппарата управления сосредоточена огромная власть. С другой стороны, шел поиск и отработка таких механизмов функционирования экономики, которые не допускали бы бюрократизации самого плана, способствовали бы повышению его действенности. Комплексный подход, стремление к анализу различных и вместе с тем тесно взаимосвязанных сторон выгодно отличают эти работы от публикаций последующих периодов, когда проблема бюрократизации планирования была фактически сведена к отдельным организационным или субъективным упущениям, к недостаточному знанию плановиками непосредственной хозяйственной жизни, к недоучету ими предложений и инициатив трудящихся.

В последовательном осуществлении принципов новой экономической политики исследователи видели путь укрепления реального, небюрократического и потому действенного централизованного планирования. Именно тогда был выдвинут тезис о взаимосвязи децентрализации управления и укрепления централизма в планировании. Разумеется, понимание сущности последнего принципиально отличалось от представлений, опиравшихся на практику «военного коммунизма». Трактовке планирования как «административных расписаний и предписаний», заранее определяющих параметры работы всех ячеек народного хозяйства, противопоставлялись регулирование в народнохозяйственных интересах деятельности самостоятельных предприятий, создание условий для достижения определенных народнохозяйственных целей. Лишь возможность самостоятельного принятия решений при полной экономической ответственности создает условия для широкого развития инициативы самих трудящихся и не позволяет плану превратиться в оторванный от реальных потребностей бюрократический документ, стоящий на пути прогрессивных хозяйственных акций. «Плановое начало, – писал А.М. Гинзбург, – ...ни в коем случае нельзя представлять себе как совокупность разработанных схем, которые во что бы то ни стало должны быть навязываемы жизни... Составление и утверждение хозяйственных планов не должно убивать хозяйственную самостоятельность тех первичных ячеек, которые призваны проводить план в жизнь... Если производственная программа промышленности осуществляется независимо от конкретного состояния рынка сырья или от колебаний сбыта, то это часто дает гораздо более отрицательные результаты, чем неисполнение производственной программы в заданном объеме. Лишенные оперативной самостоятельности, низшие хозяйственные органы вынуждены были бы по всем поводам, и существенным, и несущественным, апеллировать к вышестоящим и строить работу не на основании реального опыта жизни, а на основе часто нежизненных схем, предписываемых сверху. Если бы работа низших ячеек во всех ее деталях была поставлена в зависимость от разрешения центральных органов, последние оказались бы загруженными сверх всякого предела и сверх всякой меры... Бюрократический аппарат в Центральном управлении разросся бы до колоссальных размеров, подавляя самостоятельность и хозяйственную ориентировку непосредственно хозяйствующих ячеек»¹⁵¹.

Столь обширная цитата, в частности, приведена потому, что в ней подмечен ряд принципиальных черт административной модели планирования, обусловивших в дальней-

¹⁵⁰ «Самая большая опасность, это – забюрократизировать дело с планом государственного хозяйства», – писал В.И. Ленин Г.М. Кржижановскому (*Ленин В.И.* Поли, собр. соч. Т. 52. М.: Политиздат, 1970. С. 76).

¹⁵¹ Законодательство о трестах и синдикатах. С. XII – XIII.

шем быстрое нарастание и укрепление имманентного этой модели планового фетишизма. Прежде всего, речь идет о своеобразном удвоении хозяйственной действительности, о возникновении ситуации, когда экономическое положение предприятия начинает в решающей мере зависеть не от его собственной производственно-хозяйственной активности, то есть не от удовлетворения запросов своих контрагентов, а от выполнения «спущенных» директив безотносительно к обоснованности последних. Иными словами, возникает некоторая «плановая действительность», оторванная от реальных процессов, но порождающая системы иллюзорных потребностей и целей и подчиняющая им функционирование народного хозяйства. В этих условиях содержание, естественно, подменяется формой, и плановая дисциплина превращается в дисциплину показателей или, как пишет А.М. Гинзбург, происходит гипертрофия «бюрократической дисциплины по всей линии хозяйственной иерархии»¹⁵².

Обеспечение соответствующего положения предприятия как самостоятельной хозяйственной ячейки в народном хозяйстве являлось лишь одной стороной в системе мероприятий по предотвращению бюрократизации планирования. Не менее важную роль должно было сыграть, по мнению рассматриваемых экономистов, и коренное изменение положения центральных планово-экономических органов и прежде всего Госплана, а также роли разрабатываемых им документов. Не унаследует ли он черты пресловутой Комиссии использования? Этот вопрос, хотя зачастую и в неявной форме, тревожил тогда многих. Показательно следующее рассуждение А.М. Кактыня: «Госплан должен, в целях достижения единства и систематичности в работе, сохранить за собой лишь функции плановые; в противном случае он превратится в расплывчатый, хаотический орган, куда будут ходить все и за всем, не находя в то же время полного удовлетворения; ибо заменить собою все ведомства по части знания практики дела и осведомленности о ходе работы оперативных органов Госплана, конечно, не может»¹⁵³.

Сотрудники Госплана во главе с Г.М. Кржижановским стремились в тот период не дать ему увязнуть в решении массы частных ведомственных вопросов и согласований, обеспечить на деле надведомственный характер этого органа, сосредоточить его деятельность на разработке принципиальных, узловых проблем развития народного хозяйства страны. Сказанное не означает, что Госплан предпочитал ограничиваться лишь исследованием задач долгосрочного планирования. Генеральный и перспективный (пятилетний) планы, контрольные цифры на год и постановка конъюнктурных наблюдений – такие основные задачи были сформулированы в начале 1926 года на съезде плановых органов. Но в любом случае Госплан должен был выступать как орган, формирующий экономическую политику, а не как разработчик директивных указаний в адрес различных хозяйственных ведомств и организаций. Насколько подобные принципы реализовывались на практике – вопрос особый, но ясно, что они вытекали из логики экономических методов хозяйствования и, следовательно, из логики новой экономической политики при условии последовательного ее осуществления.

Между тем широкое распространение получил и принципиально иной подход к пониманию этих вопросов. Весьма показательны в данном отношении некоторые эпизоды полемики вокруг подготовленных Госпланом СССР контрольных цифр народного хозяйства на 1925/1926 год. Первые контрольные цифры действительно имели ряд существенных недостатков, вполне объяснимых и отсутствием опыта их разработки, и несовершенством методологии, и отсутствием исходной информации надлежащего качества. Однако, помимо всего прочего, ряд хозяйственных руководителей высокого ранга подвергли их резкой критике за то, что они не дают конкретных заданий отдельным отраслям промышленности и производствам, не носят по отношению к последним директивного характера. Отвечая на эти

¹⁵² Там же. С. XIII.

¹⁵³ Кактынь А. Очерки по организации народного хозяйства. С. 21.

упреки, С.Г. Струмилин подчеркивал, что Госплан и не ставил перед собой такой задачи: «Конечно, для многих ведомств это было бы большим облегчением получить без всяких усилий с своей стороны вполне готовый план с детальнейшими заданиями по каждой группе производств, по каждому тресту. Но не даром же нас неоднократно предостерегал В.И. Ленин от бюрократизации планов. Легко себе представить, что это за архибюрократическое произведение получилось бы, если бы Госплан СССР... вздумал взять на себя роль всеобщей няньки...»¹⁵⁴. По мнению авторов контрольных цифр, их основная роль состояла в разработке общей картины развития народного хозяйства и вытекающих отсюда основных мероприятий экономической политики. Иными словами, задания, о которых говорилось в контрольных цифрах, были заданиями государству в виде комплекса взаимоувязанных мероприятий экономической политики на предстоящий период.

В этой связи существенный интерес представляет изложенная в то время позиция В.Н. Сарабьянова относительно перспектив развития плановой системы при социализме. Подчеркивая, что главкизма управления и централизма снабжения не будет знать не только переходный период, но и сам коммунизм, что нельзя управлять из центра общественным производством, базирующимся на высокоразвитой и постоянно развивающейся технике¹⁵⁵, он связывал создание свободной от бюрократизма системы планового управления с всемерным развертыванием самоуправленческих начал. Последовательное проведение этой идеи подвело его к следующей гипотезе: «В будущем коммунистическом обществе Госплан будет, скорее всего, ученым органом, публикующим свои соображения... к сведению, но не к обязательному выполнению»¹⁵⁶.

Известные крупными научными достижениями исследователи первого послереволюционного десятилетия внесли важный вклад и в анализ проблемы бюрократизации советской экономики – одного из наиболее опасных заболеваний, которому оказался подвергнут только что родившийся общественный организм. В литературе рассмотренного периода были четко сформулированы принципиальные подходы к пониманию сущности и корней этого явления, соответствующие пути борьбы с ним. Однако практическое решение проблемы бюрократизма не зависело, да и не могло зависеть непосредственно от результатов научных дискуссий между представителями различных направлений. И это понятно, поскольку проблема бюрократизма – в первую очередь проблема социально-политическая (что, разумеется, не отрицает ее глубоких экономических корней). Будущая динамика этой проблемы – разрастание или ослабление бюрократизма, характер и последовательность мер по его преодолению – является функцией складывающейся в обществе системы социально-политических отношений. Быстрое свертывание нэпа на рубеже 1920-1930-х годов и утверждение безраздельного господства командно-административных принципов, создав условия для концентрации и политической, и экономической власти в руках бюрократического аппарата управления, решили рассматриваемый нами вопрос однозначно – в течение последующих десятилетий борьба с бюрократизмом была борьбой с его последствиями, с некоторыми наиболее одиозными проявлениями, но не с его корнями.

¹⁵⁴ Струмилин С.Г. В защиту контрольных цифр Госплана // Плановое хозяйство. 1925. № 10. С. 9.

¹⁵⁵ См.: Сарабьянов В. Основные проблемы НЭПа: план, регулирование, стихия. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. С. 192.

¹⁵⁶ Там же. С. 194.

В.А. Базаров¹⁵⁷

Владимир Александрович Базаров (настоящая фамилия Руднев) родился в 1874 году в Туле. С конца 1890-х годов активно участвовал в революционном движении, за что неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского правительства. С 1904 года член РСДРП, до 1907 года сотрудничал в большевистских изданиях. Вместе с И.И. Скворцовым-Степановым осуществил перевод на русский язык «Капитала» (т. 1–3, 1907–1909 годы), которым широко пользовался В.И. Ленин. В своих многочисленных философских работах 1908–1913 годов В.А. Базаров выступает одним из главных представителей эмпириокритицизма среди российских марксистов. После Февральской революции – член «Организации объединенных социал-демократов – интернационалистов», редактор издававшейся А.М. Горьким газеты «Новая жизнь» (самой левой после большевиков). С 1921 года В.А. Базаров является одним из ведущих сотрудников Госплана. Арестован в связи с делом о «контрреволюционной организации меньшевиков». В последние годы жизни занимался переводами. Умер В.А. Базаров в 1939 году.

В.А. Базаров начал работать в Госплане в то время, когда встала задача активных социально-экономических исследований, необходимых для разработки народнохозяйственных планов. Изучение хозяйственной конъюнктуры и анализ закономерностей развития советской экономики, предпосылки планового хозяйствования и методология планирования, разработка контрольных цифр и перспективных планов – эти и многие другие вопросы привлекали постоянное внимание В.А. Базарова. Однако чем бы он ни занимался, деятельности его всегда были присущи две важные черты. Во-первых, подход к решению любых хозяйственных задач с позиций народнохозяйственного целого, его стратегических интересов. Во-вторых, стремление к выяснению, анализу и использованию в плановой практике глубинных процессов и закономерностей, лежащих в основе тех или иных явлений хозяйственной жизни. Не имея возможности в рамках настоящего очерка подробно проанализировать теоретические взгляды В.А. Базарова – экономиста, остановимся лишь на некоторых вопросах, вызывающих, как представляется, наибольший интерес для современного читателя.

После провозглашения новой экономической политики В.А. Базаров, работая в Госплане, проводил мысль, что нэп не только способствует быстрому оживлению хозяйственных процессов, но и создает благоприятные предпосылки для плановой работы. Восстановление рынка и перевод государственных предприятий на хозрасчет, во-первых, создают материальные предпосылки эффективного планирования, обеспечивая личную заинтересованность и ответственность за результаты своего труда; во-вторых, значительно упрощают фактическую проверку работы предприятий и, следовательно, регулирование, непосредственно увязывая результаты деятельности предприятия с его экономической оценкой. «На той ступени развития, которую переживает народное хозяйство СССР, сочетание товарного рынка и планового хозяйства является... диалектическим, движущим вперед противоречием, а отнюдь не простым компромиссом между капиталистическим и социалистическим началом»¹⁵⁸. Вот почему В.А. Базаров неоднократно подчеркивал: «Было бы ошибочно думать, что усиление и углубление планового начала равносильно ущемлению нэпа... Как раз наоборот, – основные элементы нэпа являются в обозримом будущем необходимыми *предпосылками* всякого действительного планирования и регулирования, и потому

¹⁵⁷ Опубликовано в: Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М.: Экономика, 1989.

¹⁵⁸ К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. 1924. № 6. С. 10–11.

именно в интересах самого планового хозяйства, а отнюдь не по соображениям одной только „смычки“ с деревней требуют всемерного укрепления и ограждения»¹⁵⁹.

Уже с начала 1920-х годов, намечая перспективы советского хозяйства, экономисты выделяли две группы проблем, которые предстоит решить, и соответственно два этапа развития – восстановительный и реконструктивный. Опыт 1921–1922 годов позволил В.А. Базарову сформулировать вывод о различии темпов восстановительного процесса в разных подразделениях народного хозяйства: наибольшее оживление в отраслях, близких к непосредственному потребителю и по своей технической организации менее сложных, и, наоборот, отставание на первых этапах тех отраслей, где современная техника требует особенно «дифференцированной организации», высокого органического строения капитала¹⁶⁰.

Дальнейший анализ привел его к выводу, что восстановительный процесс в хозяйственной системе должен при прочих равных условиях обеспечить достижение состояния динамического равновесия, причем по мере приближения к нему «темпа скорости» восстановительного процесса должен замедляться (так называемый закон «затухающего колебания»), поскольку загрузка старых мощностей постепенно достигает максимума, а наиболее производительное оборудование, естественно, задействуется в первую очередь¹⁶¹.

Закон «убывающей кривой» В.А. Базаров связывал исключительно с осуществлением восстановительного процесса «в чистом виде», однако уже в 1923–1924 годы он подчеркивал необходимость осуществления реконструкции (т. е. перестройки народного хозяйства на новых технических, организационных и социальных основах), не дожидаясь завершения восстановительного процесса. Поскольку влияние последнего на экономический рост с течением времени ослабляется, а реконструкции, требующей крупных капитальных затрат, наоборот, постепенно усиливается, В.А. Базаров считал наиболее целесообразным начать широкую реконструкцию на той стадии, когда вклад обоих процессов в экономический рост оказывается примерно равным¹⁶². Впоследствии он уточнял свою теорию восстановительного процесса¹⁶³.

Задачи восстановления и реконструкции советского хозяйства на новой технической базе и в условиях глубоких изменений в социально-экономической структуре резко обострили потребность в перспективном плане, обеспечивающем динамичное и бескризисное развитие общества. В.А. Базаров подчеркивал, что этот план не может ограничиваться «увязкой» отдельных отраслей и сглаживанием явных противоречий, но должен дать подлинную рационализацию всего народного хозяйства, предложить оптимальный путь движения общества к намеченным целям.

Для В.А. Базарова была очевидна ограниченность экстраполяции, равно как и использования показателей 1913 года в роли ориентира, хотя эти методы и сыграли свою важную роль при первых шагах планирования¹⁶⁴. В этой связи им и была выдвинута задача «сочетания генетического и телеологического методов», причем «поле телеологического конструи-

¹⁵⁹ К методологии перспективного планирования. М.: Госплан СССР, 1924. С. 2–3; «Ножницы» и плановое хозяйство // Экономическое обозрение. 1923. № 11. С. 14.

¹⁶⁰ Текущая хозяйственная конъюнктура // Экономическое обозрение. 1923. № 1. С. 5.

¹⁶¹ См.: О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1. С. 11–18.

¹⁶² См.: К методологии перспективного планирования. С. 13.

¹⁶³ См., например: Использование бюджетных данных для построения структуры городского спроса в перспективе генерального плана // Плановое хозяйство. 1927. № 5; О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Экономическое обозрение. 1927. № 5; Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М.; Л.: Госиздат, 1927; и др.

¹⁶⁴ «Ножницы» и плановое хозяйство // Экономическое обозрение. 1923. № 11. С. 13–14.

рования тем сильнее расширяется за счет генетического прогноза, чем полнее охвачена данная отрасль хозяйства непосредственным оперативным воздействием государства»¹⁶⁵.

Следовательно, по мысли В.А. Базарова, телеологически должен в современных ему условиях разрабатываться план развития промышленности и других национализированных отраслей, а генетически – план сельского хозяйства. Отсюда вытекал вывод о том, что преобладание необобществленного крестьянства делает генетически выведенный перспективный план сельского хозяйства тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые планы промышленности¹⁶⁶. Однако обсуждение этих вопросов, по существу, свелось к соотношению в планировании прогноза и директивы вместо углубленного анализа проблемы механизма целеполагания в плановом хозяйстве.

Важнейшую методологическую задачу планирования В.А. Базаров видел в обеспечении оптимальности планов, под которой он понимал бесперебойное, пропорциональное движение к цели кратчайшим путем. Решение этих задач должно было находить конкретное воплощение в генеральном (на 10–15 лет), пятилетием и годовом планах, к разработке которых приступил в то время Госплан¹⁶⁷.

В дискуссии о первом пятилетием плане центральное место занимали проблемы индустриализации. В.А. Базаров, видя суть индустриализации в радикальном изменении качественных параметров народного хозяйства, выступил с программой, которая, по его мнению, могла обеспечить максимальный темп этого процесса и достижение более высоких результатов. Программа эта предполагала ряд моментов. Во-первых, необходимость более высоких темпов развития промышленности по сравнению с сельским хозяйством как предпосылки развертывания процессов обобществления в деревне и вместе с тем как фактора роста «коммерческой заинтересованности» крестьян в повышении товарности своего производства¹⁶⁸.

Во-вторых, основной руководящей идеей индустриализации является достижение максимума эффекта при минимуме затрат. В условиях чрезвычайной ограниченности капитальных ресурсов это предполагает концентрацию сил и средств, выработку четкой последовательности индустриализации различных сфер.

В-третьих, индустриализация, понимаемая как механизация и автоматизация производственных процессов при углублении специализации производства и улучшении организации труда, наиболее эффективна при массовом производстве. Следовательно, начинать ее надо с отраслей, производящих предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже носит массовый характер. Недостающие товары других отраслей предлагалось импортировать. Игнорирование проблемы рациональной очередности В.А. Базаров квалифицировал как «поверхностную индустриальную экспансию», в результате которой новые предприятия, поглотив огромные средства, будут все равно давать мало продукции при ее высокой себестоимости и низком качестве. Разумеется, в этой очередности предполагалось делать поправку на решение оборонных задач¹⁶⁹.

В-четвертых, В.А. Базаров предостерегал от копирования сложившейся в развитых капиталистических странах индустриализации в формах фабрично-заводского урбанизма.

¹⁶⁵ О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9–10.

¹⁶⁶ См.: К методологии перспективного планирования. С. 9.

¹⁶⁷ См.: Перспективы нашего народнохозяйственного развития на 1925/26 год // Экономическое обозрение. 1925. № 8; Итоги истекшего года и злоба текущего дня // Экономическое обозрение. № 12; О методологии построения перспективных планов; Перспективы 1926/27 хозяйственного года // Экономическое обозрение. 1926. № 9; О методологии контрольных цифр // Экономическое обозрение. 1927. № 1.

¹⁶⁸ См.: О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах. С. 33

¹⁶⁹ См.: О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах. С. 44⁷; Выступление в прениях по докладу В.П. Милютина и содокладу С.Г. Струмилина о пятилетием плане // О пятилетием плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1928. С. 74–76; Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 47–49.

Уже в техническом прогрессе начала XX века он видел предпосылки для создания предприятий нового типа, т. е. возможность поднять эффективность труда мелких производителей до уровня передовых предприятий¹⁷⁰.

В-пятых, необходимо создание экономических условий, стимулирующих хозяйскую заинтересованность работников в наиболее эффективном использовании предоставленных им государственных средств, в сокращении сроков строительства предприятий. В частности для ускорения строительства В.А. Базаров предложил взимать определенный процент со средств, переданных государственным промышленным организациям¹⁷¹.

В последних своих статьях В.А. Базаров обращал внимание на проблемы культурной революции и борьбы с бюрократизмом, видя в них предпосылки решения стоящих перед страной задач, в том числе экономических. Он подчеркивал опасность узкого понимания названных проблем. Культурная революция – это не увеличение количества школ, библиотек и других культурно-просветительных учреждений само по себе, но в первую очередь создание повсюду таких социальных условий, которые стимулировали бы среди всех трудящихся дух творчества, инициативы, изобретательства, на что должны быть нацелены все надстроечные формы – от государственных учреждений до различных вольных ассоциаций трудящихся. Главной преградой на этом пути является бюрократизм, причем особенно опасен не «грязный» бюрократизм коррумпированных чиновников, откровенно игнорирующих установленные законы, но те «чистейшие» формы бюрократии, когда все законы выполняются, «спущенные» кампании проводятся, лозунги вывешиваются вовремя. Ведь такой идеальный чиновник принципиальный, а потому и непримиримый враг не укладывающихся ни в какие рамки новаторства и инициативы.

Человек будущего социалистического общества, по мысли В.А. Базарова, должен быть наделен «творческим талантом изобретателя»: «Прирожденный изобретатель ничего не приемлет на веру, но все подвергает кропотливому исследованию; ни к чему не присоединяется „целиком и полностью“... В нашей обстановке такой персонаж вряд ли может обратить на себя благосклонное внимание окружающих. Если его отметят, то в лучшем случае как „малосознательный элемент“, в худшем как элемент „разложившийся“, склонный к „бузотерству“...»

Делу могло бы помочь создание такой общественной среды, таких ассоциаций, где систематически культивировался бы дух творчества и изобретательства, где сформировалось бы новое понятие о чести, о человеческом достоинстве, новое общественное мышление...»¹⁷² Этими словами завершается последняя статья В.А. Базарова.

¹⁷⁰ См.: Принципы построения перспективного плана. С. 50.

¹⁷¹ См.: О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах. С. 46.

¹⁷² О перспективах хозяйственного и культурного развития // Экономическое обозрение. 1928. № 6. С. 64–66.

Концепции народнохозяйственного планирования¹⁷³

Пришедшим в октябре 1917 года к власти большевикам построение планового хозяйства виделось как двусторонний процесс: «снизу» должны были создаваться органы рабочего контроля – первичные ячейки, увязывающие разрозненные субъекты рыночной экономики в целостный организм, и «сверху» – через национализацию земли, банков, крупных предприятий, создание единого центра, руководящего всем народным хозяйством страны.

Жизнь быстро показала крайнюю сложность практической реализации подобной программы, невозможность ее осуществления в чистом виде. Органы рабочего контроля, например, так и не смогли стать носителями общепролетарского (народнохозяйственного) начала, а выражали интересы по преимуществу локальные, текущие и потребительские. Их роль вскоре была сведена к минимуму.

Сложнее обстояло дело с единым центром. Образованный 5 декабря 1917 года ВСНХ, который первоначально претендовал на выполнение этих функций, быстро превратился в обычное министерство промышленности. Его многочисленные отраслевые подразделения (главки и центры) должны были осуществлять детальное руководство всеми предприятиями, перешедшими в собственность государства, причем национализация явно приобретала сплошной характер. Бюрократизм подобной системы не вызывал ни у кого сомнения.

Слабости рабочего контроля и бюрократизму единого центра многие экономисты-большевики предполагали противопоставить единый хозяйственный план – стержень хозяйственного процесса, предохраняющий общество и пролетарскую власть от разрозненных и неэффективных решений. Именно эта тема стала ключевой в дискуссиях по проблемам планирования периода Гражданской войны и «военного коммунизма». Соответствующие проблемы подробно обсуждались на IX съезде РКП(б), на съездах Советов и на съездах совнархозов. Понимание единого хозяйственного плана основывалось на популярной среди социалистов концепции «единой фабрики» и сводилось к тому, что план является своеобразным расписанием, указывающим кому и что производить, где брать сырье и материалы, куда поставлять готовую продукцию.

Однако в конкретных условиях военного времени и военно-коммунистической экономики проявились расхождения в интерпретации целей и задач единого хозяйственного плана. Ряд экономистов (Л.Н. Крицман, Ю.А. Ларин) стремились к немедленному построению тотального плана-расписания и максимальной централизации хозяйственной жизни. Плановое хозяйство для них олицетворялось, прежде всего, центральным планово-распределительным органом (Комиссией использования материальных ресурсов при ВСНХ), который распределял бы по возможности всю производимую в стране продукцию¹⁷⁴.

Сторонники другого подхода (Л.Д. Троцкий, С.И. Гусев) считали неизбежным выделение в плане ведущих звеньев для каждого этапа восстановления советской экономики и центрацию усилий центра именно на этих звеньях. Отсюда следовал вывод о расширении самостоятельности местных органов власти в регулировании деятельности предприятий на своей территории (против чего решительно возражал Л.Н. Крицман)¹⁷⁵. В этой логике и был

¹⁷³ Опубликовано в: История экономических учений. Часть II. (Межвоенный период.) М.: Изд-во Московского университета, 1994. Глава 21.

¹⁷⁴ См.: Крицман Л. Единый хозяйственный план и Комиссия использования. М., 1921; Крицман Л. О едином хозяйственном плане. М., 1921; Ларин Ю. 59-головая гидра // Экономическая жизнь. 1920. № 252.

¹⁷⁵ См.: Троцкий Л.Д. Доклад на IX съезде РКП(б) // IX съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961; Троцкий Л. Путь к единому хозяйственному плану // Экономическая жизнь. 1920. № 251, 252, 253; Гусев С.И. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат. Харьков, 1920. Положения книги С.И. Гусева непосредственно были включены в резолюцию IX съезда РКП(б).

разработан знаменитый план ГОЭЛРО, вокруг которого объединилась большая группа российских ученых и инженеров. Подготовленный комиссией ГОЭЛРО документ был обсужден и одобрен VIII съездом Советов (декабрь 1920 года). Он имел программный характер и был нацелен на коренную реконструкцию народного хозяйства на базе электрификации как стратегического направления¹⁷⁶. Однако при всей его важности план ГОЭЛРО представлял собой в первую очередь инженерно-экономический расчет и потому был лишь ступенью на пути к целостной плановой системе.

Разработки, о которых только что шла речь, несмотря на присущие им различия, основывались на реалиях «военного коммунизма» и в основном не выходили за рамки его доктрины: упор делался на поиск правильной системы централизованного распределения факторов и результатов производства, а также организационных форм, обеспечивающих централизованное планирование и управление.

Новый этап в развитии теории и практики планирования открыл нэп. В противовес военно-коммунистической доктрине активно формировалась принципиально новая идеология планирования. На место представлений о плане-расписании выдвигается трактовка планирования как выбора оптимального пути движения экономики к намеченной цели.

Анализ реальной ситуации показывал, что упорядочение хозяйственной жизни, введение ее в организованное русло требует вовсе не натурализации и тотальной централизации всех сторон экономического процесса. Напротив, появление самостоятельных и ответственных производителей, заинтересованных благодаря действию рыночных механизмов в быстром росте своего производства, позволяет государству концентрировать внимание на узловых моментах народнохозяйственного развития, а также побуждать самостоятельных производителей к полезной для всей страны деятельности. Именно в начале 1920-х годов был впервые четко сформулирован тезис о совместимости плана и рынка – пока еще применительно к переходному периоду от капитализма к социализму. Так, известный экономист и философ, один из ведущих работников Госплана В.А. Базаров указывал, в частности, на два принципиальных момента, объясняющих, почему нэп, легализуя рынок и вводя хозрасчет, создает более благоприятные условия для планирования, чем сверхцентрализованная система «военного коммунизма»: «Во-первых, он облегчил восстановление личной заинтересованности каждого трудящегося в результатах труда, личной ответственности за добросовестность труда. Во-вторых, и это особенно важно, он чрезвычайно упростил функции фактической проверки работы предприятий, а следовательно, и всяческое хозяйственное регулирование»¹⁷⁷.

Обращалось внимание и на необходимость осуществления соответствующих изменений в системе плановых и регулирующих органов, перенесения центра тяжести в них с административно-директивных функций на планово-регулирующие. Особо речь заходит о Госплане: созданный в феврале 1920 года, этот орган задумывался в военно-коммунистической системе, но приступил к активному функционированию уже в условиях нэпа. Элементы (тогда только элементы) директивности в госплановских функциях смущали многих экономистов, в том числе и убежденных большевиков. «Госплан, – предостерегал А.М. Кактынь, – должен... сохранить за собою лишь функции плановые; в противном случае он превратится в расплывчатый хаотический орган: куда будут ходить все и за всем, не находя в то же время полного удовлетворения, ибо заменить собою все ведомства по части знания практики дела и осведомленности о ходе работы оперативных органов Госплан, конечно, не может»¹⁷⁸. А В.Н. Сарабьянов предполагал даже, что «в будущем коммунистическом обществе Госплан

¹⁷⁶ См.: План электрификации РСФСР. М., 1955.

¹⁷⁷ Базаров В. К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. 1924. № 6.

¹⁷⁸ Кактынь А. Очерки по организации народного хозяйства. М., 1922. С. 21.

будет, скорее всего, ученым органом, публикующим свои соображения... к сведению, но не к обязательному выполнению»¹⁷⁹.

В начале 1920-х годов активно заявили о себе экономисты буржуазно-либерального направления – А.Л. Рафалович, Б.Д. Бруцкус, П. Чубутский и др. Журнал «Экономист» публикует статьи, в которых обосновывается глубокая внутренняя связь директивного планирования с низкой эффективностью производства, расцветом бюрократизма, принудительностью труда, преобладанием в массах трудящихся мотивации наемного работника, а не хозяина. Особый интерес в этом отношении представляет работа Б.Д. Бруцкуса «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе»¹⁸⁰, получившая впоследствии международную известность.

1920-е годы стали наиболее плодотворным периодом в развитии теории и практики планирования. В дискуссиях по этим проблемам принимали участие видные экономисты страны – В.А. Базаров, Н.И. Бухарин, А.М. Гинзбург, В.Г. Громан, Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, Г.Я. Сокольников, С.Г. Струмилин, Л.Н. Юровский и многие другие. Госплан и ВСНХ, Наркомфин и Наркомзем не просто разрабатывали плановые документы в пределах своей компетенции, но выдвигали альтернативные концепции социально-экономических перспектив страны. Открытое сопоставление позиций было благоприятным фактором для решения задач планирования.

Прежде всего, был выдвинут и получил довольно широкое распространение тезис о необходимости сочетания перспективного и текущего планирования. Конкретизируя этот принцип, Г.М. Кржижановский предложил, а I съезд плановых органов (март 1926 года) одобрил идею о целесообразности разработки целостной системы, включающей годовой, пятилетний и генеральный (на 10–15 лет) планы; предлагалось также параллельно вести конъюнктурные наблюдения. Принципиальное значение имели вывод о необходимости четкого разграничения целей, стоящих перед планированием на различные периоды, и связанное с этим понимание существенных различий в методологии, структуре и содержании плановых документов. «Мы по-разному подходим методологически к задачам, стоящим в разрезе одного года, в разрезе пяти лет, в разрезе десяти и более лет», – говорил тогда Г.М. Кржижановский, первый председатель Госплана. «Годовой план – это больше всего план эксплуатационный... Генеральный план, охватывающий 10-15-летний период, прежде всего имеет строительную концепцию, план пятилетний представляет и часть эксплуатационного плана, и часть плана строительства»¹⁸¹.

Работа над этими документами интенсивно велась на протяжении 1920-х годов. На 1925/1926 хозяйственный год Госпланом были разработаны первые контрольные цифры, которые с 1927/1928 года стали утверждаться правительством в качестве годового плана. В результате длительных обсуждений было подготовлено несколько вариантов пятилетнего плана, который официально был утвержден в 1929 году на период 1928/1929-1932/1933 годов. Среди различных проектов первой пятилетки, выдвигавшихся с 1926 года, особый интерес представляет документ, представленный Госпланом СССР II съезду плановых органов (март 1927 года) – «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», который разрабатывался фактически под руководством С.Г. Струмилины и стал предметом весьма острых дискуссий. А параллельно был выдвинут и обсуждался интересный проект ВСНХ, реальным руководителем которого был А.М. Гинзбург, – «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР на 1927/28-1931/32 гг.»

¹⁷⁹ Сарабьянов В. Основные проблемы нэпа: план, регулирование, стихия. М.; Л., 1926. С. 194.

¹⁸⁰ Экономист. 1922. № 1, 2, 3.

¹⁸¹ Кржижановский Г.М. О пятилетнем плане // Кржижановский Г.М. Соч. Т. 2. М.; Л.: ОНТИ, 1934. С. 364–365.

В 1925–1932 годах велись исследования и в области генерального плана. Последовательно функционировало несколько комиссий по его подготовке: комиссия П.С. Осадчего (1926–1928 годы), комиссия Н.А. Ковалевского (1928–1930 годы), комиссия Г.И. Ломова (1931–1933 годы). Если первым разработкам были в основном присущи методы экстраполяции, то в дальнейшем были предложены и в определенной мере опробованы составление баланса и математическое моделирование, прогнозирование технического прогресса и др.

В научной литературе и практической деятельности экономистов уже в первой половине 1920-х годов наметились два подхода к пониманию роли и задач планирования в условиях нэпа. С одной стороны, Н.Д. Кондратьев (руководитель Конъюнктурного института и видный экономист-аграрник) фактически видел в плане по возможности наиболее точный прогноз будущего движения народного хозяйства. Он указывал на ограниченность прогнозных возможностей в условиях колоссальной разрухи и настойчиво предостерегал от разработки далеко идущих планов, справедливо полагая, что на этом пути работа может вылиться в беспочвенные фантазии. С другой стороны, свое представление на сей счет выдвинул и В.А. Базаров. Исходя из того что основной задачей настоящего и обозримого будущего является восстановление разрушенного народного хозяйства и коренная реконструкция страны на новом техническом и социальном фундаменте, он считал правильным вообще не связывать плановый документ с конкретными временными рамками, а дать в нем анализ целевого состояния, к которому должно прийти общество, указать взаимосвязанные проблемы, которые предстоит решать на этом пути. Названные два подхода были качественно различными, но не противоположными идеологически и потому вполне совместимыми, поскольку естественным и даже желательным является совмещение прогноза объективной ситуации и собственно специальной программы действий.

В этой же связи В.А. Базаров выдвинул интересную методологическую идею о соотношении генетического и телеологического подходов, которая первоначально не встретила принципиальных возражений, но позднее стала одним из ключевых моментов околонуточных политических спекуляций эпохи «великого перелома». Имелось в виду, что при разработке плана необходимо сочетание поиска путей к достижению поставленных целей (телеология) с проецированием в будущее фактической динамики настоящего (генетика). По мнению Базарова, «поле телеологического конструирования тем сильнее расширяется за счет генетического прогноза, чем полнее охвачена данная отрасль оперативным воздействием государства». Следовательно, телеологически должен разрабатываться план для национализированных отраслей (прежде всего промышленности), а генетически – план сельского хозяйства, причем в силу доминирования в СССР аграрного сектора генетически разработанный план его должен составлять основу для целостного народнохозяйственного плана¹⁸².

В начавшейся дискуссии часть экономистов указывала на известную искусственность подобного противопоставления. Да и сам автор признавал условность своих разграничений, хотя и считал необходимым учитывать их в плановой практике. Однако последовавшая в середине 1920-х годов резкая политизация экономической науки перевела обсуждение в иную плоскость: в работах С.Г. Струмилина, Р.Е. Вайсберга и ряда других экономистов Госплана генетический подход был заклеен как преклонение перед стихийностью хозяйственного роста и его место в лучшем случае ограничивалось рамками текущего (годового) планирования. Лишь телеология провозглашалась подлинно социалистическим, пролетарским принципом перспективного планирования. Такой поворот имел важные последствия и для развития собственно теории и методологии планирования, более конкретных его проблем.

¹⁸² См.: Базаров В.А. К методологии перспективного планирования. М., 1924. С. 8–9.

Важным методологическим вопросом в 1920-х годах считалось изучение хозяйственной конъюнктуры и закономерностей роста советского хозяйства. Разумеется, авторы подобных разработок сознавали невозможность строить планы на базе элементарной экстраполяции. Речь шла об ином – о наличии в хозяйственной системе некоторых устойчивых тенденций, типичных для данного этапа, которые надо учитывать в планировании. Предметом специального изучения стали тогда закономерности восстановительного процесса и перехода от него к коренной реконструкции народного хозяйства. Соответствующие выводы использовались при построении контрольных цифр на 1925/1926 год и ряд последующих лет в первоначальных проектах первой пятилетки. Процесс хозяйственного восстановления был описан В.А. Базаровым в виде «затухающей кривой», означавшей замедление темпов роста по мере преодоления разрухи и вовлечения в производство замороженных ранее ресурсов. А статистический анализ руководителя Конъюнктурного Совета Госплана В.Г. Громана позволил выявить некоторые устойчивые соотношения темпов восстановления отдельных отраслей и тенденции изменения стоимостных пропорций¹⁸³.

Впрочем, исследователи этих закономерностей вовсе не стояли на позициях механического падения роста по мере приближения к экономическим параметрам 1913 года, равно как и непрямого автоматического достижения довоенных пропорций. Наоборот, настойчиво подчеркивалась мысль о переплетении восстановительных и реконструктивных процессов, об экономической и социальной порочности представления, согласно которому сперва должен завершиться восстановительный процесс, а затем уже можно будет приступить к реконструкции. Понятно, что вклад обоих процессов на разных стадиях развития не мог быть одинаковым. Поэтому был поставлен принципиальный для планирования вопрос: в какой момент должен осуществляться переход от преимущественно восстановительной политики к реконструктивной? Восстановление и реконструкция в действительности имеют противоположные тенденции воздействия на экономику – с течением времени рост под влиянием первого замедляется (так как исчерпываются задействованные ресурсы прошлого), а под влиянием второго возрастает (происходит накопление новых ресурсов, которые не сразу дают отдачу). Отсюда следовал вывод, что переход этот наиболее удачен тогда, когда вклад обоих процессов в темп экономического развития оказывается примерно одинаковым¹⁸⁴.

Важной областью методологических исследований, а потом и политической борьбы стал анализ существа балансового метода и его роли в планировании народного хозяйства. Без обеспечения сбалансированности, т. е. пропорциональности, согласованности различных отраслей и сфер экономической и социальной жизни невозможно было всерьез говорить о планировании. «Постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность, действительно, означала бы планомерность», – писал еще в 1901 году В.И. Ленин¹⁸⁵. Однако открытым оставался вопрос о путях практической реализации этого принципа.

Уже в начале 1920-х годов Госплан и ЦСУ провели серию исследований по разработке отчетного годового народнохозяйственного баланса как предпосылке баланса планового. Крупным вкладом в развитие мировой экономической мысли стал подготовленный в ЦСУ под руководством П.И. Попова межотраслевой баланс за 1923/1924 год, основу которого составил получивший впоследствии широкую популярность метод «затраты – выпуск»¹⁸⁶. Позднее Г.А. Фельдманом (в рамках комиссии по генплану Н.А. Ковалевского)

¹⁸³ См.: Громан В.Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1,2; Базаров В.А. О «восстановительных закономерностях» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1; Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 год. М.; Л.: Госплан СССР, 1925. С. 7–10.

¹⁸⁴ См.: Александров И.Г. Восстановление производства в России. М., 1924.

¹⁸⁵ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 3. М.: Политиздат, 1971. С. 620.

¹⁸⁶ Баланс народного хозяйства СССР на 1923/24 г. Труды ЦСУ. Т. 29. М.: Изд-во ЦСУ, 1926.

были выполнены работы по математическому моделированию сбалансированного роста народного хозяйства на длительную перспективу¹⁸⁷. И вообще мало кто не писал тогда о необходимости обеспечения равновесного роста экономики. Вместе с тем некоторые экономисты (например, М. Бирбраер, А. Вайнштейн, Н. Кондратьев) обращали внимание на известную формальность балансового метода, взятого изолированно от других экономических инструментов: ведь сбалансированность показателей плана еще не свидетельствует о его реалистичности, о наличии на практике механизмов, обеспечивающих рост всех частей народного хозяйства и достижение целевого состояния¹⁸⁸.

Между тем начиная с 1927 года руководство Госплана сделало упор именно на формальную сбалансированность своих расчетов, выполнение которых гарантируется появлением нового экономического феномена – «творческой воли революционного пролетариата». Надо только, чтобы план был способен увлечь своими целями трудящихся на их реализацию. Этим объяснялись перспективы роста, которые от проекта к проекту становились все более масштабными и все менее объяснимыми чисто экономически. Плановые разработки принимали вид подробнейших расчетов, обоснованность которых вызывала большие сомнения у многих экономистов.

В противовес такому подходу А.Л. Вайнштейн, Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров выдвигали тезис о необходимости при разработке перспективного плана ориентироваться на создание наиболее благоприятных экономических условий для накопления и использования капитала, ставили вопрос о внедрении в хозяйственную жизнь рычагов, заинтересовывающих предприятия наиболее эффективно применять имеющиеся у них ресурсы. Они критиковали госплановские проекты пятилетки за недостаточную проработку вопросов макроэкономической сбалансированности в системе предлагаемых мероприятий по индустриализации страны. Проблема динамического равновесия (соотношение ожидаемого национального дохода, накопления и потребления, размеров инвестиций и их отдачи) занимала центральное положение в их концепции. Названные экономисты подчеркивали, что обильные цифровые расчеты следовало бы заменить более глубоким обоснованием концепции экономической политики на предстоящий период. «Весьма возможно, – писал Н.П. Макаров, – что результаты такой проработки плана не всегда будут иметь внешнюю табличную стройность, что, увы, в таком плане текста окажется не менее, чем таблиц, что в этом плане будет меньше предсказаний и больше указаний, что и сколько надо сделать, чтобы получить желательный эффект, и при каких условиях это должно делаться»¹⁸⁹. Однако подобные возражения наталкивались на стену из политических обвинений в «буржуазной ограниченности», а затем и вредительстве.

Наконец, принципиальное значение имел вопрос о критериях социально-экономического прогресса, которые следовало заложить в перспективный план в качестве стратегических установок. Ранние проекты Госплана содержали тройственный критерий – максимальный рост производительных сил, социализации (обобществления) и благосостояния народа. Однако, как показывали Альб. Л. Вайнштейн и другие, в текущей экономической политике рост этих параметров может входить в противоречие друг с другом, а потому нужно определить их соподчиненность. Большинство оппонентов официальных проектов подчеркивали первостепенную роль динамичного развития производительных сил как необходимого усло-

¹⁸⁷ См.: *Фельдман Г.А.* К теории темпов народного дохода // *Плановое хозяйство.* 1928. № 11, 12; *Фельдман Г.А.* Аналитический метод построения перспективных планов // *Плановое хозяйство.* 1929. № 11.

¹⁸⁸ См.: *Вайнштейн Альб. Л.* К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР // *Экономическое обозрение.* 1927. № 7. С. 35; *Бирбраер М.* К вопросу о методологии построения перспективных планов // *Экономическое обозрение.* 1927. № 7. С. 88.

¹⁸⁹ *Макаров Н.П.* Некоторые очередные вопросы методологии составления перспективных планов по сельскому хозяйству // *Пути сельского хозяйства.* 1927. № 2.

вия достижения всех других плановых целей. «В течение короткого срока может оказаться целесообразным по тем или иным внеэкономическим соображениям вовлечь в сфере обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной. Ибо превратить на 5, 10, 15 лет общественную организацию из формы хозяйственного развития в его «оковы», хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, готовить в грядущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение», – писал В.А. Базаров¹⁹⁰ (продолжавший еще работать в Госплане).

Авторы же проекта пятилетки с течением времени, напротив, все сильнее склонялись к признанию первостепенной роли социализации (понимавшейся как торжество государственной или кооперативной собственности на средства производства), ради чего можно пойти и на временное падение производительных сил. С. Струмилин, Л. Шанин и ряд других экономистов полагали, что на данном этапе вполне возможно обеспечить торжество в нашей экономике социалистических тенденций, хотя бы ценой временных жертв в развитии производительных сил, применяя этот тезис и к сельскому хозяйству.

Коренной перелом хозяйственно-политических принципов функционирования советского общества на рубеже 1920-1930-х годов и утверждение административно-командной системы создали качественно иную ситуацию не только для хозяйственной практики, но и для развития науки. Исследования многих перспективных проблем (среди которых межотраслевой баланс, экономико-математическое моделирование, объективные закономерности хозяйственного роста, оптимизация плановых решений и т. д.) были резко ограничены или прекращены, а многие экономисты – репрессированы. Все это имело серьезные негативные последствия для самой культуры экономического анализа.

Развитие теории планирования вступило в новую фазу. Именно в это время произошел фактически раскол плановой науки на два почти не пересекающихся друг с другом направления. С одной стороны, велись работы, посвященные отдельным специальным вопросам: использованию балансового метода в планировании, системе показателей, взаимосвязи между планированием и стимулированием производства, а также ряду конкретных вопросов технологии и организации планирования. Особое место занимает здесь разработка концепции второго пятилетнего плана – одного из наиболее обоснованных документов такого рода в нашей экономической истории. С другой стороны, это политэкономические работы, в которых шла речь об обусловленности планирования общественной собственностью на средства производства и невозможности его при капитализме, об «особой роли» планомерности в экономике социализма и связи планомерности со всеми экономическими законами и категориями этой системы и т. д. Однако как конкретно-экономические, так и общэкономические работы характеризовались откровенной апологетикой, отсутствием глубокого критического анализа действующих принципов планового хозяйствования, что было вполне естественно в условиях победившей и находившейся тогда на подъеме хозяйственно-политической системы сталинизма.

В исследованиях 1930-х годов стал безраздельно господствовать плановый фетишизм с характерными для него субъективистской трактовкой реальных производственных отношений, возведением непосредственной плано-управленческой деятельности в ранг объективного экономического закона. Это не прошло мимо внимания некоторых советских исследователей. Так, Г. Дементьев анализировал возможность своеобразного фетишизма в

¹⁹⁰ Базаров В.А. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 42.

советских условиях, поскольку «само понятие экономического закона меняется, т. е. видоизменяется соотношение между экономической закономерностью и самим субъектом, и в соответствии с этим появляются новые моменты, маскирующие сущность, за свободой забывается необходимость, за субъективным забывается объективное, экономические процессы сводятся к технике планирования, экономические отношения многосторонне запутываются»¹⁹¹.

Однако подобные рассуждения были скорее исключением. Характерными же для того времени стали представления о планировании (или даже плане) как экономическом законе социализма, причем в выступлениях ряда авторов он назывался даже основным законом, законом движения советской экономики¹⁹². Утверждалось также, что социализму не свойственны объективные законы развития хозяйства, так как «против равнения на объективные законы» направлены наши планы (особенно активно подобные идеи пропагандировал А. Стецкий, занимавший в 1930-е годы видные посты в ЦК ВКП(б)¹⁹³). Вместе с тем в ряде публикаций отмечается и то, что планирование само базируется на некоторых внутренних закономерностях социализма, хотя анализ и не идет дальше этой абстрактной постановки¹⁹⁴.

Еще одной характерной чертой работ рассматриваемого периода было сведение анализа реальных процессов к конкретным хозяйственным формам, которые в результате становятся критерием планирования. Это выразительно контрастировало с методологическими принципами недавнего прошлого. Еще в 1926 году В.А. Базаров обратился к анализу проблемы оптимальности планирования, справедливо полагая, что не только наличие плановых документов как таковых, но даже совпадение фактических данных с запланированными не может свидетельствовать о действенности планового механизма: ведь намеченный в плане и реализованный на практике курс мог быть неоптимальным¹⁹⁵. Теперь же возобладала и абсолютно доминировала иная, формальная точка зрения. Директивное адресное планирование было признано неотъемлемой чертой планового хозяйствования. И соответственно охват им всех отраслей и сфер экономики расценивался как признак полной победы закономерности, утверждения ее безраздельного господства.

Весьма типичными в этом отношении являются слова одного из руководителей Госплана 1930-х годов В.И. Межлаука: «Второй пятилетний план знаменует собой новую веху, новый, более высокий этап в истории планирования. Вторая пятилетка отличается от первого пятилетнего плана широтой охвата планируемых объектов, большей разработкой технических проблем, большей научной обоснованностью. Во втором пятилетии плане все хозяйство охватывается непосредственным конкретным планом. Эта полнота охвата находит выражение в возросшем количестве объектов непосредственного планирования, что повышает конкретность, оперативность плана... Первая пятилетка охватывала детально разработанным планом около полусотни отраслей промышленности; второй пятилетний план охватывает уже 120 отраслей». Экономистами подчеркивалось также проникновение плана во все детали общественного производства, значительная конкретизация натуральных показателей, распространение централизованных плановых заданий не только на крупную, но

¹⁹¹ Дементьев Г. Всеобщая политическая экономия // Проблемы марксизма. 1931. № 2. С. 159.

¹⁹² См.: Плановое хозяйство. 1930. № 4. С. 131–132, 164.

¹⁹³ См.: Стецкий А. Ленин и социалистический план. М., 1933. С. 17; Стецкий А. В борьбе за ленинскую теорию. М., 1938. С. 22.

¹⁹⁴ См., например: Вайсберг Р. Проблемы народнохозяйственного планирования // Проблемы экономики. 1934. № 1. С. 26; Бакулин И. Познание законов экономического развития общества и планирование народного хозяйства // Пропагандист. 1940. № 5.

¹⁹⁵ См.: Базаров В. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9–13. Он же предложил и критерии оптимальности плана. К ним относились плавность движения, его пропорциональность, а также выбор кратчайшего (при соблюдении первых двух условий) пути.

также на мелкую и местную промышленность, на предприятия промысловой кооперации и почти на все сельское хозяйство ¹⁹⁶.

Подводя итоги, можно сказать, что первое послереволюционное двадцатилетие стало временем взлетов и падений – экономической науки вообще и теории планирования в частности. Опыты «военного коммунизма» сменились глубокими исследованиями и разработками 1920-х годов, за которыми последовали тяжелые 1930-е годы. Разумеется, изучение проблем планирования не могло прекратиться полностью, но качество этих разработок неотделимо от существовавшей в стране общественно-политической атмосферы. По этим причинам плановая теория к концу 1930-х годов оказалась в глубоком кризисе, преодоление которого должно было стать важнейшей задачей последующих поколений экономистов.

¹⁹⁶ *Межлаук В.* Большевистский план // Плановое хозяйство. 1936. № 3. С. 32–33. См. также: *Гальперин Ц.* Из опыта составления второго пятилетнего плана // Плановое хозяйство. 1936. № 3. С. 75.

Вопросы планомерности социалистической экономики в экономической литературе (1936–1954 годы)¹⁹⁷

Одной из важнейших черт коммунистической общественно-экономической формации классики марксизма-ленинизма считали народнохозяйственную планомерность. К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали возможность и необходимость установления с победой социализма планомерной формы организации производства¹⁹⁸. Неоценим и вклад В.И. Ленина в разработку вопроса о способах обеспечения планомерности в социалистическом народном хозяйстве.

Советские экономисты-марксисты с самого начала социалистических преобразований в нашей стране уделяли повышенное внимание планомерности экономического развития. Вместе с тем и буржуазные экономисты не обходили вниманием эти вопросы, и в 1920-е годы теория и практика планирования народного хозяйства в СССР стали ареной острой классовой борьбы.

Во второй половине 1930-х годов в экономическом базисе советского общества произошли коренные изменения – утвердилось безраздельное господство новых, социалистических производственных отношений. Их победа создала адекватные условия для развития политической экономии социализма. По мере прогрессивных изменений в экономическом базисе нового общества возрастали требования, предъявляемые к этой науке. Это относится как к политической экономии в целом, так и к отдельным ее разделам, среди которых исследованиям в области планомерности принадлежит особое место: победа социалистических производственных отношений означает утверждение планомерности как всеобщей формы движения социалистической экономики.

Огромное значение имел и накопленный опыт плановой работы. В статье 11 Конституции СССР 1936 года было зафиксировано, что хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственными народнохозяйственными планами. Развитие социалистического планирования от плана ГОЭЛРО до плана второй пятилетки играло чрезвычайно важную роль для дальнейшего успешного развития теории и практики планомерной организации социалистического производства.

В свете построения научной системы политической экономии социализма проблемы планомерности рассматривались в рамках решения поставленной перед советскими экономистами задачи подготовки учебника по этому курсу¹⁹⁹. В ходе этой работы необходимо было завершить выделение основных категорий и законов политической экономии социализма, провести более или менее четкое разграничение между ними, преодолев их субъективистскую трактовку.

К концу 1930-х годов в советской экономической литературе были названы основные категории, относящиеся к планомерности социалистической экономики, однако в этот период еще не было сформулировано достаточно четких определений как самого закона планомерного развития экономики, так и ряда связанных с ним проблем. Главной категориальной проблемой была нерасчлененность понятий «планомерность» и «народнохозяйственное планирование». Правильное решение здесь непосредственно связано с преодолением субъективизма в трактовке экономических категорий. Без такого преодоления было невозможно

¹⁹⁷ Опубликовано в: Экономические науки. 1984. № 12.

¹⁹⁸ См., например: Энгельс Ф. Анти-Дюринг И Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 154, 291, 294, 675–676; Маркс К. Капитал. Т. II Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. 4.1. М.: Госполитиздат, 1960. С. 90; и др.

¹⁹⁹ Подробнее об этом см.: Таль Б. О предмете политической экономии и ее преподавании // Большевик. 1936. № 22. С. 33.

дать научное определение сущности, механизма действия и использования самого закона планомерности, добиться убедительной результативности дальнейших исследований в этой области, играющей весьма важную роль в дальнейшем развитии политической экономии социализма в целом; ведь планомерность, будучи всеобщей формой движения социалистической экономики, сказывается во всей системе производственных отношений.

Субъективистская трактовка планомерности была вызвана в рассматриваемый период двумя взаимосвязанными источниками теоретических заблуждений по этому вопросу, уходящими своими корнями в область гносеологии: во-первых, отождествлением сущности и явления, во-вторых, отождествлением планомерности и сознательности, субъективной деятельности людей, в результате чего планомерность противопоставлялась объективности. Следует отметить и наличие классовых корней субъективистской трактовки экономических категорий в рассматриваемый период. Еще в 1920-е годы буржуазные экономисты и представители оппозиции в самой партии ссылались на объективные закономерности, под которыми понимались закономерности развития дореволюционной России, других капиталистических стран, пытались доказать невозможность и даже вредность коренного преобразования народного хозяйства, выступали против индустриализации, против высоких темпов экономического развития, намечавшихся пятилетними планами. В начале 1930-х годов в результате ликвидации эксплуататорских классов в Советском Союзе потерпели сокрушительное поражение противники генеральной линии партии. Однако в экономической литературе нигилистическое отношение к объективным законам было преодолено не сразу. Потребовалось время и для реального избавления от субъективистской трактовки экономических законов (которые на словах уже были признаны объективными). Заметим, что преодоление субъективистской трактовки закона планомерности еще отнюдь не означало устранения субъективизма в народнохозяйственном планировании, хотя и являлось для этого необходимым условием.

В работах советских экономистов конца 1930-х годов широкое распространение получило освещение тесной связи между планированием народного хозяйства и социалистической собственностью на средства производства. Однако речь в основном шла о том, что социалистическая собственность на средства производства, объединяя производителей в ассоциацию, делает планирование народного хозяйства возможным и необходимым. Таким образом, закон планомерности сводился к самой возможности и необходимости планирования, а это предполагало отождествление планомерности как объективного закона и плановой деятельности.

Советские экономисты не только видели в народнохозяйственном планировании важнейшую специфическую черту нового способа производства, но и понимали ее особую роль в экономической системе социализма, и это было не чем иным, как отражением всеобщности планомерности, ее связи со всеми экономическими законами социализма²⁰⁰.

В рассматриваемый период широкое распространение получили формулы «народнохозяйственное планирование – экономический закон социализма» и «государственный план – экономический закон». Их анализ показывает, что приведенные формулы близки, но отнюдь не тождественны. В первой речь идет о необходимости и возможности планирования народного хозяйства при социализме. При том, что это утверждение само по себе справедливо, никак, однако, нельзя считать, что оно исчерпывает суть объективного экономического закона. Вторая формула выражала смешение законов экономики и права, экономический закон в ней оказался совпадающим с плановым документом.

²⁰⁰ Б. Боролин, например, писал, что изложение конкретного механизма плана может вскрыть «важнейшие особенности структуры наших производственных отношений и движения производительных сил в нашей стране» (Задачи преподавания политической экономии // Проблемы экономики. 1936. № 1. С. 82).

Вместе с тем в рассматриваемый период была распространена точка зрения, согласно которой народнохозяйственное планирование не идентично экономическому закону, а базируется на некоторых внутренних объективных закономерностях развития социалистической экономики. Интересен анализ, проведенный Л. Альтером, отражающий двустороннюю связь между планированием и экономическими законами. Настойчиво проводя мысль о том, что «планирование народного хозяйства, осуществляемое социалистическим государством, исходит из законов экономического развития общества»²⁰¹, он подчеркивал, что «через проводимое социалистическим государством народнохозяйственное планирование осуществляется действие законов экономического развития социалистического общества»²⁰². В таком подходе нашло отражение объективное положение планомерности в системе политической экономии социализма как категории, выражающей всеобщую форму движения социалистической экономики.

Особый интерес представляют взгляды Н. Власова, который еще в 1940 году писал, что социалистический план – «субъективное (сознательное) выражение объективного закона развития социалистического общества»²⁰³. Если в работах других экономистов речь шла о необходимости использования объективных законов социализма в планировании, то у Н. Власова – о поиске закона, лежащего в основе самого планирования. Однако на вопрос о том, каков именно этот закон, у Н. Власова ответа еще не было. Он в данной связи писал об опережающем развитии общественных потребностей по сравнению с возможностями общественного производства, рассматриваемом в качестве объективного экономического закона социализма.

Некоторые вопросы планомерности рассматривались на встрече экономистов с руководителями партии в январе 1941 года²⁰⁴, где обсуждались основные проблемы развития политической экономии социализма. В ходе обсуждения подчеркивалось, что социализм не может развиваться вне планового ведения народного хозяйства, что плановость вытекает из обобществления средств производства. Отсюда делался вывод: плановое ведение хозяйства является для социализма не вопросом желания или вопросом произвола, а объективной экономической необходимостью. Далее отмечалось, что в основе экономических законов лежит «объективная экономическая необходимость, диктуемая всей совокупностью объективных условий жизни общества»²⁰⁵.

Анализ статьи, подводившей итоги встречи, позволяет утверждать, что в ней нашли отражение как достижения в области политической экономии, так и проблемы, с которыми столкнулась советская экономическая наука к началу 1940-х годов. В ряде работ, появившихся после ее опубликования, конкретизировались и развивались выдвинутые в ней положения²⁰⁶.

Победа СССР в Великой Отечественной войне была победой всей общественной системы социализма с ее плановой экономикой над капитализмом. Необходимо было обобщить, теоретически осмыслить функционирование народного хозяйства СССР в годы войны, решить многие теоретические и практические вопросы послевоенного экономического развития. Большим вкладом в решение этой задачи стала книга Н.А. Вознесенского

²⁰¹ Альтер Л. План и социалистическое воспроизводство // Плановое хозяйство. 1941. № 2. С. 45.

²⁰² Там же. С. 50.

²⁰³ Власов Н. О движущем противоречии социалистического общества // Под знаменем марксизма. 1940. № 3¹. С. 119.

²⁰⁴ См.: Некоторые вопросы преподавания политической экономии // Под знаменем марксизма. 1943. № 7–8.

²⁰⁵ Там же. С. 69–70.

²⁰⁶ См., например: Курский А. Социалистическое планирование – закон развития советской экономики // Большевик. 1944. № 19–20; Островитянов К. Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства // Большевик. 1944. № 23–24; Островитянов К. Социалистическая система хозяйства и законы ее развития // Пропагандист. 1944. № 18; и др.

«Военная экономика СССР в период Отечественной войны», в которой особое внимание уделялось вопросам народнохозяйственного планирования. Так, Н.А. Вознесенский считал важнейшим отличием социалистической экономики от капиталистической то, что на смену «стихийным законам движения» пришли «экономические законы планирования и организации производства». Очевидно, что он имел в виду планомерность как всеобщую форму движения социалистической экономики. Однако, не разграничивая категории «планомерность» и «народнохозяйственное планирование», автор сделал вывод, что «социалистическое планирование, основанное на разумном использовании и применении экономических законов производства и распределения, само является общественным законом развития и в качестве такового – предметом политической экономии»²⁰⁷.

В результате анализа важных вопросов планомерной организации социалистического производства Н.А. Вознесенский пришел к общему заключению: «Социалистическое планирование производства предполагает знание экономических законов производства и распределения и умение использовать их в интересах социализма»²⁰⁸.

Книга Н.А. Вознесенского нашла широкий отклик среди научной общественности и была ею высоко оценена, вследствие чего оказала большое влияние на экономические исследования. Во многих работах конца 1940-х годов развивался ряд сформулированных Н.А. Вознесенским положений. Важно заметить, что в экономической литературе этого периода уже довольно четко прослеживается процесс разграничения категорий планомерности и народнохозяйственного планирования, хотя оно еще не получает необходимой завершенности и прежде всего потому, что еще не выделены планомерность как специфическое производственное отношение социализма и соответствующий объективный экономический закон²⁰⁹.

В экономической литературе конца 1940-х годов предпринимались попытки политэкономического анализа народнохозяйственного планирования, в которых речь фактически шла о планомерности. В этом отношении интересна статья К.В. Островитянова «Социалистическое планирование и закон стоимости». Здесь автор прямо говорит о том, что нельзя ограничиваться рассуждениями об объективной необходимости планирования, поскольку «социалистическое планирование представляет собой чрезвычайно сложную и разностороннюю категорию социалистической экономики». Это обусловлено тем, что «плановое начало пронизывает всю систему социалистических производственных отношений и составляет одну из наиболее существенных черт этих отношений» и каждой экономической категории социалистического народного хозяйства²¹⁰. В приведенном высказывании нашло отражение объективное положение планомерности как всеобщей формы реализации социалистических производственных отношений. Развивая это положение, К.В. Островитянов пишет: «Социалистическое планирование имеет у нас силу экономического закона в том смысле, что наши планы, выражая внутреннюю причинную связь и зависимость отношений социалистического воспроизводства, определяют и реализуют пропорции в распределении труда и средств производства между отдельными отраслями народного хозяйства и предприятиями, необходимые для разрешения хозяйственных задач, выдвигаемых партией и советским государством на данном этапе строительства коммунистического общества»²¹¹. Представляется очевидным, что научное определение закона невозможно без преодоления двойственности

²⁰⁷ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. С. 151.

²⁰⁸ Там же. С. 156.

²⁰⁹ См.: Островитянов К. Военная экономика страны социализма // Плановое хозяйство. 1948. № 1. С. 77. См. также: Кузнецов А. Об экономической роли советского государства // Партийная жизнь. 1947. № 12. С. 41; Ширинский И.Д. Народнохозяйственное планирование в СССР. М.: Госполитиздат, 1951. С. 4, 7.

²¹⁰ См.: Островитянов К. Социалистическое планирование и закон стоимости // Вопросы экономики. 1948. № 1. С. 25.

²¹¹ Там же. С. 26.

в понимании народнохозяйственного планирования. Если в начале цитируемого отрывка закон определяется как «внутренняя причинная связь», то в конце его речь фактически идет о планировании как функции социалистического государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.